

**Петербургская
библиотечная школа
№4(5) 1997г.**

Настоящий
журнал издан
при финансовой
поддержке «Института
Открытое
Общество.
Фонд
содействия».

Редакционная коллегия

З.В.Чалова,
С.А.Басов,
В.Ю.Григорьев,
А.С.Зонин,
Н.М.Комиссарчик,
Е.В.Конюхова,
Л.Г.Косачева,
Н.Н.Мазняк,
В.А.Минкина,
Р.А.Михалева,
Т.Ю.Монакова,
Н.Н.Никитина,
Т.И.Новикова,
Т.В.Петрусенко,
З.А.Рудая,
Н.П.Тряпкина,
Е.В.Шеповалова

Редакционный совет

Б.Ф.Володин
(Научный редактор),
М.Ф.Ежова
("Публичные
библиотеки"),
З.А.Рудая
("Уникумы"),
В.Ю.Григорьев
("Информационные
технологии"),
И.Л.Клим
("Переводы"),
С.С.Серейчик
("Реклама")

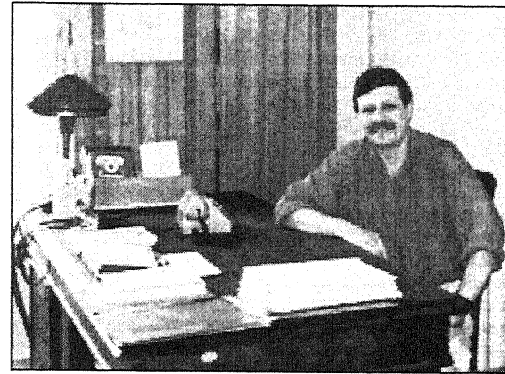
Литературный редактор

Л.Д.Грибакина

УЧРЕДИТЕЛЬ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЕ БИБЛИОТЕЧНОЕ ОБЩЕСТВО

191025 С.-Петербург,
наб. р. Фонтанки, 46
тел. (812) 311 27 53
факс (812) 311 22 47

Регистрационный
№ П1360
от 03 марта 1995 г.

К читателю

В новом номере журнала «Петербургская библиотечная школа» продолжается разговор о различных аспектах библиотечной жизни.

В статьях и других материалах затрагиваются разные проблемы, но при этом есть общая тема, которую можно сформулировать так: библиотекарь в условиях революции в библиотеке.

Эта тема в свою очередь рассматривается в нескольких аспектах. Прежде всего, это глобальные изменения в жизни библиотек в соотношении с «традиционными» представлениями о роли библиотеки, ее служении человеку и роли библиотекаря в этом учреждении.

Речь об этом идет в статье, посвященной состоявшейся в 1997 г. в Копенгагене сессии ИФЛА, и переводе статьи одного из наиболее интересных американских авторов — Гертруды Химмельфарб.

Различные аспекты библиотечного образования, подготовки будущего библиотекаря, характеристики учебных дисциплин рассмотрены в статьях коллег из Санкт-Петербургской государственной Академии культуры и Российской Национальной библиотеки.

Ряд статей представляет собой попытки понять особенности «классической» библиотечной работы, роль профессии, которая, изменяясь, не теряет своего значения и в условиях компьютерной революции.

*Борис Володин,
научный редактор журнала*

СОДЕРЖАНИЕ № 4 (5) 1997

К читателю	1
ХРОНИКА	2
ГОРИЗОНТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ	
Володин Б.Ф. Датские темы конференции ИФЛА 1997 г.	8
Гусева Л.Н., Шеляпина С.Н. Библиотека и общество (проблема исследования взаимодействия библиотек с обществом)	22
ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ	
Макеева Е.И., Миронов Н.А. Проблемы проектирования и практика использования информационных систем	30
УНИКУМЫ	
Зверевич В.В. Библиотека Европейского университета в Санкт-Петербурге	37
ВОПРОСЫ БИБЛИОТЕЧНОГО ОБРАЗОВАНИЯ	
Минкина В.А., Брежнева В.В. Учебный курс «Информационное обслуживание» в формировании профессионального мировоззрения студентов	40
Могилевер Н.В. Становление экономики библиотечного дела как научной дисциплины (краткий очерк постановки и решения проблем)	47
Тихомирова И.И. Определение уровня профессиональной подготовки студентов методом тестирования	59
НАШИ ПЕРЕВОДЫ	
Химмельфарб Г. Революция в библиотеке	62
Вебер Ю. Характеристика профессии «библиотекарь-исследователь»	70
Володин Б.Ф. Библиотекарь-исследователь российских библиотечных гуманитарных «островков» (размышления по поводу статьи Юргена Вебера)	80
ЛИДЕРЫ ПЕТЕРБУРГСКОЙ БИБЛИОТЕЧНОЙ ШКОЛЫ	
Мамонтов А.В. Благодарная память	85
НАШИ КОЛЛЕГИ	
Уитте Д. Библиотека иностранной литературы и форумы по общенациональным проблемам	90
Слим, Р. Размышления на тему российского гражданского общества	91
Фонд Кеттеринга	93
ИЗДАНО В ПЕТЕРБУРГЕ	
Смолина Е.В. Рецензия на книгу К.И.Воробьевой «Развитие отечественной библиопсихологии в 20-30-е годы XX века»	94

МП РИЦ «Культ-информ-пресс»
191065, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 2

Лицензия ЛР №030307 от 07.04.97

Отпечатано в типографии «Турусел».
191186, СПб, ул.Миллионная д.1. СПбГАК, тел.:311 54 74
Лиц. ПЛД № 69-150 Заказ № 11-98 от 09.01.98 тир. 1000 экз.

16-17 октября в Российской национальной библиотеке (РНБ) состоялась X Павленковские чтения — научная конференция по истории книжного дела в России второй половины XIX — начала XX в. Эти конференции проводятся в РНБ один раз в два года. Первые чтения состоялись в 1979 г. Их тематика обусловлена тем, что РНБ с конца 1970-х гг. работает над многотомным исследованием по истории книжного дела в России указанного периода. Первые две серии монографии уже вышли в свет (Книга в России, 1861–1881.—М., 1988–1991.—Т. 1-3; Книга в России, 1881–1895.—СПб., 1997.— 430 с.).

На прошедших десяти конференциях, кроме представителей Петербурга и Москвы выступили с докладами исследователи из Воронежа, Горноалтайска, Екатеринбургa, Казани, Киева, Краснодарa, Новосибирска, Перми, Пскова, Самары, Сыктывкара, Ташкента, Тобольска, Томска, Тюмени, Ульяновска, Уфы, Хабаровска, Харькова, Чебоксар, Читы, Ярославля, а также из Израиля и США. На последних чтениях было заслушано 26 докладов. Их можно, в основном, разделить на три тематические группы: история издательской деятельности, история отдельных изданий, история чтения и библиотеки.

Несколько докладов были посвящены петербургской тематике. И.С.Зверева (РНБ) рассказала о предреволюционном этапе истории двух крупнейших издательств медицинской литературы — издательства К.Л.Риккера и «Практической медицины» В.С.Эттингера. Е.А.Голтербах (РНБ) посвятил доклад издательской деятельности петербургского литературного критика В.Р.Ховина до его эмиграции из России в 1920-х гг. И.А.Голубцова (РНБ) подробно остановилась на издании и распространении книг для народа С.-Петербургским комитетом грамотности. Е.С.Сонина (СПбГУ) охарактеризовала читательскую аудиторию семи ведущих петербургских газет 1880-х гг. — «Биржевых ведомостей», «Гражданина», «Недели», «Нового времени», «Новостей», «Петербургского листка», «Сына отечества». Л.Ю.Хрычкова (ЦГПБ им. В.В.Маяковского) проследила историю трех петербургских типографий — «Товарищества Р.Голике и П.Вильборг», А.Бенке, Глазуновых.

Следующие Павленковские чтения намечено провести в октябре 1999 г.

21 сентября исполнилось 200 лет Научно-исследовательскому институту акушерства и гинекологии им. Д.О.Отта Российской академии медицинских наук. За время своего существования Институт стал неотъемлемой частью российской истории, истории Санкт-Петербурга, отечественной и мировой науки, высшего и среднего медицинского образования.

Научно-медицинская библиотека института существует со дня его основания. Одним из главных источников ее формирования и пополнения были пожертвования читателей и дары ученых. В библиотеке хранятся редкие книги XVII–XIX вв. В настоящее время фонд библиотеки насчитывает 80000 единиц хранения. С 1994 г. здесь ведется электронный каталог, в 1995 г. приобретена база данных Medline на лазерных дисках, функционирует электронная почта. Читальный зал библиотеки открыт для студентов медицинских институтов и врачей города.

В июне в Научной библиотеке Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов состоялась рабочая встреча совместно с разработчиками НПО «Информ-система» для пользо-

вателей АИБС «МАРК» и широкого круга библиотечных специалистов города. Свыше 60-ти человек стали гостями этого мероприятия. Советание было посвящено базовой версии программы нового поколения и перспективам ее широкого использования в библиотечной практике. Участникам совещания была продемонстрирована новая версия, были отмечены новые возможности системы, четко сформулированы задачи в плане интеграции данной системы с другими действующими системами, в том числе с выходом в Интернет. Базовая версия АИБС «МАРК» будет представлять собой масштабируемую многоплатформенную библиотечную систему с полной преемственностью по БД с предыдущими версиями. В качестве лингвистической поддержки для локального и сетевого вариантов дополнительно разработаны БД «Тезаурус» по разделам: экономика, социология, государство и право и др. Лингвистическое наполнение осуществляют специалисты ИНИОН.

С 23 по 27 июня в Санкт-Петербургском государственном горном институте (техническом университете) проходил 3-й Международный симпозиум «Культурное наследие в горном деле, геологии и металлургии. Библиотеки – Архивы – Музеи». В Главной библиотеке и в Горном музее Горного института, одного из старейших вузов России, основанного в 1773 г., бережно хранятся богатые книжные и музейные коллекции, собранные более чем за 200 лет. 1996 год для Университета был особенным. Указом Президента России Санкт-Петербургский государственный горный институт включен в Свод особо ценных объектов культурного наследия Российской Федерации. Это большая честь и большая ответственность.

Открывая 3-й Международный симпозиум, ректор Горного института профессор В.С.Литвиненко сказал: «Не случайно складывается традиция проведения таких симпозиумов в стенах университетов разных стран, где одновременно и органично протекают два процесса — бережного сохранения материальных и духовных историко-культурных ценностей и воспитание молодого, энергичного современного поколения горняков, геологов, металлургов». В симпозиуме помимо представителей России и СНГ приняли участие 22 специалиста из Австралии, Австрии, Германии, Словакии, Нидерландов и США. Первый день работы симпозиума был посвящен Санкт-Петербургскому горному институту, второй — Главной библиотеке Горного института, вопросам библиотечного дела в целом и архивному делу, третий — Музею Горного института и музейному делу, четвертый — выступлениям участников по общекультурной тематике. К симпозиуму были подготовлены 4 экспозиции старинных книг: «Периодические издания XVIII века в фондах Главной библиотеки», «Первые книги Главной библиотеки», «Коллекция трудов Г.Агриколы», «Книги из библиотеки В.Н.Татищева». На закрытии симпозиума состоялась общая дискуссия. Были высказаны мнения о симпозиуме, пожелания организаторам следующих симпозиумов, и было принято решение о месте проведения 4-го (Банска-Ставница, Словакия) и 5-го (Гольден, США, Колорадо) симпозиумов по культурному наследию 1998 и 2000 гг. Научная и культурная ценность проведения 3-го симпозиума по культурному наследию — в привлечении внимания к вкладу горняков, геологов, металлургов в общечеловеческую культуру, в сохранении и приумножении ее.

16 сентября в Центральной городской библиотеке им. А.И.Куприна г. Гатчины, которая уже 27 лет носит имя А.И.Куприна, прошли ежегодные «Купринские чтения». В этом году в рамках чтений состоялся литературный вечер «В кругу друзей А.И.Куприна», эпиграфом которого стали слова писателя: «...каждый друг нам послан Богом...». На вечере звучали отрывки из книги дочери писателя Ксении Куприной «Куприн — мой отец», а также рассказ о не раз гостивших у писателя в Гатчине — Александре Грине, Корнее Чуковском, Максиме Горьком, Александре Блоке, Мамонте Дальском, Саше Черном. Говорили на вечере и о земляках Куприна, людях, которые часто становились героями его произведений. Так, особенно запоминающимся оказалось повествование о трагической судьбе друга писателя, гатчинского художника Павла Щербина. «Куприн — имя доброе, теплое, светлое», — так сказал о писателе кто-то из его современников, и именно такая атмосфера «тепла и света» сопутствовала проведению этого вечера.

18–19 сентября в Центральной городской библиотеке им. А. Аалто г. Выборга состоялся семинар «Поможем себе сами!» о современной методике работы в организациях культуры. Семинар был подготовлен Балтийским гуманитарным фондом при содействии отдела культуры Администрации г. Выборга. На семинаре рассматривались вопросы: соотношение государственного и негосударственного в современной культуре; обзор законодательства о культуре и благотворительного законодательства России, Санкт-Петербурга, Ленинградской области; альтернативные источники финансирования культуры; программы Института «Открытое Общество» (Фонд Сороса) в северо-западном регионе; основные принципы фандрайзинга и написания заявок на грант; построение приоритетных отношений с бизнес-сектором; зарубежный опыт финансирования культуры. В работе семинара приняли участие ведущие эксперты благотворительных фондов и руководители организаций культуры из Петербурга и Выборга. Все участники семинара получили методические материалы и специальную литературу.

10 октября в ЦГПБ им. В.В.Маяковского прошли два круглых стола, организованные Петербургским отделением Института «Открытое Общество» (Фонд Сороса) и Библиотекой.

Первый круглый стол был посвящен проблемам книгоиздания и книгораспространения в Петербурге в современных условиях. Представительность собрания позволила придать обсуждению комплексный характер, увидеть препятствия на пути книги к читателю с различных точек зрения. Френсис Пинтер обратилась к участникам с просьбой описать ситуацию доступа к научной, учебной и специальной книге, помочь найти пути для Фонда Сороса: как поддержать книжное дело так, чтобы необходимая серьезная литература оказалась доступна читателям, оказалась в фондах библиотек. В выступлении представителя РНБ И.В.Эйдемиллер была охарактеризована ситуация на книжном рынке Петербурга, его бурное развитие, активизация деятельности университетских издательств, отсутствие у них каналов для книгораспространения, роль университетского книжного салона, ставшего ежегодным. С.В.Чистобаев (директор издательства «Специальная литература») рассказал о сложившейся в Петербурге системе выпуска учебников по авторским программам. Учебники, по закону, должны распространяться бесплатно, но городская администрация

финансирует только 20% издательских расходов. Таким образом, в школах сохраняется дефицит новой учебной литературы. З.А.Рудая (ЦГПБ им. В.В.Маяковского) привела данные мониторинга читательских интересов, который ведется в публичных библиотеках Петербурга в течение последних 5-ти лет. Данные говорят о серьезных изменениях в традиционном чтении, о возрастании востребованности научной, специальной, справочной литературы, а также об усиливающемся дефиците этой литературы. Фонды библиотек устарели, но обновляются при существующем финансировании не более чем на 3-5% в год вместо необходимых 10-20%. По мнению ряда издательств, было бы целесообразно поддержать библиотеки для приобретения в фонды ценной учебной и справочной литературы.

Второй круглый стол состоялся при участии директора Библиотеки Конгресса США доктора Джеймса Биллингтона. Ведущий — профессор А.В.Соколов — предложил доктору Биллингтону поделиться своим пониманием «открытого общества» и роли библиотек в нем. Выступление доктора Биллингтона было содержательным, остроумным и чрезвычайно полезным для собравшейся аудитории, так как отражало стройную систему понимания связей библиотек с историческим процессом, демократией, информационной эрой. В своем выступлении Джеймс Биллингтон настаивал на ответственности библиотек за предоставление публике всего разнообразия и полноты информации как по содержанию (теории, идеи, культурные и этнические традиции), так и по форме (сочетание традиционных печатных источников с электронными, необходимость противодействовать всеядности Интернет, заполняя ее позитивным содержанием, переводя собрания библиотек в цифровую форму для свободного доступа к ним).

Участники круглого стола, соглашаясь с принципиальной позицией Дж. Биллингтона об ответственности библиотек за информированность граждан в условиях демократического общества, сосредоточили внимание на проблемах российских библиотек. Все считают нищенское финансирование библиотек реальным показателем понимания (или непонимания) государством их роли. Заместитель директора РНБ В.Р.Фирсов обратил внимание на новый миф об открытости наших библиотек. По его мнению, не библиотеки стали более открытыми для публики, а лишь библиотекари открылись своим зарубежным коллегам, стали ездить на стажировки, принимать зарубежных гостей. Директор БАН В.П.Леонов говорил о неразработанности теории информационной этики в России. Его поддержала заведующая библиотекой Информационно-культурного центра США в Петербурге И.Л.Клиш, говоря об отсутствии подобного курса в профессиональном библиотечном обучении. Она привлекла внимание к усиливающимся требованиям к библиотекарям в условиях информационного наводнения — необходимость стать консультантами, экспертами в области информации. Дж. Биллингтон задал присутствующим вопрос: как изменились библиотеки за годы существования в условиях относительно открытого общества; что изменилось, кроме того, что перестали существовать спецхраны для нежелательной литературы? Директор ЦГДБ им. А.С.Пушкина Л.Г.Секретарева рассказала о том, как органично новое поколение воспринимает возможность открытого общества, подростки сами подсказывают библиотекарям, каких изменений ждут. Острота полемике смягчилась после вопроса заместителя Ф. Пинтер о том, почему

библиотеки в России, в отличие от западных, не открывают читателям свои фонды, свои структуры. Здесь было возможно начать удивительно интересную и плодотворную дискуссию о реальных изменениях библиотечного сервиса в условиях открытого общества, но, к сожалению, время встречи истекло.

Оба круглых стола показали участникам чрезвычайно полезными, их материалы готовятся к публикации в журнале «Петербургская библиотечная школа».

По удивительному стечению обстоятельств «круглые столы» (см. информацию выше) состоялись в тот же самый день, 10 октября, когда в ЦГПБ им. В.В.Маяковского проходила международная информационная выставка образовательных и культурных программ «Все флаги в гости», в которой приняли участие представители 9 стран. Мероприятие было наглядной демонстрацией информационных возможностей открытого общества. В выставке приняли участие Британский Совет, Институт им. Гете, Американский центр при Генеральном консульстве США, Американский образовательный центр (АСПРЯЛ), Французский институт в Санкт-Петербурге, Голландский научно-культурный институт, Информационное бюро Совета Министров Северных стран, отделы культуры Генеральных консульств Нидерландов, Польши, Финляндии, Франции, Швеции, Японии. Петербуржцам была предоставлена уникальная возможность напрямую встретиться с представителями зарубежных образовательных и культурных центров, познакомиться с их деятельностью, получить исчерпывающую информацию о качественных образовательных, научных, культурных программах, действующих в странах – участницах выставки. Можно было узнать и об условиях участия в международных образовательных, научных обменах, подобрать программу изучения иностранного языка, как в Петербурге, так и за его пределами. В течение дня выставку посетили 3600 человек. По решению организационного комитета следующую выставку «Все флаги в гости» планируется провести в сентябре 1998 года с привлечением большего числа участников.

Хроника Мемориальной библиотеки князя Г.В.Голицына

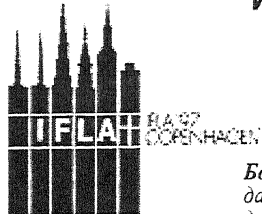
22 сентября состоялась встреча с нашим соотечественником, ныне живущим во Франции, Ефимом Григорьевичем Эткиндом. Е.Г.Эткинд — известный литературовед, переводчик, исследователь русской и западно-европейской литературы, доктор филологических наук, блестящий педагог, воспитавший не одно поколение талантливых учеников. В настоящее время Е.Г.Эткинд — профессор Десятого парижского университета, член-корреспондент Баварской академии изящных искусств, Академии наук и литературы (г. Майнц), Немецкой академии языка и поэзии (г. Дармштадт). В 1974 г. «за антисоветскую деятельность» Е.Г.Эткинд был лишен ученых степеней, профессорского звания, уволен из Ленинградского педагогического института, исключен из Союза писателей и был вынужден эмигрировать во Францию. В эмиграции Е.Г.Эткинд опубликовал множество работ по теории перевода, истории и теории стиха, стилистике и психоэстетике; далеко не все они известны читателям в России. С Библиотекой Голицына Е.Г.Эткинда связывают теплые отношения. В 1996 г. Е.Г.Эткинд подарил библио-

теке значительную часть своей личной коллекции: периодические издания русской эмиграции, а также свыше 100 монографий, опубликованных за рубежом и посвященных отечественной литературе и истории. Прочитанная Е.Г.Эткиндом лекция была посвящена творчеству русских писателей-эмигрантов во Франции в 70-80-е годы, а также наиболее значительным западным исследованиям русской литературы.

Другая сентябрьская встреча (26 сентября) была с американской писательницей Сюзанной Масси, посвятившей свою творческую деятельность изучению России. С.Масси много сделала для установления и укрепления российско-американских культурных и политических связей. В 80-е гг. она была советником Президента США Р.Рейгана, ее называли «женщиной, положившей конец холодной войне». С.Масси является обладателем ряда наград и почетных званий, она — член Русского исследовательского центра при Гарвардском университете, консультант членов Конгресса США по вопросам российско-британских отношений. Сюзанна Масси пишет о России, читает лекции по русской истории и культуре в различных учреждениях США. Ее перу принадлежат такие произведения о России, как «Павловск», «Страна жарптицы», «Живое зеркало»; в соавторстве с Робертом Масси ею была написана книга «Путешествие»; она участвовала в написании и издании другого исследования Р.Масси — «Николай и Александра» (в качестве исследователя материала и редактора). На встрече с читателями Сюзанна Масси рассказала о своем творчестве, об истоках интереса к России, о планах на будущее.

23 октября с лекцией выступил Орландо Файджиз — молодой английский историк, автор двух серьезных исследований по истории России, изданных в Англии. Первая монография — «Крестьянская Россия. Гражданская война» — вышла в 1989 г. (2-е изд. — 1991г.) и получила высокую оценку критиков, назвавших ее «одним из самых важных исследований русской революции». Вторая книга — «Трагедия народа. Русская революция, 1891-1924» была опубликована в 1996 г., о ее успехе свидетельствует переиздание в следующем, 1997 г. Особенностью творчества Файджиза является то, что история войны и революции в России раскрывается не только через события, но и через судьбы отдельных людей. О.Файджиз рассказал слушателям о своем видении Октябрьской революции и об основных критериях в работе историка, главным из которых является объективность исследователя, независимо от политических, идеологических, национальных и иных приоритетов в тот или иной период исторического развития. Знаменательно то, что лекция, одной из основных тем которой была Октябрьская революция, проходила в день ее 80-летия (по старому стилю), при этом оценка октябрьских событий, в отличие от праздничных славословий в недалеком прошлом, была максимально объективной.

ДАТСКИЕ ТЕМЫ КОНФЕРЕНЦИИ ИФЛА 1997 г.

КОПЕНГАГЕН-97

Борис Федорович Володин — кандидат педагогических наук, заведующий научно-исследовательским отделом библиотековедения Российской Национальной библиотеки

С 31 августа по 5 сентября 1997 г. в столице Дании — Копенгагене — проходила ежегодная конференция Международной Федерации библиотечных ассоциаций и учреждений (ИФЛА).

Тема 63-й международной встречи библиотекарей была сформулирована следующим образом: «Библиотеки и информация для развития человека». Проходила эта конференция под патронажем Ее Величества Королевы Дании Маргарете II.

Дания уже дважды принимала представителей библиотекарей всего мира. Первый раз это была конференция ИФЛА 1969 г. под девизом «Библиотечное образование и исследования в библиотечном деле». Темой следующей конференции, проведенной в 1979 г., стало «Библиотечное законодательство». Выбор обеих тем нельзя назвать случайным, поскольку и в отношении библиотечного образования, и в отношении исследовательской работы в области библиотечного дела Дания справедливо считается одним из лидеров не только на европейском, но и на мировом уровне. А в области разработки библиотечного законодательства с этой страной едва ли можно конкурировать, поскольку здесь разрабатывались и принимались такие законы о библиотечном деле, которые идеально соответствовали реальным интересам библиотек, библиотекарей и пользователей библиотек. В случае изменения общей ситуации в стране, эти законы пересматривались и адаптировались к новым условиям.

Думается, что и тема нынешней конференции была выбрана неслучайно. Хорошо известно, что Дания является одним из государств, наиболее целенаправленно ведущих политику информатизации. Почти все библиотеки страны вовлечены в процесс информатизации общества, но при этом они не менее активно участвуют в реализации других проектов. Иными словами, деятельность датских библиотек определяется не только характерными для информатизации процессами.

Не менее интересно развиваются т.н. традиционные направления библиотечной работы, и большое внимание уделяется необходимости строительства новых библиотечных зданий — едва ли не каждая библиотека страны работает либо в новом, специально для данной библиотеки и по оригинальному проекту построенном современном здании, либо в полностью реконструированном строении. Датские архитекторы явля-

ются также авторами проектов многих оригинальных библиотечных зданий, построенных и за пределами страны.

По масштабам данная конференция была одной из самых крупных. Согласно официальной статистике в ней участвовали 2917 гостей из 134 стран. Российская делегация насчитывала около 150 участников.

Работа конференции проходила в конгресс-центре (Bella Center), расположенном на окраине Копенгагена. Здесь шли пленарные и секционные заседания 42 секций и круглых столов ИФЛА, заседания постоянных и исполнительных комитетов секций и круглых столов, некоторые из специализированных рабочих семинаров, а также проводились и многочисленные дискуссии, встречи, лекции, различные другие мероприятия. Здесь же разместилась большая специализированная выставка, на 99 стендах которой были представлены экспонаты 213 учреждений и организаций.

Очень интересная экспозиция была развернута в дни работы конференции и в центре Копенгагена — в выставочном зале Круглой башни. Выставка «Библиотеки в 2002-м году» была организована не только для участников конференции, но прежде всего, для жителей столицы и ее гостей, которые также получили возможность соприкоснуться с миром библиотек и ощутить атмосферу большого библиотечного праздника. Эту экспозицию не могли не заметить и посетители Городской библиотеки, находящейся в центре Старого города. Каждого посетителя, переступающего порог библиотеки, приветствовали лозунги на нескольких языках, в том числе и на русском.

Датские коллеги основательно подготовились к конференции. Каждый участник имел возможность получить специально написанные для конференции и изданные на английском языке книги, автором которых является Йорген Сване-Миккельсен — «Библиотечная система в Дании» и «Книги и здания. Архитектура датских научных библиотек в 1990-е гг.» (подготовлена к изданию Лейфом Лёррингом и Эрландом Колдингом Нильсеном). Датский библиотечный центр выпустил брошюру с описанием своей деятельности кроме всех прочих и на русском языке.

Все участники имели возможность, по своему усмотрению, посетить несколько библиотек Копенгагена и других городов Дании. Наконец, подготовленные датскими библиотеками, обществами, издательствами, культурными центрами, были наиболее представительными, с их помощью можно было ознакомиться с литературой и культурой страны. В рамках выставки была организована и ретроспектива лучших датских неигровых фильмов.

Основные события

Программа конференции была чрезвычайно насыщенной. В особую группу выделены мероприятия, связанные с обсуждением и принятием документов по основным программам ИФЛА, в число которых входят:

- Всеобщая доступность (UAP);
- Универсальный библиографический учет и международный формат MARC (UNICIM);
- Всеобщие потоки информации и телекоммуникации (UDT);

● Развитие библиотек в Третьем мире (ALP).
Основная программа состояла из многочисленных мероприятий, проводившихся в рамках 8-ми отделений ИФЛА:

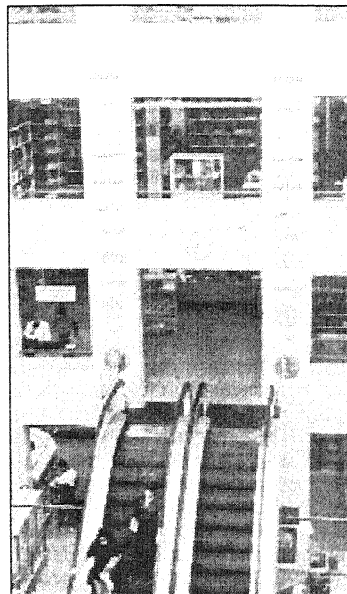
- Универсальные научные библиотеки;
- Специальные библиотеки;
- Библиотечное обслуживание и широкая публика;
- Библиографический контроль;
- Фонды и обслуживание;
- Управление и технологии;
- Образование и исследования;
- Региональные направления.

Естественно, что посетить все основные мероприятия конференции ИФЛА и даже кратко охарактеризовать их просто невозможно, хотя бы потому, что многие мероприятия проводились параллельно, в одно и то же время. Поэтому те события, которые охарактеризованы ниже более подробно, являются, вне всякого сомнения, лишь частью общей программы конференции, и их анализ на исчерпывающую полноту ни в коем случае не претендует.

Открытие и пленарное заседание

Открывала конференцию и приветствовала гостей Мортен Лаурсен Виг — руководитель Датской государственной библиотечной службы. В своем выступлении она отметила, что в начале нынешнего столетия в стране развернулось т.н. «библиотечное движение», а в первом библиотечном законе, принятом в 1920-м г., ставка была сделана на распространение знаний и обеспечение возможности получения общего образо-

Королевская библиотека. Копенгаген

Городская библиотека. Копенгаген

Статуя у Мраморного собора. Копенгаген

вания для всех слоев общества. Основной принцип датской библиотеки — свободный, бесплатный и равный для всех проживающих в Дании доступ к информации.

На торжественном открытии с приветственной речью выступил также Роберт Веджеворт — Президент ИФЛА. Его речь была краткой, но очень содержательной. Она была абсолютно непохожа на привычные официальные выступления. С одной стороны, он продемонстрировал динамику того, как в течение последних пяти лет (начиная с 1992 года — с конференции в Нью-Дели) менялась ИФЛА, ее работа, ее цели и задачи. С другой стороны, он обратил внимание участников конференции на то, как много удалось сделать в отношении решения самых сложных проблем в области развития библиотечного дела, на то, как откликнулась ИФЛА на самые драматические события, происходившие в библиотечной жизни разных стран.

Одно из последних таких событий — предпринятая весной этого года попытка оказать политическое давление на публичные библиотеки Франции и на библиотечную систему страны, целью которой было внесение изменений в саму политику комплектования этих библиотек. Он поблагодарил организаторов конференции за хорошую подготовку этого мероприятия и за гостеприимство жителей города, который справедливо называют удивительным Копенгагеном. От имени страны, проводящей конференцию, на пленарном заседании выступила Лоне Дюбкьер

— представитель Дании в Европейском парламенте, член Датского парламента, бывший министр экологии. Она прочитала основной доклад этой конференции, соответственно его названием стала формулировка темы самой конференции — «Библиотеки и информация для развития человека». Лоне Дюбкьер остановилась на основных вехах истории развития библиотек и, прежде всего, отметила значение стремления Александрийской библиотеки сохранить мудрость, накопленную с древних времен, для следующих поколений, она также высоко оценила изобретение Гутенберга, на несколько столетий определившее путь развития человечества. Сегодня мы можем наблюдать новый поворот в развитии библиотек — поворот в сторону всеобщего доступа к мировым знаниям.

Уже сегодня половина датчан имеют дома персональные компьютеры, причем один из десяти жителей Дании может выходить в Интернет. Завтра, как подчеркнул докладчик, выход в Интернет будет для всех столь же привычным делом, как сегодня разговор по телефону, а получение информации через Интернет — явлением, столь же обычным, что его можно сравнить с тем, как мы сейчас снимаем книгу с полки. И совершенно естественна постановка вопроса следующим образом: а нужны ли будут библиотеки? И тогда, как отметил докладчик, мы начинаем сознавать, что библиотеки — это не только пыльные полки с коллекциями книг.

Мы чувствуем и то, что всех проблем Интернет не решит. Пока же очевидно, что его пользователи получают слишком много лишней информации. Но еще более сложная проблема заключается в том, что по мере внедрения новых технологий меняется и общество — и если раньше люди ходили в церковь, стремились к постижению высших ценностей, то сегодня налицо стремление развлекаться все 24 часа. Но если человек сутками живет в ирреальном мире, то этим человеком можно очень легко манипулировать. Закончила же Лоне Дюбкьер своей доклад, перефразировав извечный вопрос Гамлета — принца Датского — «To be or not to be?» («Быть или не быть?») — «To know or not to know?» («Знать или не знать?»), ибо ключ к знаниям по-прежнему хранится в библиотеках.

Тема информационного общества

Дания — страна небольшая. Ее население насчитывает 5,3 млн. человек. Но в отношении развития библиотечного дела она является одной из самых развитых стран. Здесь функционирует блестяще налаженная автоматизированная система DANBIB, охватывающая все публичные и большинство научных библиотек. Об этом, например, очень интересно говорил Бёрге Сёренсен представитель сети публичных библиотек Копенгагена на открытом форуме отделения библиотек, обслуживающих широкий круг читателей (Division of Libraries Serving the General Public Open Forum) — собственно, с его доклада и началась работа этого форума. Он же обратил внимание и на другую сторону медали, а именно на то, что виртуальные библиотеки представляют угрозу не только для Дании. Но лично Бёрге Сёренсен смотрит на виртуальные библиотеки несколько иначе. В них он видит просто-напросто другой вид библио-

течного обслуживания, к которому в будущем станут обращаться особенно активно. А пока, в ближайшие 5-10 лет, оба вида обслуживания будут существовать параллельно, и т.н. традиционное обслуживание будет составлять 75% предлагаемых библиотечкой услуг. Библиотекарь же по-прежнему остается лоцманом в мире знаний и информации. Разумеется, на данной сессии ИФЛА в первую очередь обсуждались проблемы адаптации библиотек к условиям информационного общества, проблемы применения новейших технологий, подключения библиотек к сети Интернет.

Один из рабочих семинаров был посвящен теме «Публичные библиотеки и Интернет». На нем выступили с докладами представители библиотек Бельгии, Норвегии, Финляндии и Франции.

На обсуждение вопросов применения новых технологий была сориентирована и одна из наиболее «традиционных» секций — редких книг и рукописей, которая провела рабочий семинар на тему «Дигитализация редких книг и рукописей». На нем выступили с докладами представители стран, которые продвинулись в решении этих вопросов особенно далеко — США и Великобритании.

Организаторы конференции уделяли внимание вопросам использования Интернет не только непосредственно в программе конференции, но и организовали в центральном холле Белла-центра Интернет-бар с 20 персональными компьютерами для работы участников конференции. Как правило, на протяжении всех дней работы конференции были заполнены все рабочие места.

Человек в новой библиотеке

Конференция в Копенгагене не менее отчетливо показала определенные тенденции в развитии библиотечного дела и, прежде всего, стремление к поиску нового лица традиционной или классической библиотеки. Эта тенденция просматривалась в двух планах: изменения в среде, окружающей приходящего в библиотеку человека, и заметная ориентация на досуговый аспект в деятельности крупных научных библиотек.

Работа секции библиотечных зданий и оборудования в рамках этой конференции заслуживает большого внимания. Собственно, она началась вообще за пределами Дании. Ее работе предшествовал рабочий семинар, посвященный наиболее ярким проектам библиотечных зданий. Он проходил в течение нескольких дней перед открытием конференции в одной из самых ярких и даже экстравагантных, ультрасовременных библиотек Европы — Городской библиотеке в Гааге (Нидерланды). В нем приняло участие 80 человек, в том числе и из таких отдаленных от Европы стран, как Намибия, Сингапур, Перу.

Непосредственно перед конференцией на заседании исполнительного совета секции была всесторонне обсуждена программа деятельности секции на ближайшие годы. Эта дискуссия показала, что современные решения для новых библиотечных зданий связаны с происшедшими в библиотечном деле революционными изменениями.

Они, как правило, в равной степени касаются как крупных научных библиотек, так и публичных, в связи с чем многие вопросы обсуждались представителями обеих сторон — руководителями и ведущими специ-

алистами библиотек обоих типов, входящих в постоянный комитет секции. Особенно интересными были выступления представителей скандинавских стран, в частности, Свена Нильсона — директора одной из самых оригинальных библиотек Скандинавии — Городской библиотеки в Мальмё, открытой для читателей в июне этого года (эта библиотека была включена в программу библиотечных экскурсий для участников конференции).

Безусловно, Городская библиотека в Мальмё, построенная по проекту одного из самых известных в мире библиотечных архитекторов — датского архитектора Хеннинга Ларсена, который является автором целого ряда интереснейших проектов как на родине, так и за рубежом (например, автором одной из лучших городских библиотек во Франции, построенной в городе Сент-Этьене), заслуживает отдельного и обстоятельного разговора. Но не сказать об этой библиотеке, характеризуя ключевые моменты в работе копенгагенской конференции, нельзя. Ведь она представляет собой не просто еще одно новое красивое или даже очень комфортабельное библиотечное здание, хотя все эти определения к нему применимы.

В данном случае через пространственно-архитектурное решение реализована совершенно новая концепция публичной библиотеки. В ней нет вообще многих столь привычных служб, например, традиционного стола регистрации выдаваемых книг и других библиотечных документов. Все обслуживание вынесено в залы, где стоят стеллажи с книгами и другими документами, где есть столы для работы и уголки отдыха. Повсюду расположены столики, за которыми сидят библиотекари, готовые и записать выдаваемые книги и другие документы, и дать консультацию, помочь сориентироваться. Показательно, что из 116 сотрудников этой библиотеки 60 работает непосредственно с публикой.

В скандинавских библиотеках на протяжении многих десятилетий строительство нового здания начинается не с формального решения фасада или внутренних площадей, а с разработки концепции библиотеки, с того, что хотят видеть в ней ее работники. Пожалуй, в странах Скандинавии этот подход получил самое яркое воплощение. И эта яркость, и сопутствующие ей оригинальность и глубина выражаются в том, что ни одно из решений, однажды апробированных и получивших всеобщее одобрение, признание как со стороны коллег, так и со стороны читателей, не тиражируется. Оно не застывает в своем развитии. Изменяется время и меняется облик библиотеки.

Публичная библиотека информационного общества не похожа на библиотеки, которыми традиционно гордились скандинавские страны. Она в большей степени повернулась к человеку, к каждому конкретному ее читателю, и резко отошла от привычной внешней отстраненности (хотя по отношению к скандинавским библиотекам она никогда не была таковой, возникало лишь внешнее обманчивое впечатление пассивности библиотекаря в условиях открытого доступа), от активной работы с самим читателем.

Наиболее значительным событием в работе этой секции стало заседание, на котором были представлены проекты новых зданий национальных библиотек Дании, Норвегии, Финляндии и Швеции. В первом

и во втором случае датчанка Шарлотта Рохде и ее норвежская коллега Эйрин Хауген представляли новые здания. При этом нужно отметить, что новое здание Королевской библиотеки Дании построено за старым зданием и связано с ним теснейшим образом. В Финляндии же, как показала в своем выступлении Эйя Вуори, освоено соседнее небиблотечное здание, которое, будучи переоборудованным, преобразилось и идеально соответствует потребностям Университетской библиотеки, являющейся национальной библиотекой Финляндии. Она же представляла и оригинальный проект Национальной медицинской библиотеки в Хельсинки, строительство которого также завершается в настоящее время.

В Швеции, о которой речь шла в выступлении Керстин Виман, новое здание вообще является невидимым. Она охарактеризовала его как «новое невидимое здание Королевской библиотеки». Оно не видно, поскольку существует не в виде отдельного корпуса, как библиотечные здания в Копенгагене и Осло, а в виде подземных помещений и сложной системы пристроек. Эта скандинавская архитектурная библиотечная сюита сопровождалась демонстрацией ярких цветных слайдов, что позволило лучше оценить оригинальность каждого из проектов. Наиболее удачным по форме было представление финских библиотек.

Надо отметить, что скандинавские коллеги уделили новым зданиям большое внимание и на стендах выставки. И здесь на первом месте были финские участники выставки, что не представляется случайным, ибо со времен Алвара Аалто, его библиотечных шедевров, ставших эталонами лучших решений в библиотечной архитектуре, архитекторы этой страны занимают во многих отношениях лидирующее место в мире.

Новая роль национальной библиотеки

Важным в поиске библиотекой своего нового лица стало и осмысление роли библиотеки как культурного центра. Это касается, прежде всего, крупных научных библиотек, но в особенности библиотек национальных. Эта тенденция имеет разные проявления. Так, при Королевской библиотеке в Копенгагене в 1996 г. создан новый музей — Национальный музей фотографии, о чем, в частности говорилось в докладе сотрудницы этой библиотеки Ингрид Фишер Йонге на заседании секции библиотек по искусству.

Наиболее же значительным событием стало проведение открытого заседания секции национальных библиотек по теме «Национальные библиотеки как центры культуры». Основной доклад был представлен директором Датской Королевской библиотеки в Копенгагене Эрландом Колдингем Нильсеном. Он исходил из того, что новое здание, его огромные пространства позволяют совершенно по-новому взглянуть на деятельность национальной библиотеки, к чему уже пришли и другие национальные библиотеки Европы, в первую очередь таких стран, как Австрия, Великобритания, Германия, Исландия, Финляндия, Франция, Швеция и Эстония.

В Датской Королевской библиотеке реализуется принципиально иная культурная концепция национальной библиотеки в ее новом здании на острове Slotsholmen (Замковом острове). Здесь создается огромное по территории и по своим возможностям культурное учреж-

дение с 5 просторными выставочными залами, с 7 помещениями для проведения занятий, собраний и конференций, способными вместить до 600 человек, с библиотечным магазином и другими объектами. Здесь же будут отныне работать и такие небольшие исследовательские и культурные институты как Датские архивы фольклора, Общество датского языка и литературы, Датский женский информационный центр, Центр информации по датской литературе. Все они по роду своей деятельности связаны с национальной библиотекой, ее уникальными фондами.

В Новом стратегическом и финансовом контракте, заключенном в 1991/1992 гг. между Министерством культуры Дании и Королевской библиотекой, четко определены цели, задачи и ассигнования на ближайшие четыре года — с 1998 по 2001 г.

Одна из стратегических целей выражается в том, что Королевская библиотека «как национальная и университетская библиотека в качестве научно-исследовательского учреждения занимает центральное место в сфере культурной активности в стране». При этом следует отметить, что четко определены все 5 стратегических задач библиотеки в жизни государства — как национальной библиотеки, как университетской библиотеки, как научно-исследовательского учреждения по изучению развития Дании, как научно-исследовательского учреждения в сфере культурных инициатив, как лидирующего центра в развитии Электронной исследовательской библиотеки Дании и сети CultureNet Denmark. Концепция Королевской библиотеки как культурного центра является одной из 6 учрежденческих концепций библиотеки наряду с концепциями новой национальной библиотеки, новой университетской библиотеки, национального музея книг и печатных изданий, национального музея фотографии и научно-исследовательского учреждения.

С сообщениями выступили Уинстон Табб и Джон Коул (Библиотека Конгресса США), Уоррен Хортон (Национальная библиотека Австралии), Питер Лор (Национальная библиотека ЮАР) и другие. Круг рассмотренных при этом вопросов был чрезвычайно широким — и соотношение интересов общемировой культуры и национальных культур местных народов (ЮАР), и проведение концертов камерной музыки (США), и образовательные программы (Австралия), и расширение масштабов обслуживания в ранее закрытых библиотеках вплоть до открытия дверей для детей (Германия). При этом подчеркивалось, что само понятие «культура» можно и нужно воспринимать только в контексте развития конкретного государства, на что обратил особое внимание Дэйвид Брэдберри (Великобритания), ибо в Британии, по его мнению, это понятие всегда имело элитарный оттенок.

Кроме того, здесь никогда не говорили об «английской культуре», но существует и широко обсуждается проблема «шотландской культуры». Он же просил аудиторию принять во внимание и то, что в Англии невозможно даже появление понятия, аналогичного тому, которое существует в большинстве стран мира и выражает суть библиотечных коллекций, которыми особо гордится та или иная библиотека, строя в значительной степени свою уникальную работу через раскрытие этих фондов. Это такие коллекции, как «Австралиана» в Австралии или «Канадиана», соответственно, в Канаде.

Ничего подобного в Англии нет и быть не может. А в небольшой стране, какой является Чехия, напротив, крайне важна ее национальная идентификация, осмысление ее уникальности, о чем говорил директор Национальной библиотеки Чешской Республики Войцех Балик.

Но, на каких бы позициях ни стояли руководители и ведущие специалисты национальных библиотек, за этой дискуссией отчетливо просматривалось стремление расширить масштабы работы национальной библиотеки в изменившихся условиях с ориентацией на человека, которому будет интересно не только войти в электронный каталог через Интернет со своего персонального компьютера, но и прийти в саму библиотеку, и именно в национальную библиотеку.

Сегодняшний день в зеркале библиотечной истории

Для данной конференции было характерно большое внимание к проблемам библиотечной истории. Это объясняется, с одной стороны, объективно существующей потребностью осмыслить путь, пройденный библиотеками от Александрии до Интернет, понять современное положение в условиях свершившейся информационной революции. С другой стороны, это можно объяснить активностью круглого стола по истории библиотек и ее руководителя Памелы Спенс Ричардс (США), которая стремится к организации крупномасштабных конференций и семинаров совместно с другими секциями ИФЛА (чтения, сохранности, редких книг и рукописей), реализации таких проектов, как создание первой объемной хрестоматии по истории библиотечного дела, охватывающей все континенты мира. В рамках данной конференции на заседании исполнительного совета обсуждался среднесрочный план деятельности круглого стола до 2001 г.

На открытом форуме этого года рассматривались аспекты развития библиотек стран Балтийского региона (два доклада) и американских библиотек (два доклада). При этом программа была составлена таким образом, что возникали интересные параллели и ассоциации, например, в том, какое место занимает на разных исторических этапах в развитии Дании и США работа со школьными библиотеками.

Одним из наиболее крупных событий этой конференции можно назвать доклад датского историка библиотек Йоргена Сване-Миккельсена «Модель датской публичной библиотеки — реальность или миф?». Он, в частности, показал, что успех в развитии публичных библиотек в этой стране в значительной степени определен тем, что эти библиотеки работали в самом тесном контакте с библиотеками школ.

Среди имен тех, кто определил лицо датской публичной библиотеки, он в первую очередь назвал не библиотекаря, а одного из инициаторов народного движения за высшую школу — теолога Н.Ф.С. Грундвига (1783–1872) с его особым отношением к книге, к чтению — к «живущему слову» вместо «мертвой буквы».

Датские публичные библиотеки прошли интересную эволюцию. Большое значение имело движение за развитие демократии через публичные библиотеки, которое повляло на их жизнь после 2-й мировой войны. Укрепление демократии рассматривалось как требование участия в ее утверждении самого населения. И публичные библиотеки

сыграли свою роль в стимулировании политической активности каждого жителя страны. И то, что датские библиотеки уделяют столь большое внимание обслуживанию детей, а также таким категориям читателей, как лица с физическими недостатками и слепые, тоже является результатом эволюции публичной библиотеки в контексте развития датского общества.

В конце доклада Йорген Сване-Миккельсен сделал вывод: «Специфической модели датской публичной библиотеки нет, но датским публичным библиотекам суждено было сыграть столь важную роль в реальном воплощении датского общества благоденствия».

Публичная библиотека в жизни современного общества

Традиционно большое место в работе конференции занимали вопросы публичных библиотек — как в открытых заседаниях самой секции публичных библиотек, так и в других мероприятиях конференции ИФЛА. Открытый форум секции публичных библиотек, на котором выступили с докладами, прежде всего, библиотекари из скандинавских стран — Дании и Норвегии (2 доклада), а также их коллеги из Канады и Франции, был одним из самых интересных событий на конференции.

Наряду с вопросами использования Интернет в публичных библиотеках самое пристальное внимание уделили участники конференции и традиционным аспектам работы публичных библиотек. В частности, им был посвящен рабочий семинар «Развивающиеся европейские публичные библиотеки», который проходил в Королевской школе библиотечного дела и информатики. Его вел директор одной из самых интересных библиотек Великобритании — Публичной библиотеки в Кройдоне — городе, расположенном недалеко от Лондона — Крис Батт. С докладами выступили представители библиотек Бельгии, Греции, Испании и Финляндии. На заседании секции «Мобильные библиотеки» с рассказами об уникальном опыте работы выступили библиотекари из Греции, Дании и Шотландии. Доклад шотландского специалиста Элизабет Торин был построен на сопоставлении подходов к организации обслуживания населения с помощью передвижных библиотек в Шотландии с опытом Финляндии и Швеции.

Выступивший на заседании секции библиотек для слепых и библиотек, обслуживающих лиц с физическими недостатками, с докладом о датской модели обслуживания лиц, не способных использовать печатные материалы, датский библиотекарь Йоханнес Балслев начал свое выступление весьма неожиданно. Он сослался на авторитетного футуролога, который предсказал несколько лет назад, что вскоре наступит времена, когда библиотеки будут вынуждены ориентироваться на интересы формальных и неформальных властных структур, ибо выживет лишь сильнейший, чем поверг датских библиотекарей в шок.

Но что повергло их в шок? Боязнь сокращения числа библиотек? Опасения по поводу уменьшения числа рабочих мест? Возможно и это, но в первую очередь опасения, что может измениться сама библиотечная политика в стране, которая строится на первостепенном внимании к каждому индивидууму. В силу этого столь большое внимание уделяется в Дании и обслуживанию тех читателей, которые из-за тех или иных физических недостатков не могут пользоваться традиционными печат-

ными изданиями. То, к чему некоторые страны с развитой библиотечной сетью еще и не подходили, не рассматривая эти проблемы в числе первостепенных, что, увы, отличает и Россию, здесь расценивается в качестве самого важного положения работы публичной библиотеки, и потенциальная опасность пересмотра самой философии библиотечного обслуживания с ее неслучайным вниманием к индивидууму, к каждому отдельному человеку вызывает здесь шок.

Сегодня прогноз футуролога сбывается, но как выглядит обслуживание в объективно изменившихся условиях? В результате этих изменений не произошло отказа от традиционных для данной страны ценностей, от стремления уделять внимание всем группам населения, нуждающимся в особом подходе. Но не произошло этого потому, что библиотекарю не заняли пассивную позицию и сделали все возможное для того, чтобы свои ценности отстаивать. Активность библиотекарей и, следовательно, самих библиотек выразилась, прежде всего, в том, что они начали работать в еще более тесном, а даже в самом тесном контакте со всеми организациями, поддерживающими такие группы населения. Библиотекари были вынуждены заниматься той деятельностью, которую характеризуют как политическую, и они научились добиваться и политической поддержки.

Некоторые итоги

Конференция была наполнена многими яркими событиями, и далеко не все можно осмыслить сразу после ее окончания. Самым же сильным впечатлением оказалось знакомство с библиотечной страной по имени Дания. Ее голос был не громким и эмоциональным, напротив — тихим и сдержанным. Что-то в организации работы было трудно понять и принять, например, то, что в аудиторию, в которой все сидячие места были заняты из-за большого интереса к докладам данной секции, датские библиотекари-волонтеры, обслуживающие конференцию, переставали пускаться, не разрешая ни стоять вдоль стен, ни тем более сидеть на подоконниках или на полу, как бывало в других странах.

Уже после конференции, анализируя увиденное и пережитое, сознаешь, что самыми главными оказались доклады датских коллег, общение с ними, посещения самих библиотек, ибо Дания — страна неповторимая, прежде всего, своим вниманием к жизни каждого ее жителя, к раскрытию духовного мира каждого живущего здесь человека. На первом месте здесь — личность, индивидуальность, развивающаяся на протяжении всей жизни прежде всего благодаря библиотекам и с помощью библиотек.

И уже после завершения сознаешь, сколь удачным было музыкальное приношение участникам конференции на ее открытии, которое настроило на восприятие самой страны, принимавшей конференцию.

Тогда после приветствий зазвучала арфа, на которой начала играть Эрстед Педерсенг. А зал начали заполнять медленные холодные звуки древней и даже несколько архаичной, подчеркнuto несвоевременной и непривычной музыки. Затем к голосу арфы присоединились звуки иные. Труба Нильса Хеннинга подхватила мелодию, начала ее развивать, а потом добавились новые оттенки, стали слышны и отголоски

джазовых мелодий нашего столетия, в том числе и Джорджа Гершвина. И возник образ удивительно уютной страны, которая живет в современных ритмах, но в которой не распалась связь времен. О внимании к человеку здесь не говорят на каждом шагу. Оно определяет суть ее жизни, и жизни ее библиотек в том числе.

Один из выводов, который хочется сделать после конференции ИФЛА, представляется следующим. Несомненно, в век информатизации именно библиотеки являются главными институтами общества, учреждениями, деятельность которых является его фундаментом. Вне этого процесса не может развиваться в условиях глобальной информатизации ни одна страна и ни одна библиотека...

Но все это приходится констатировать, ибо сам ход развития библиотечного дела определен не сегодня. Конференция же показала, что на пути к раскрывающимся возможностям лежат разного рода трудности, выражаемые в потребностях говорить на одном профессиональном языке, а библиотечным системам работать в контакте, быть совместимыми. Будет ли библиотека в ее новом качестве приносить пользователям только пользу — это вопрос не риторический.

Многое в определении места и роли библиотеки в информационном обществе в контексте и других глобальных общественных изменений, требуют не только восторгов по поводу новых открывающихся возможностей, но глубокого, трезвого и реалистического анализа — все ли во благо и что именно во благо. И нашим библиотекам необходимо быть не в стороне этого процесса, а активно участвовать в нем. Поэтому то, что наша российская делегация была представительной и каждый из присутствовавших на конференции российских библиотекарей имел реальную возможность принять участие в столь интересных и острых дискуссиях — это безусловно очень хорошо.

Но конференция ИФЛА убеждает и в другом: на пути к информационному обществу российские библиотеки в стремлении догнать зарубежных коллег и справедливо ориентируясь на возможности использования новейших технологий, чаще всего не учитывают одну особенность: наши коллеги пришли к реальности информационного общества в результате длительной и сложной эволюции библиотеки как общественного института. Целый ряд принципиально важных для определения будущего библиотеки направлений в России практически не воспринимались на протяжении ряда десятилетий. Так сложилось, что в нашей стране исчезло явление, определяемое понятием «библиотечная архитектура». Новые здания строятся, хотя их меньше и меньше, по принципиально иному принципу: в начале создается некая коробка, а потом решается вопрос, что с нею делать, в то время как в передовых странах усвоено: в начале создается проект, в основе которого четкое понимание целей, задач, функций, структуры и многого другого.

В странах реального информационного общества новейшие технологии встретились с развитым явлением публичной библиотеки. За понятием «публичная библиотека» стоит не только набор теоретических положений, но, прежде всего, определенная эволюция представлений и реальных решений о том, какой должна быть публичная библиотека, каково ее архитектурное, то есть пространственное решение. Менялись

представления о том, какой должна быть публичная библиотека, менялся и ее образ, и его воплощение. Опыт скандинавских стран в этом отношении особенно уникален. В нашей же стране все эти этапы в развитии не были пройдены, и мы к ним даже не подходили, а в чем-то даже, напротив, оказались отброшенными назад. И как бы мы не говорили о своем стремлении расстаться с образом массовой библиотеки, сделать это весьма не просто, пока не станет реальным решение и столь необходимых практических вопросов.

Сказанное по отношению к публичным библиотекам нельзя не отнести и к научным библиотекам. Не случайно столь мощным ответом на стремление войти в информационное общество и играть в нем самую активную роль оказалась активная подготовка и реализация проектов новых зданий. При этом сделан еще один шаг — переосмысление традиционной роли библиотеки и как книгохранилища, как храма науки. А за этим решением просматриваются целые этапы в развитии науки, которые пока по объективным причинам в России пройдены не были, и те этапы, которые библиотека может пройти только вместе с обществом, в котором она находится. Ускорить этот процесс или придать ему иное, более желаемое развитие сами библиотекари, естественно, не могут.

Но что же они все-таки могут? Они могут анализировать процесс развития библиотек в мире и соотносить наш сегодняшний день с тем днем, в котором живут наши коллеги в развитых странах. А это значит, что участвуя в процессах информатизации, развития новых технологий мы и дальше должны продолжать столь активно начатую работу в этом направлении, но при этом обращать *одновременно и параллельно* самое серьезное внимание и на те процессы и явления, которые сопутствуют развитию новых технологий, на то, что продолжает связывать библиотеку с т.н. традиционными аспектами библиотечной работы, которые сориентированы не на понятия типа «глобальный», а на самого человека, который, как показали многие доклады и выступления коллег в Копенгагене, будет приходить в библиотеку по-прежнему, хотя изменятся его потребности в библиотеке. Только в отличие от наших европейских коллег нам нужно в каждом конкретном случае видеть не только сегодняшний ход событий, но и учитывать, в каких условиях и в каком историческом контексте эти события развивались. Тогда этот опыт может быть нами воспринят и принесет пользу.

Копенгагенская конференция, обращенная не только к ключевому слову «информация», заявленному в самом названии конференции, но в не меньшей степени и ко второму ключевому слову — «библиотека», оказалась и на деле сориентированной на третье ключевое слово названия — «человек», что не в последнюю очередь определено было местом проведения конференции и тем вкладом, который внесли в организацию и проведение конференции датские коллеги.

БИБЛИОТЕКА И ОБЩЕСТВО (проблемы исследования взаимодействия библиотек с обществом)

Людмила Николаевна Гусева — научный сотрудник научно-исследовательского отдела библиотековедения Российской национальной библиотеки

Светлана Николаевна Шеляпина — социолог, младший научный сотрудник научно-исследовательского отдела библиотековедения Российской национальной библиотеки

Россия, находясь в условиях общественных перемен, переживает один из самых сложных этапов своего исторического развития. Разрушаются складывавшиеся в течение более семидесяти лет социальные структуры, традиции, идеологии, создаются новые концепции образования, теоретические знания в области общественных и гуманитарных наук.

В это сложное время крупнейшие библиотеки страны оказались местом общественного паломничества с целью приобщиться к опыту и знаниям всего человечества, хранящимся в рукописях, книгах и на электронных носителях информации.

Важная роль, которую играют библиотеки в современной социокультурной ситуации, не осознается даже самими библиотекарями, воспринимающими уход читателей из одних библиотек и увеличение их потока в других библиотеках как нарушение сложившихся правил. В действительности, меняется вся социальная структура общества, которая уже не укладывается в привычные схемы национальных, научных, публичных библиотек. Сотрудники научно-исследовательских учреждений начинают заниматься бизнесом, студенты высших учебных заведений гуманитарного профиля под воздействием современных зарубежных методологий — исследовательской работой с текстами, отдельные этнические группы заявляют о своем национальном «возрождении», а в целом все общество занято созданием новых образцов индивидуального и социального поведения.

Традиционно в библиотеках для изучения взаимодействия библиотек с обществом проводят социологические и психологические исследования чтения и маркетинговые исследования информационных потребностей сложившихся групп читателей. Процесс формирования новых культурных норм познавательной деятельности читателей и соответствующих им структур в библиотеках не исследуется на эмпирическом уровне.

Представление о том, что все люди, приходящие в библиотеку,

читают книги, вроде и не требует доказательств. Это сложившееся опытным путем знание, очевидное на уровне здравого смысла, так и осталось не познано библиотековедами. Что касается понятий информатика и коммуникация, широко используемых современными библиотекарями, то это — результат воздействия научной теории, согласно которой вся деятельность уже и не читателей, а пользователей, сводится к восприятию и передаче информации.

Изменение представлений о процессе взаимодействия человека и текста в таком социокультурном институте, как библиотека, поставило под сомнение и право библиотековедов самостоятельно заниматься исследованием этого процесса, поскольку пользователи получают информацию не только в библиотеке. Тем не менее даже в США, несмотря на тенденцию закрытия библиотечных школ в университетах, о которой пишут в своей статье И.Л. Клим и Майкл Ньюберт¹, предпочитают пока говорить об информационной и библиотечной науках, а не о единой информационной науке.

Критика со стороны информатиков и представителей развитых академических наук правомочности претензий библиотековедения на науку представляется достаточно убедительной, но только в тех случаях, когда речь идет о современном состоянии науки, заложенных в ее основу принципов и методов исследовательской деятельности. Ни у кого, кроме самих библиотековедов, не вызывает сомнения то обстоятельство, что невозможно создать научное знание о каком-либо явлении действительности, обобщая опыт практиков.

Право же профессиональных библиотекарей на самостоятельное мышление, а это означает развитие их теоретических знаний о своей деятельности, вполне может быть реализовано в условиях демократических стран. Это особенно важно сделать сейчас, когда под воздействием идеологии предпринимательской деятельности и внедрения дорогостоящей компьютерной технологии профессиональные библиотекари все больше отказываются от своих профессиональных ценностей: бесплатности и доступности информации для каждого человека. Тем самым они лишают творческих людей возможности создавать новые идеи, новые смыслы человеческой жизнедеятельности.

С точки зрения современной западной социальной теории отдельные социальные группы (профессиональные или политические) создают в виде концепций теоретические знания, которыми они руководствуются в своей деятельности. Процесс их создания основывается не на объективном подходе, принятом в современных естественных науках, а на нормативном. Это означает, что люди, объединенные общими ценностями, в процессе общественного дискурса² приходят к единому пониманию смысла своей деятельности.

¹ Клим И.Л., Ньюберт М. Образование в области библиотековедения и информации: миссия в двадцать первом столетии // Петербургская библиотечная школа. — 1997. — № 2. — С. 40-46.

² Использование научного термина «дискурс» вместо общеупотребляемого «дискуссия» обусловлено тем, что он более точно отражает такое явление, как конструирование социальной реальности в понятиях.

В этом отношении информационная наука так же нормативна, как и библиотекведение, только круг людей, верящих в истинность ее знаний, гораздо шире. Существует даже мнение, что на основе нормативного подхода информационная и библиотечная науки сольются в одну³. Категория «информация» и представление о едином информационном пространстве сыграли решающую роль в объединении профессионального библиотечного сообщества и государственного аппарата управления в определении приоритетных целей развития библиотечного дела в России: создание электронных каталогов и единой информационной сети библиотек России, вхождение в глобальную сеть Интернет.

Но с точки зрения современных достижений теории и практики культурологических исследований процесса познания представляется утопичным утверждение информатиков о том, что достижение поставленных целей обеспечит читателям доступность к информации всего человечества.

Современные ученые, занимающиеся изучением культуры и познания, рассматривают развитие познавательных способностей человека как культурно-исторический процесс. На их деятельность оказали воздействие соционистическая теория Выготского и достижения других советских ученых: Лурия, Леонтьева, Бахтина. Специалисты Калифорнского университета в Санта Круз Барбара Рогофф и Пабло Чаваджей считают, что «согласно теории Выготского, для понимания индивидуального мышления необходимо понять социальные и культурно-исторические контексты его применения. Исследователи не могут рассматривать индивидуальные познавательные способности в вакууме, в изоляции от всех прочих видов деятельности, которыми занимаются люди, и от тех институтов, частью которых они являются»⁴.

Результаты исследований в антропологии, психологии, социологии, лингвистике показывают, что невозможно использовать теоретические знания информатики для понимания процесса взаимодействия отдельного человека или социальной группы с текстами, то есть решить ту задачу, которую в свое время поставил перед библиотекведением Джесс Шира⁵. Речь может идти только о повышении эффективности библиографического поиска и предоставления текстов, то есть о физической доступности документов, но не об интеллектуальной их доступности, связанной со знанием.

Специалисты считают, что более подходящей единицей анализа для изучения развития познавательных способностей людей в социокультурных организациях (семья, школа, вуз, наука), влияющих на их отбор и восприятие текстов, является категория «деятельность». Для общественных наук, использующих нормативный подход, такой категорией является «норма деятельности», характеризующая образец социального поведения в конкретный исторический период. Восприятие библио-

³ Dick A.L. *Library and Information Science as a Social Science: Neutral and Normative Conceptions* // *The Libr. Quart.* 1995. Vol. 65. № 2. P.216-235.

⁴ Rogoff B., Chavajay P. *What's become of research on the cultural basis of cognitive development* // *American psychologist.* 1995. October. P. 859-877.

⁵ Shera J.H. *What is Librarianship* // *American library philosophy an anthology.* Hamden, Connecticut. 1971. P. 165-171.

текарями норм познавательной деятельности в библиотеке различных групп читателей нашло свое отражение в определении различных типов библиотек: национальная, научная, публичная, детская и т.д. Эти представления складывались на основе опыта, и в условиях реформирования общества они нуждаются в переосмыслении.

Ограниченность возможностей современной информатики в решении проблем взаимодействия человека и текста в библиотеке осознают на собственном опыте специалисты в области социальных и гуманитарных наук. По мнению Рихарда Гратхоффа, коммуникация в современном обществе превратилась в природную: «в мире компьютеризированных текстовых машин, в мире, где одни факсы влекут другие, личность читающая и пишущая становится исчезающим явлением. В наши дни определить автора текста более чем трудно... Но выяснение intersubъективной надежды на общее понимание требует признания общего чтения и письма»⁶.

Реальность же такова, что человеческое общество использует различные языки, шрифты и, более того, употребляя язык прошлого поколения, представители нового поколения вносят в текст собственные смыслы. Именно специалисты гуманитарных и общественных наук способствуют интеллектуальной доступности текстов, созданных в различные времена в разных странах мира, для народов своих стран. Но если в странах Западной Европы сами исследователи, объединенные в научные общества, активно влияют на формирование общественного сознания, то в России осмысление роли библиотек в исследовательской деятельности произошло сначала в профессиональной среде. В настоящее время в России обеспечение доступности к рукописным, старопечатным книгам, к оригинальным философским трудам, к литературе на языках стран Азии и Востока и автоматизация самого исследовательского процесса не рассматривается как приоритетная проблема государственной политики.

Нормативный подход к созданию теоретического знания в библиотекведении — это пока еще новая теоретическая концепция, которая требует обстоятельного обсуждения, поэтому в нашей статье не идет речь о соответствующем этой концепции изменении в системе профессионального образования. Хотя переход библиотекведов с опытного пути на философский уровень познания общества и происходящих в нем перемен очень перспективен с точки зрения признания библиотекведения в академической сфере.

Нормативному подходу (понимающей парадигме мышления) будет посвящен предстоящий в декабре этого года философский «круглый стол»: «Профессиональное сознание как предмет философских, культурологических и социологических исследований». Отличительная особенность понимающей парадигмы научного мышления состоит в том, что для обоснования предлагаемых библиотековедами теоретических концепций в качестве нормы профессионального поведения используются результаты эмпирических исследований.

Теоретические концепции национальной, научной, публичной и др.

⁶ Гратхофф Р. *Современное состояние социальной теории в Германии* // *Проблемы теоретической социологии.* СПб. 1994. С. 129.

библиотек, создаваемые современными библиотековедами, находят отражение в текстах, но не имеют эмпирического доказательства того, что они соответствуют нормам познавательной деятельности обслуживаемых ими читателей. Концепции создаются на основе структурно-функционального подхода, который не позволяет осмыслить новую социокультурную ситуацию, а поддерживает старые структуры и защищает их от перемен или служит для внедрения западных моделей библиотек. Поведение читателей объясняется в рамках создаваемой теоретиком модели⁷.

Как считает Рихард Гратхофф, запрещение эмпирических исследований характерно для тоталитарной системы: «Тоталитаризм и не нуждается, и не позволяет эмпирические исследования, он основан на управлении, цензуре и запрещении (текстов и публикаций). Для тоталитаризма достаточно сохранение и выполнение «священных» текстов и кадровых инструкций»⁸. Расширение сферы социологических исследований в библиотеках с целью предоставления научной информации библиотековедам-теоретикам и государственным деятелям — это та задача, которая непосредственно связана с переподготовкой социологов, из которых в настоящее время мало кто имеет специальное профессиональное образование. Поэтому они ориентируются на требования университетов и академий культуры, где их обучают проводить прикладные библиотековедческие исследования.

Исследование процесса формирования новых норм социального поведения в обществе на эмпирическом уровне в современной социологии культуры связано не только со знанием новых социальных теорий, но и с использованием «качественных» методов, позволяющих понять сущность явления с позиции практики изучаемого сообщества, проникнуть в его язык и установить с ним контакт.

Впервые различие между «социальной теорией» и «социологическими теориями» установил классик польской социологии Флорян Знанецкий. Если социальные теории служат для организации повседневной жизнедеятельности человека и различных сфер профессиональной деятельности через язык и тексты, то социологические теории создаются с целью обеспечения объективности социальных исследований. Согласно Знанецкому, профессиональные дискурсы библиотекарей должны служить ориентиром для определения актуальности социологических исследований, но сам исследовательский процесс должен строиться по методологии социологии, а не библиотековедения.

Наиболее перспективным с точки зрения достижения объективности исследования новых социальных связей и отношений являются постклассические социологические парадигмы — феноменологическая (А. Шюц), этнометодологическая (Г. Гарфинкель, Э. Гоффман), структурно-деятельностная (А. Гидденс, П. Бурдьё, М. Арчер, П. Штомпки).

Учитывая, что в условиях общественных перемен читательские группы еще окончательно не структурированы ни институционально,

⁷ *Social Network Research: Substantive Issues and Methodological Questions / Ed.: Kees C.P.M. Knipscheer, Toni C. Antonucci. Amsterdam / Lisse. 1990. P.9-12.*

⁸ Гратхофф Р. *Современное состояние социальной теории в Германии // Проблемы теоретической социологии. СПб. 1994. С. 137.*

ни в социокультурном плане, перечисленные выше парадигмы могут быть весьма полезны в изучении их становления. Эти социальные теории позволяют разрабатывать методы для идентификации представлений различных культурных групп, что особенно важно для создания новых социальных теорий в области библиотечного дела.

При проведении подобных исследований возникает необходимость использования и разработки особых методических приемов. Специфичность самого предмета исследования состоит в изучении сознания через самоидентификацию респондентов, их норм и ценностей, «гештальтов», которые невозможно исследовать традиционными «жесткими» методами. Применение «качественных» методов, на наш взгляд, наиболее оптимально при изучении «становящихся», развивающихся процессов, при описании новых нормативно-ценностных представлений членов различных обществ. Предметом исследования становится поле общественного дискурса, что позволяет библиотекарям понять, в каком состоянии находится общество, практика взаимодействия библиотеки и общества.

Среди основных «качественных» методов следует назвать разные модификации неформализованного интервью, контент-анализ текстов, метод наблюдения. Надо сказать, что они применялись и ранее в российской социологической практике, но в контексте количественного подхода, так как считалось, что весь советский народ говорит и пишет на одном языке, используя универсальные понятия.

Отечественными социологами разработаны методические рекомендации по проведению контент-анализа, но в основном частотные модели⁹. Делалась попытка, опираясь на опыт зарубежных социологов, создать технику фокусированного интервью¹⁰.

В нашей статье мы хотим отметить и выделить методику анализа социальных сетей. В отечественной социологической практике, в том числе библиотечной, анализ социальных сетей пока что не использовался. Как отмечают А.В. Кабыща и М.Р. Тульчинский в своей статье «Сравнительный анализ социологической литературы на русском и других языках (по базам данных ИНИОН)»¹¹, термин «социальные сети» вообще отсутствует в публикациях российской социологической печати, в то время как за рубежом он активно используется.

Метод анализа социальных сетей возник в противовес структурно-функциональному анализу. Интерес западных социологов к концепции социальных сетей, как пишет Дж. Клайд Митчел, объясняется двумя причинами: «первая, это растущая неудовлетворенность структурно-функциональным анализом и скудностью обеспечиваемых им альтернативных путей интерпретации социального поведения. И вторая, это поиск новых, неколичественных математических способов точной оцен-

⁹ *Контент-анализ: основные принципы, методики и возможности (Методическое пособие). — СПб., 1994. С. 28.*

¹⁰ *Белановский С.А. Методика и техника фокусированного интервью. — М., 1993. 349 с.*

¹¹ *Кабыща А.В., Тульчинский М.Р. Сравнительный анализ социологической литературы на русском и других языках (по базам данных ИНИОН) // Социол. исслед. — 1997. — № 8. — С.141.*

ки поступков, задействованных в цепи взаимоотношений между неким множеством людей»¹².

Структурный подход предусматривает обобщение при рассмотрении поведения людей в свете занимаемого ими положения в социальной системе. Так, библиотечные социологи, исследуя читателей, рассматривают их только сквозь призму социально-демографических характеристик. Сетевой анализ позволяет описать сеть реальных отношений в библиотеке, увидеть новые группы и интерпретировать их действия во всем широком разнообразии социальных ситуаций, которые могут меняться под влиянием тех или иных обстоятельств.

Однако, следует отметить, что и зарубежные социологи сталкиваются с трудностями применения методики анализа социальных сетей. Это прежде всего связано с машинной обработкой полученных данных. В своей монографии «Анализ социальных сетей» об этом пишет Джон Скот: «С большими трудностями были сопряжены даже поиски доступных программ по анализу социальных сетей; а когда доступ к такой программе был получен, исследователи часто почти не располагали практическим руководством к ее использованию и приложению»¹³. Применение данной методики предполагает знание технического и математического языка, чем и наши социологи, в основном, не обладают. Здесь встает проблема подготовки профессиональных социологов не только в направлении расширения их знаний о теории и методах, но и в области новых компьютерных технологий.

Другой возможный путь — исследовательская группа должна иметь высококвалифицированного специалиста в области компьютерного программирования. Наши российские программисты имеют высокий научный потенциал, который, к сожалению, не находит своего применения в социологических исследованиях библиотечной сферы.

Проведение как масштабных (региональных и федеральных), так и локальных социологических исследований на современном уровне предполагает активное использование передовых компьютерных технологий на всех этапах исследований — от разработки программы и плана исследования до верификации и анализа полученных данных.

Представление об использовании компьютера только на этапе обработки результатов исследования уходит в прошлое, что обусловлено, на наш взгляд, двумя главными факторами. Первый, это изменения в современной социальной теории, использование новых теоретических подходов в отечественной социологии, в частности, «качественной» методологии, отсюда иное понимание процесса компьютеризации социологического исследования.

Другим фактором является состояние технической оснащенности, то есть комплектование компьютерами по возможности каждого рабочего места в социологической группе. Эта идеальная ситуация не всегда достижима из-за отсутствия финансовых средств на покупку ЭВМ. На современном этапе библиотеки в первую очередь обеспечивают компьютерами производственные отделы для создания электронного катало-

¹² *Social Network in Urban Situations. Analyses of Personal Relationships in Central African Towns / Ed. By J. Clyde Mitchell. Manchester University Press. 1975. P.1.*

га, оборудования читальных залов, автоматизации других библиотечных процессов. Остаточный принцип распределения ресурсов для научных отделов (в том числе, для социологических лабораторий в библиотеках) остается в силе. Тем не менее эту проблему надо решать, поскольку она является сдерживающим фактором и влияет на качество проводимых социологических исследований.

Процесс компьютеризации включает в себя следующие элементы структуры социологического цикла: создание программы, расчет выборки, обработка и анализ данных, а также создание разнообразных информационных баз и банков данных¹⁴.

Разработка и развитие методов компьютерной технологии должны осуществляться в рамках создания единого информационного поля социологической информации, которое состоит из следующих компонентов:

- информация о программах и методиках социологических исследований;
- информационные модели первичных документов социологических исследований (анкет, бланков интервью и др.);
- базы данных социологических исследований;
- архивы социологических данных;
- локальные вспомогательные БД (социально-демографические, адресные и т.п.);
- удаленные базы данных (информация из СМИ, архивы и др.).

Наличие архива социологических исследований необходимо для последующих исследований и предоставления научной информации для определения библиотечной политики.

Следует отметить, что выполнение всех вышеназванных требований «качественного» исследования должно подкрепляться современным программным обеспечением. Сейчас в нашей стране появляются новые мощные пакеты прикладных программ, которые могут использовать библиотечные социологи. Например, существуют профессиональная система для анализа любых текстов «Контент-анализ Про для Windows»¹⁵, разработанная сотрудниками Института социологии РАН, и программа «Дискант», созданная Институтом социологии (Петербургское отделение) и Экономико-математическим институтом¹⁶.

В заключение можно сказать, что использование «качественных методов» и современных компьютерных технологий в социологических исследованиях взаимосвязи библиотеки и общества не только повышают достоверность и качество их результатов, но и позволяют библиотечарям увидеть перспективу их дальнейшей работы, спроектировать новые реальные модели библиотек.

¹⁵ *Scott J. Social network analysis. London. Newbury Park. New Delhi. 1991. P.1*

¹⁴ *Хорошилов В.А., Шевченко Д.А. Новые информационные технологии в социологических исследованиях // Социол. исслед. — 1991. — № 11. — С.116.*

¹⁵ *Чураков А.Н. Компьютерный контент-анализ. — М., 1996. 66 с.*

¹⁶ *Информационные технологии в гуманитарных и общественных науках. Комплекс информационно-технологической поддержки социологических исследований. — СПб., 1995. 43 с.*

ПРОБЛЕМЫ ПРОЕКТИРОВАНИЯ И ПРАКТИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМ

Елена Ивановна Макеева — старший научный сотрудник отдела механизации и автоматизации Российской национальной библиотеки
Николай Алексеевич Миронов — научный сотрудник отдела механизации и автоматизации Российской национальной библиотеки

При сопоставлении различных автоматизированных систем и пакетов прикладных программ целесообразно попытаться выявить общие проблемы, тенденции и перспективы их использования для хранения и обработки информации.

Возможны несколько подходов к оценке каждой системы. Можно оценивать ее по следующим критериям:

- разнообразие хранимых и обрабатываемых данных;
- глубина логической проработки;
- возможность доступа к данным;
- качество программных средств, разработанных на их базе;
- ресурсы и аппаратное обеспечение, требуемые для поддержки системы.

Если выбор решений по двум последним критериям — в значительной степени дело программистов и инженеров, то в отношении первых трех критериев многое зависит от подхода к данной проблемной ситуации самих библиотечных работников и их взаимодействия со специалистами в области автоматизации библиотечных и информационных процессов. Информация в библиотеке, как правило, носит комплексный характер: она может быть и библиографической (отражающей поток опубликованных документов), и фактографической, и документальной (в частности, архивной). Это очень общее деление, поскольку возможны различные соотношения между этими видами.

Существенной особенностью такой информации является и то, что практически каждый поисковый признак (вид документа, персона, тема, географический объект, предмет и т. п.) может являться самостоятельным объектом описания и поиска.

Поэтому в библиотеках традиционно создаются и ведутся множество каталогов и картотек, по-разному раскрывающих в сущности одни и те же массивы материалов.

Излишне говорить, что эта работа отнимает много времени и сил. Этим обусловлено стремление к созданию универсальных информационных систем с однократным вводом информации, объединяющих в одной базе данных многие (если не все) виды информации и обеспечивающих возможность быстрого и удобного поиска по любому из непредсказуемо широкого круга поисковых признаков. К сожалению,

представление о большей рациональности и экономичности подобных «универсальных» систем пока не оправдывается: затраты на преодоление различий в видах документов и характере информации при построении единой структуры оказываются слишком большими.

Существует несколько вариантов дифференциации информационных систем, пригодных для применения в библиотеках. В нашей статье предлагается следующая схема:

1. Системы, базирующиеся на понятии «электронный каталог библиотеки».
2. Фактографические системы.
3. Документальные архивные системы.
4. Системы музейной каталогизации.
5. Геоинформационные системы.

Большинство систем, рассматриваемых в этой статье, являются библиографическими.

Типичными примерами систем первого типа являются, например, «электронные каталоги» многих библиотек, к системам аналогичного назначения можно причислить также системы национальной библиографии. Основным отличительным признаком таких систем является то, что они предназначены, по сути дела, для формального описания опубликованных документов как произведений печати (в том числе хранимых в фондах конкретных библиотек). Доступ к данным по содержательным признакам обеспечивается применением стандартных классификационных схем или списков предметных рубрик.

Используя достаточно совершенные приемы описания, удается «связать» имеющийся массив документов с нужной точки зрения. Но полностью обойти все ограничения все же не всегда удается. Это особенно ощутимо в краеведении, которое, как известно, с большим трудом и потерями укладывается в «прокрустово ложе» универсальных схем классификации, известны также сложности при описании узкотематических или поливидовых массивов. Не решает проблемы и более широкое применение предметного поиска: стандартные перечни предметных рубрик также оказываются слишком «жесткими», а отказ от их применения и попытки самостоятельно формировать их списки существенно ограничивают надежность и эффективность информационного поиска.

Пользователи таких систем должны отдавать себе отчет в том, что полноценное индексирование с учетом взаимосвязей элементов внутри каждого справочника, а также между ними само по себе является сложной задачей и требует решения многих вопросов, в том числе упомянутых выше. Это касается единства классификационных схем, стандартизации методики обработки, разработки нормативной лексики и многого другого.

В частности, предлагаемый механизм слияния массивов, имеющих несовпадающие схемы классификации, ограничен, как правило, возможностью представления соответствия в виде «переводных» таблиц, что, увы, решает эту проблему лишь отчасти. Реальное соотношение различных систем классификации и методик обработки отразить гораздо сложнее.

В общем случае, эффективное использование подобных систем возможно при разумном ограничении функциональных задач. Например, оригинал-макет библиографического пособия или небольшой список все же удобней и быстрее сделать, в пусть даже самом простом, текстовом редакторе, предварительно отобрав записи при поиске. Другое дело, что для того, чтобы разумно «разделить работу» между базой данных и текстовым редактором в каждом конкретном случае для выбора решения требуется определенный навык и, опять таки, наличие соответствующих возможностей для передачи данных в самой системе. Это общее соображение касается не только рассматриваемой, но и других систем — любого уровня и назначения.

В качестве иллюстрации можно привести уже сложившийся опыт подготовки библиографических пособий. В целом, задача ставится так: формирование и ведение «электронного каталога», предназначенного чаще всего для обработки только этого массива, при этом учитывается максимальная возможность его сливания с общим «каталогом», а затем на этой базе подготовка и выпуск печатного варианта указателя. Но реальная эффективность такого решения может оказаться, по нашему мнению, невысокой в сравнении с традиционным способом. Дело не только в том, что данная технология требует, по существу, прохождения документом полного цикла обработки, совершаемого, к тому же, для других целей, а заведомая избыточность при обработке данных требует дополнительных затрат.

Одна цель — создание оперативного издания о новой литературе — может войти в противоречие с другой — созданием полноценной библиографической базы данных.

Другим противоречием более общего плана является различие в способах доступа и отражения материала в традиционных «бумажных» изданиях и «электронных» базах данных. Ясно, что формализованный язык запросов требует жесткой и строго определенной организации соответствующих массивов в компьютерной базе данных, тогда как организация материала в книжном варианте допускает более свободные формы.

Однако необходимо учитывать наибольший «удельный вес» таких систем и значительный объем документов, отражаемых в этих системах, поэтому целесообразно прилагать усилия для их дальнейшего развития и совершенствования. При правильном подходе к унификации данных, обеспечении совместимости на физическом и логическом уровнях, обработке нормативной лексики в рамках этих систем на государственном или региональном уровне, возможно, удалось бы не только улучшить состояние информационных ресурсов, но и общими силами обеспечить более полную регистрацию выходящих изданий в масштабе всей страны или крупных регионов (3, 4, 5).

Кроме систем, основанных на традициях библиотечных каталогов, существуют системы музейной каталогизации, системы учета экспонатов во многих музеях. По сути, это фактографические картотеки, описывающие объекты хранения, а также учитывающие их движение, что приближает их к системам АСУ. Но, поскольку описание "идет" от объекта, с ним связываются документы, публикации, материалы выста-

вок и другие материалы, являющиеся объектами библиографического учета. Достоинством таких систем является, как правило, достаточно развитая схема описания объекта, кроме того, в ряде случаев наблюдается отказ от обычной реляционной модели и переход к иерархической модели представления данных.

Возможности применения фактографических информационных систем в библиотеках не столь очевидны, как кажется. Речь должна идти не только о собственно фактографических картотеках, получающих в последние годы все более широкое распространение (содержащих статистические данные, хронику событий местной жизни и т. п.). В качестве фактографических могут быть представлены и некоторые традиционные краеведческие каталоги и картотеки. Следует обратить внимание на то, что в системах аналогичного назначения особое место занимают сведения об отдельных лицах и событиях, с ними связанных, т.е. персоналии. Подобного рода картотеки могут являться и являются, по сути, одновременно и фактографическими массивами (не случайно выделяемыми обычно в особый логический ряд). В конечном счете, разделение информационных систем на библиографические и фактографические в определенной ситуации достаточно условны.

Перспективным источником информации для многих специалистов являются геоинформационные системы. Для краткости их можно охарактеризовать как фактографические базы данных, связанные с определенными географическими объектами. В хороших геоинформационных системах накапливается также весьма обширный статистический материал. Следует отметить, что широкое распространение подобных систем стало реальным благодаря достижениям в области компьютерной графики и возможностям CD-ROM, поскольку объем хранящихся данных огромен.

Хочется коснуться и программных средств, с использованием которых создаются эти системы. Речь также пойдет о типовых случаях.

Достоинством систем построенных на основе традиционных реляционных СУБД (DBASE, FOXBASE, FOXPRO и др.) является отработанность используемых решений и наличие опыта создания систем различного назначения. Надо отдать должное достаточно высокому качеству некоторых систем подобного типа, но, в основном, это достигается за счет тщательного проектирования самой систем, а не за счет достоинств этих СУБД.

Кроме того, эти системы базируются на формальном структурировании обрабатываемых данных, что требует специальной подготовки проектировщиков и, соответственно, создание таких систем требует привлечения группы специалистов из разных областей, обладающих достаточно высокой квалификацией и опытом работы, а также определенной подготовки пользователей.

Альтернативой в области применения СУБД для организации подобных по сложности баз данных может явиться использование сетевых или иерархических СУБД, но хочется подчеркнуть, что не свойства самой СУБД или иного инструментального средства определяют качество информационной системы, а четкая проработка всех вопросов, связанных с ее проектированием.

Достижения последних лет в области информационных технологий открыли новые возможности для развития в организации информационной деятельности библиотек. Широко распространилось создание полнотекстовых и гипертекстовых баз данных, а точнее, систем управления документацией (7), содержащих не только библиографические данные, но и непосредственно электронные документы.

Возможность связать разнородные данные — как в логическом смысле, так и по виду представления (например, текст, графику, звук); наглядность и произвольная гибкость установления смысловых связей между текстами и внутри текстов; как правило, мощная система контекстного поиска; наличие системы перекрестных ссылок и возможности хранения больших объемов текстовой информации — все это делает гипертекстовые системы достаточно привлекательными (6, 7). К тому же наиболее совершенные системы сочетают поиск по типовым признакам и их сочетаниям (т. е. выполняют роль базы данных), а логика доступа строится не на структурировании данных и соответствующего языка запросов, а на основе естественного языка, поскольку в этих системах понятие «поле» может отсутствовать. В некоторых системах подобного рода реализуется также визуализация доступа к данным, что в свете трудно решаемых лингвистических проблем делает их более привлекательными. В частности, этот принцип широко используется в геоинформационных системах. Аналогичный принцип организации доступа к данным применяется также при использовании WEB-технологий.

Представляется, что разработка и внедрение документально-фактографических или экспертных информационных систем является перспективным. На базе таких систем возможно создание сравнительно новой для нас формы распространения информации — «электронных изданий», что позволит решить проблемы оперативности и наглядности представления данных, а также существенно уменьшит затраты на издание, сделав ненужными типографские услуги. Последнее обстоятельство связано с еще очень важным моментом — базы данных обретают свойства не просто упорядоченного массива определенной структуры и привязанного к ним языка запросов, а качества гибкой интерпретирующей среды или информационного продукта, обладающего конкретным целевым и читательским назначением. Кроме того, информационным продуктом может явиться не только база данных, но и любой текстовый массив.

Опыт показывает, что в библиотеках наиболее целесообразно комбинированное использование уже существующих информационных продуктов различного уровня и назначения (1). Другое дело, что используемые системы должны предоставлять наиболее гибкие средства для манипулирования данными и быть пригодными для интеграции в другие системы как минимум на уровне текстовых файлов.

Говоря о взаимодействии систем необходимо уточнить — использование описаний (записей) возможно в нескольких вариантах: без изменения структуры описания во внутреннем формате системы, порождающей эти записи; с настройкой структуры описания во внутреннем формате системы, порождающей эти записи; с сохранением записей в некоем промежуточном формате с метками, определяющие элементы

описания и формально распознаваемые на машинном уровне, т. е. MARC-формате; с сохранением записей в текстовом формате с именами полей, соответствующих структуре описания; с сохранением записей в текстовом формате, соответствующем исходному варианту написания, т. е. в виде самостоятельных документов.

Необходимость интеграции библиотечных систем с другими информационными системами смежной тематики придает особую значимость совместимости этих систем на физическом, программном и логическом уровне и/или выработке принципов, позволяющих объединять необходимую информацию с меньшими затратами. Следует учитывать также поливидовой состав информационных массивов, в библиотеках, включающих не только описания произведений печати и тексты документов, но и аудиовизуальные или иные материалы, в том числе хранящиеся в картографических системах, на CD-ROM и системах мультимедиа.

Возможность использования общих массивов и обмен данными может также реализовываться не только за счет призывов к использованию «общих» форматов или одной общей системы, что весьма проблематично, но и элементарного соблюдения закона «Об обязательном экземпляре» и создания возможностей централизованной регистрации и обработки местных изданий. Своевременно посланный экземпляр издания позволит сделать сведения о нем доступным для всех и, главное, решает проблему единообразия описаний. Вряд ли отдельная библиотека, даже достаточно крупная, а тем более та, в которой штат библиографов — это несколько человек, а кроме проблем каталогизации существуют еще и другие, сделает это быстрее и качественнее.

Необходимость нескольких уровней использования автоматизированных систем, а также автоматизированных справочных систем разного назначения продиктовано тем, что в рамках одной системы трудно решить все проблемы как обработки, так и доступа к разнородным данным. Различным может быть и функциональное назначение систем, отсюда и разные требования к интерфейсу пользователя и другим параметрам системы. Учитывая сложность и многогранность данных проблем, решения на уровне глобальных систем должны быть простыми, т. е., чем сложнее система, тем более примитивными должны быть правила взаимодействия, иначе система оказывается неработоспособной. Это стоит учитывать также при решении проблем использования и обмена информационными массивами или записями из других массивов.

Необходимые сведения об объекте могут быть рассредоточены по многим районам, областям и странам, а храниться они могут и в архивах, и в музеях, и в библиотеках разного уровня. Уникальность информационных баз на местном уровне определяется методикой отбора и отражения материалов исходя из конкретных задач и сложившихся традиций библиографического обслуживания, а также субъективных факторов, отражающих опыт и квалификацию сотрудников библиотеки. Отсюда выбор и способ использования классификационных схем, предметных рубрик, ключевых слов и других элементов лингвистического обеспечения вплоть до словарного описания объектов или документов. Учитывая возможные пересечения объектов и способов их

отражения и, возможно, достаточно сложные взаимосвязи между ними интерес представляет именно целостная система баз, подготовленная на уровне региона, в конкретных условиях. Запись, выделенная из сложившейся системы теряет исходную полноту значений, присвоенных ей при обработке.

В этой связи следует также заметить, что существующая тенденция к тесному взаимодействию библиотечных, музейных и архивных информационных систем делает средства электронной коммуникации крайне необходимыми. В этом случае особенно актуальным становится использование электронной почты и режима удаленного доступа. К сожалению, организация работы в глобальной информационной сети, требует больших затрат.

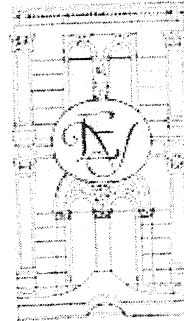
Для активного использования внешних баз данных требуются повышение общей информационной культуры, наличие сведений об имеющихся источниках, знание их особенностей и, конечно же, возможность доступа к данным — будь они на магнитных носителях, на CD-ROM или в базах, доступных в режиме удаленного доступа. Этого можно добиться, прежде всего, организацией более широкого распространения этих информационных продуктов.

Непредсказуемость характера запросов и известная трудность разработки четких схем для классификации документов приводят к необходимости применения также других методов доступа, в частности, иного подхода к понятию «предметный поиск». В качестве «ключа» к решению возникающих при этом лингвистических проблем можно предложить создание и использование так называемых «баз знаний».

Литература

1. Гендина Н. И. Отбор баз данных для библиотечных центров коллективного пользования // *Проблемы национальных библиотек и региональных библиотечных центров: Сб. науч. тр. / РНБ. — СПб., 1994. — Вып. 3. — С. 112-142.*
2. Котельников И. В. *Гипертекст: Естественный интерфейс для искусственного интеллекта // Пользовательский интерфейс: Исследование, проектирование, реализация. — 1993. — №3. — С. 33-38.*
3. Краеведческая работа современных библиотек: Сб. науч. тр. / РНБ. — СПб., 1997.
4. Макеева Е. И., Миронов Н. А. Координация деятельности в области автоматизации библиотек // 1-я Санкт-Петербургская международная конференция «Региональная информатика» (Санкт-Петербург, 13-16 июля 1992 г.): Тез. докл. Ч. 1. СПб., 1992. — С. 215-216.
5. Макеева Е. И., Миронов Н. А. Проблема учета и сертификации баз данных / Санкт-Петербургский научно-практический семинар «Информационная безопасность региона» (Санкт-Петербург, 13-16 мая 1997 г.): Сб. тез. докл. и сообщ. СПб., 1997. — С. 38-39.
6. Смольянинов А. В., Заботин Д. О. Система HyperTХВ для построения гипертекстовых электронных учебников // *Пользовательский интерфейс: Исследование, проектирование, реализация. — 1993. — №3. — С. 74-79.*
7. Чернин А. Э. Системы управления документацией // *Мир ПК. — 1992. — №6. — С. 84-92.*

БИБЛИОТЕКА ЕВРОПЕЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Виктор Викторович Зверевич — заместитель директора библиотеки Европейского университета в Санкт-Петербурге

Европейский Университет в Санкт-Петербурге (ЕУСПб) был создан в 1994 г. ЕУСПб — негосударственное высшее учебное заведение по постдипломной подготовке специалистов в области общественных и гуманитарных наук. Университет был задуман как образец аспирантского колледжа. Открытие такого университета в Петербурге обусловлено меняющейся парадигмой социальных наук и гуманитарного образования в современных условиях.

ЕУСПб получил лицензию на ведение образовательной деятельности в январе 1996 г. Учебная деятельность ЕУСПб направлена на сближение отечественных стандартов преподавания с принятыми в современной европейской и мировой университетской практике, соединение постдипломной подготовки специалистов с проведением междисциплинарных и сравнительных исследований под руководством наставника и научного руководителя. Университет ориентирован на подготовку научных и преподавательских кадров высшей квалификации.

С сентября 1996 г. в ЕУСПб функционируют 4 факультета — истории, политических наук и социологии, экономики, этнологии. Общий срок обучения — 3 года. По завершении обучения слушателям предоставляется возможность защиты диссертации на соискание ученой степени кандидата наук в соответствии с избранной специальностью. Программы обучения на всех факультетах включают дополнительную подготовку по английскому языку и пользованию персональным компьютером.

Библиотека ЕУСПб была задумана как реально функционирующий в Петербурге образец вузовской библиотеки современного уровня, соответствующий Международным стандартам. Основная задача Библиотеки ЕУСПб — информационное обеспечение научного и учебного процессов Университета в соответствии с направлениями его деятельности с использованием современных информационных технологий, оперативное пополнение фондов.

Библиотека располагается на 4-м этаже здания ЕУСПб. Читальный зал Библиотеки рассчитан на 35 посадочных мест. Книгохранилище состоит из двух отделов: основной фонд и резервная коллекция (литература к конкретным курсам). Библиотека ЕУСПб спланирована по принципу открытого пространства. В перспективе в Библиотеке запланировано открытие специализированных читальных залов периодики и справочной литературы, пользовательской компьютерной зоны, залов для занятий аспирантских групп непосредственно в Библиотеке, зоны отдыха.

Фонд Библиотеки ЕУСПб. Начало формированию фонда положи-

ло приобретение книг в рамках Британской программы «Book Aid» и программы Книжной помощи Библиотечной Ассоциации Штата Вирджиния (США). Фонд библиотеки активно пополняется благодаря многочисленным дарам издательств, иностранных представительств в СПб, частных лиц. К наиболее значительным дарам можно отнести обширные тематические коллекции научной литературы, переданные библиотеке российскими и зарубежными учеными: уникальное собрание известного этнографа, д-ра ист. наук, И.С. Вдовина; ценное собрание экономической литературы д-ра экон. наук Л.М. Кантора; коллекции литературы по социальным и политическим наукам известного политолога Мэри Маколи, д-ра филос. наук Б.М. Фирсова, профессора Оксфордского Университета Питера Пульзера. Библиотека получает учебную литературу, выпускаемую в рамках программ поддержки высшего образования и библиотек, через Институт «Открытое Общество». В настоящее время проводятся целевые закупки текущей научной литературы, выпускаемой зарубежными издательствами. В 1997 г. проведена подписка на профильные отечественные и зарубежные периодические издания. Ретроспективное комплектование отечественной литературой осуществляется в основном через обменные фонды крупнейших библиотек города. Запланировано комплектование библиографическими и полнотекстовыми базами данных на CD-ROM, внедрение новых форм обслуживания пользователей.

Фонд Библиотеки ЕУСПб насчитывает в настоящее время около 14 000 единиц, в том числе 150 названий иностранных и 100 названий отечественных периодических изданий. Фонд содержит отечественную и иностранную научную, учебную и справочную литературу по профильным для Университета дисциплинам и направлениям конкретных курсов и программ. Основу фонда составляют книги на английском языке.

Библиотека ЕУСПб обладает уникальным собранием научной литературы по профилю деятельности университета. Многие книги имеются в Библиотеке ЕУСПб в единственном для Петербурга экземпляре. В собрании Библиотеки ЕУСПб представлены такие ценные справочные издания как *Encyclopedia Britannica* (полное издание, 33 тома), *Books in Print 1996-97* (9 томов), *Ulrich's International Periodicals Directory 1997* (5 томов), *The Cambridge Encyclopedia of Russia, World of Learning 1996, Handbuch der Geschichte Russlands 1981*, отраслевые словари и справочники, Оксфордские и Кембриджские языковые словари.

Организация фонда. Фонд Библиотеки организован по принципу открытого доступа. Книги на стеллажах расставлены в соответствии со структурой Десятичной классификации Дьюи. Книги по экономике расположены в соответствии со структурой классификации, разработанной на экономическом факультете ЕУСПб на основе Классификации Американской экономической ассоциации. Периодические издания (отечественные и иностранные) расставлены в алфавитном порядке. Широко представлена справочная литература. Постоянно действует выставка новых поступлений.

Резервная коллекция. Книги, фотокопии статей и другие материалы к конкретным курсам, рекомендованные преподавателями, составляют резервную коллекцию Библиотеки ЕУСПб. Преподаватели мо-

гут помещать в резервную коллекцию как материалы, принадлежащие Библиотеке, так и свои собственные материалы. Коллекция находится на отдельных стеллажах в книгохранилище Библиотеки и организована по факультетам и по курсам внутри каждого факультета. Материалы из резервной коллекции выдаются только в читальный зал и на ксерокопирование.

Пользование Библиотекой. Библиотека ЕУСПб предоставляет право пользования своими фондами преподавателям, аспирантам и сотрудникам ЕУСПб, учредителям Университета и дарителям тематических частных коллекций, слушателям Открытых Аспирантских Курсов и вольнослушателям. В 1997-98 учебном году Библиотека планирует предоставить право пользования своими фондами в режиме читального зала преподавателям и студентам других вузов Петербурга, научным сотрудникам родственных ЕУСПб учреждений.

Библиотека ЕУСПб осуществляет обслуживание в читальном зале и по абонементу. Правом пользования абонементом Библиотеки ЕУСПб обладают только преподаватели, аспиранты и сотрудники Университета. Издания выдаются по абонементу на срок до 7 дней с правом продления. Учебная литература выдается на очередной учебный семестр. Если требуемое издание выдано другому пользователю, его можно зарезервировать на свое имя. Периодические издания, справочная литература и материалы резервной коллекции по абонементу не выдаются. В Библиотеке ЕУСПб имеется ксерокопировальный аппарат. Пользование аппаратом платное. Преподаватели и аспиранты ЕУСПб получают лимит в 1000 страниц копий в течение учебного семестра по льготной цене. Другие пользователи имеют право ксерокопирования материалов из фонда Библиотеки ЕУСПб по коммерческой цене.

Каталоги и автоматизация. Начаты работы по созданию в Библиотеке ЕУСПб общедоступного электронного каталога. В ближайшем будущем намечено открыть 10 пользовательских рабочих станций. Проект автоматизации Библиотеки ЕУСПб предусматривает построение локальной автоматизированной сети, внедрение сетевой компьютерной программы для осуществления и контроля основных библиотечных процессов, создание общедоступного электронного каталога и полную рекаталогизацию книжного фонда коммуникативного формата USMARC. Для осуществления проекта автоматизации Библиотека ЕУСПб применяет АИБС «Джокер», разработанную Петербургским центром «Библиотечные Компьютерные Системы». Запланировано подключение локальной сети Библиотеки к глобальной информационной сети INTERNET с целью обеспечения прямого доступа пользователей к мировым и отечественным информационным ресурсам.

Как нас найти

Адрес: 191187, С.-Петербург,
ул. Фурманова, 3; 4-й этаж
Телефон: (812) 275-5255
Факс: (812) 275-5139
E-mail: library@eu.spb.su

Часы работы:
Понедельник—Пятница
с 10.00 до 20.00
Суббота с 11.00 до 18.00
Воскресенье — выходной

УЧЕБНЫЙ КУРС «ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ» В ФОРМИРОВАНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ СТУДЕНТОВ

Валентина Альфредовна Минкина — доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой научно-технической информации Санкт-Петербургской государственной Академии культуры. Член Правления Петербургского библиотечного общества. Сфера научных интересов — информационный менеджмент, проблемы формирования имиджа и корпоративной культуры библиотек.

Валентина Владимировна Брежнева — кандидат педагогических наук, доцент кафедры научно-технической информации Санкт-Петербургской государственной Академии культуры. Специализируется в области информационного обслуживания.

В основе представлений кафедры научно-технической информации (НТИ) Санкт-Петербургской государственной Академии Культуры о перспективах обслуживания читателей в библиотеках и об обучении этим процессам студентов библиотечно-информационного факультета лежит наше убеждение в том, что именно обслуживание, являясь основной целевой функцией библиотек, диктует изменение всех других технологических процессов, формирует образ библиотеки в глазах населения и, в конечном счете, предопределяет ее место в обществе и сферу ее социального влияния. Именно эти соображения и обусловили содержание учебной дисциплины «Информационное обслуживание», преподаваемой на кафедре НТИ, применительно к задачам удовлетворения профессиональных потребностей читателей.

Предшественниками данного курса можно считать курсы «Работа с читателями» и «Библиотечное обслуживание» (1), но в принятом нами варианте этот материал претерпел существенные изменения.

Во-первых, традиционно в Высшей библиотечной школе студенты изучают библиотечное и библиографическое обслуживание в рамках соответствующих самостоятельных курсов. Применительно к реальным условиям практической деятельности это разделение всегда достаточно искусственно и не соответствует реалиям труда ни работника абонемента, ни библиографа. В настоящее же время, когда все чаще в ответ на читательские запросы выдаются не сведения о документах (библиографическое обслуживание) и даже не сами тексты документов

(библиотечное обслуживание), а конкретные фактические данные, составляются аналитические справки и дайджесты, такое деление еще менее соответствует требованиям жизни.

Второе отличие обосновываемого подхода заключается в том, что обслуживание, предоставление читателям различной информационной продукции и услуг мы не замыкаем рамками библиотеки. Это связано с уникальностью места библиотеки в системе профессиональной коммуникации. С одной стороны, она способна предоставлять собственную продукцию и услуги; с другой — в ответ на запросы читателей приобретать на информационном рынке готовую продукцию (библиографические и реферативные издания, базы данных, CD-ROM и др.). И, наконец, радиус видения библиотекаря таков, что в случае невозможности качественного выполнения поступившего требования всегда можно сориентировать читателей, указав информационные учреждения, специализирующиеся в интересующей их сфере. Но такая организация работы требует серьезного и глубокого изучения студентами особенностей мирового информационного рынка и информационного рынка России при ознакомлении со всей номенклатурой услуг, а не только с той их частью, которая предоставляется библиотекой. Исходя из сказанного и выбрано новое название курса «Информационное обслуживание».

В третьих, мы исходим из того, что в эпоху электронных коммуникаций у людей появляется множество каналов получения необходимой им информации, среди которых библиотека является лишь одним. Поэтому правомерно предположить, что библиотека как социальный институт перспективна лишь в том случае, если обладает, по сравнению с другими каналами, какими-либо уникальными свойствами и преимуществами. Но увидеть их можно лишь рассматривая библиотечное обслуживание не изнутри, а извне, на фоне читательских действий (обращение в разные информационные учреждения, использование формальных и неформальных каналов) и предпочтений. Так возникла идея изучения информационного поведения людей в развитии принятого в библиотечном деле анализа читательских запросов, а в информатике — информационных потребностей.

Под информационным поведением понимается образ действий, совокупность усилий, предпринимаемых людьми для получения-передачи профессиональному сообществу нового знания. При изучении информационного поведения анализируются не только потребности и пути их удовлетворения, но и информационные процессы, самостоятельно осуществляемые людьми: поиск информации, ее аналитическая переработка и оценка, способы организации в личных поисковых системах, создание новых сообщений, распространение информации среди коллег (2). Это позволяет затем рассматривать пути встраивания информационного обслуживания в профессиональную деятельность людей, максимального приближения к ней, взаимообогащения процессов обслуживания и самообслуживания читателей. Действительно, только зная, что находит и не находит человек в библиотеке, куда обращается в случае отсутствия искомого, какие каналы получения необходимой информации считает наиболее короткими и предпочтительными, на-

сколько, наконец, представляет себе действительные возможности библиотек и других информационных учреждений, можно объективно оценивать комфортность и качество обслуживания.

Изучение особенностей информационного поведения привело и к новому пониманию информационной культуры личности. Мы учим студентов рассматривать ее как способность человека к самообразованию, к рефлексии, к оценке собственной компетентности, к умению прокладывать путь от незнания к знанию, совершенствующему благодаря приобретению навыков ориентации в информационном пространстве. Вообще же информационная культура рассматривается как часть общей культуры личности. Такие подходы к теории и практике обслуживания определили структуру и содержание учебной дисциплины «Информационное обслуживание». Эта интегральная дисциплина изучается на 4-м курсе, когда студенты уже овладели навыками библиографической работы (курсы общей и отраслевой библиографии), имеют представление о системе библиотек (курс «Библиотечноеведение»), прослушали курс «Социология и психология чтения», имеют опыт работы на персональном компьютере (курс «Информатика»).

Курс «Информационное обслуживание» включает следующие основные блоки:

- Социальная значимость информационного обслуживания.
- Изучение информационного поведения читателей и характеристики информационных потребностей различных читательских групп.
- Технология информационного обслуживания.
- Организация информационного обслуживания в различных библиотеках и информационных центрах.

Первый блок носит мировоззренческий характер. В нем рассматривается эволюция представлений о содержании и целях обслуживания, сформировавшихся в библиотечном и библиографическом образовании. Обращается внимание на превалирование в различные периоды целей оповещения читателей о нужной им литературе и целей руководства чтением. Анализируется уникальный опыт научных и научно-технических библиотек: развитие в рамках первого направления метода поиска документов, а затем и фактических данных в ответ на неопределенные, неточно сформулированные запросы, а в рамках второго — критериев качественного отбора публикаций, исходя из их актуальности, оригинальности, творческого потенциала авторов и авторских коллективов — их создателей.

Современное понимание целей обслуживания выводится из представлений об обеспечении доступности информации как отличительном признаке и условии существования демократического общества, а также из результатов исследования когнитивной психологии об особенностях освоения индивидом нового знания. Учитываются и все увеличивающиеся возможности доступа к совокупным информационным ресурсам общества информационных и библиотечных центров. По мере расширения представлений о целях и содержании обслу-

живания меняются взаимоотношения между библиотекарями и читателями. Современное информационное обслуживание понимается как активное двустороннее взаимодействие библиотекаря и читателя в котором приоритет отдается интересам последнего. При этом обеспечение доступности информации мы рассматриваем в контексте гарантии интеллектуальной свободы человека и как непереносимое условие успешного образования и самообразования.

Студенты знакомятся с многоплановостью самого понятия доступности информации. Физическая доступность понимается как «доступность изданий всего мира всему миру». Интеллектуальная доступность — как обеспечение возможности личности адекватно воспринимать информацию. При этом рассматриваются пути снижения географических, технологических, коммерческих, юридически-правовых, лингвистических, психологических и других барьеров, стоящих на пути обеспечения доступности информации. Стремление к преодолению этих барьеров рассматривается на двух уровнях: на уровне государств и международных сообществ — законодательное обеспечение права личности на свободу информации, на уровне собственно информационных учреждений — стремление к созданию комфортной информационной среды.

Под информационной средой понимается пространство, где знание создается; превращается в информацию (т.е. отчуждается от личности, вербализуется и материализуется); передается и преобразуется в процессе передачи; используется (т.е. из информации восстанавливается личностное знание читателя) (3). В пространство информационной среды включается как явное (объективированное) знание, так и опыт, умения, приемы труда, присущие конкретным людям и передающиеся только через непосредственное общение («социальные эстафеты»). Мы обращаем внимание студентов на то, что возможны ситуации, когда в ответ на читательское требование они не смогут найти нужных материалов, но укажут организации, научные коллективы, отдельных авторов, которые могут выступать носителями, живыми обладателями искомого знания. Последнее чрезвычайно важно, поскольку приводит к пониманию, что библиотекарь является посредником не только в системе «документ — читатель», но и участвует в гораздо более сложных процессах — в процессах движения социальной информации в обществе. А это сразу изменяет значимость и масштабы библиотечного труда, требования, предъявляемые к специалистам, вовлеченным в сферу информационной деятельности. Поэтому в курсе «Информационное обслуживание» большое внимание уделяется этическим проблемам. Студенты знакомятся с этическими кодексами, разработанными для отдельных информационных профессий, вносят собственные предложения в «Кодекс чести» библиотекаря.

Второй блок курса посвящен изучению абонентов обслуживания. Первоначально студенты знакомятся с богатым опытом изучения читателей в библиотеке, причем основной акцент делается на тех направлениях, которые актуальны и сегодня. Далее характеризуются причины перехода от анализа читательского спроса к выявлению информационных потребностей и от них к рассмотрению информационного поведения в целом.

Следует отметить, что если первый блок, являясь теоретическим, предполагает лишь обсуждение проблем для понимания их значимости, то второй — носит теоретико-прикладной характер и предусматривает овладение методикой изучения читателей, выявления и анализа информационных потребностей, обобщения сведений о них в форме рубриката информационных потребностей. Кроме того, студенты принимают участие в научно-исследовательских разработках кафедры, посвященных характеристике особенностей информационного поведения различных категорий населения, овладевая методикой выявления:

- содержания информационных потребностей; мотивов обращения к информационным источникам и связанных с этим ожиданий;
- действий, предпринимаемых для поиска и получения необходимой информации; избираемых путей и их результативности; предпочтений различных групп, их мнений о комфортности существующей системы информационного обслуживания;
- интенсивности использования информации в повседневной деятельности (в целом и применительно как к различным сферам деятельности, так и различным видам информационных сообщений — традиционным и электронным; отечественным и зарубежным; получаемым по формальным и неформальным каналам и т.д.);
- уровня удовлетворения информационных потребностей и самооценки информационной компетентности различных групп;
- избираемых людьми способов хранения, переработки и кумуляции информации, предполагающей длительное использование;
- поведения людей в качестве распространителей информации как в собственном первичном коллективе, так и в профессиональном (или другом) сообществе.

Третий технологический блок предполагает овладение практическими навыками обслуживания, выбора рациональных способов удовлетворения конкретных читательских запросов путем приобретения готовой продукции или подготовки и предоставления собственных информационных услуг. Сами информационные услуги, получившие наибольшее распространение в настоящее время подробно изучаются с точки зрения целей обращения читателей к информации и уровня его информационной компетентности; режима обслуживания (разовый, продолжающийся, текущий); используемых ресурсов (собственный фонд, фонд и СПА других учреждений, совокупные информационные ресурсы региона, отрасли, страны, выход на зарубежные БД, использование личного знания экспертов, привлеченных к обслуживанию); условий предоставления (на бесплатной или платной основе, с передачей материалов в постоянное или временное пользование и т.д.) (4).

Студенты знакомятся с методикой предоставления таких услуг, как ИРИ, тематические подборки, досье, дайджесты, фактографические справки, с организацией выставок (новых поступлений, отдельных видов документов, тематических и др.), дней информации, дней специалиста и др. Учитывая, что библиотеки, всячески стремясь к продуктивному взаимодействию с другими учреждениями, часто проводят совместные мероприятия или «встраивают» свои действия в проведение

каких-либо общественно значимых акций, считается важным изучение особенностей проведения научных и научно-практических конференций, научно-технических выставок, ярмарок новшеств, презентаций, «круглых столов».

Как уже отмечалось, мы ориентируем студентов на рациональное использование при обслуживании наличных информационных ресурсов, а также на обязательное переадресование читателей в другие учреждения в случае невозможности их качественного обслуживания в данной библиотеке. Поэтому в четвертом блоке «Организация информационного обслуживания в различных библиотеках и информационных центрах» подробно рассматривается деятельность самых разных учреждений, предоставляющих информационную продукцию и услуги. Речь идет об универсальных научных библиотеках, библиотеках научных и образовательных учреждений, публичных библиотеках, специализированных информационных учреждениях, весьма многочисленных маркетинговых и консалтинговых центрах и т.д.

Студенты, изучая методику анализа весьма динамичного информационного рынка, соотношение «спроса — предложения» на отдельных его сегментах, осознают, что именно такой анализ является основой для обоснованного выбора любой библиотекой собственной стратегии.

В понятие «стратегия обслуживания» вкладывается очень многое:

- выбор групп, приоритетных для обслуживания;
- определение номенклатуры информационных услуг, наиболее соответствующих потребностям данной категории абонентов;
- определение наличия такой продукции или услуг в готовом виде; возможности приспособления готовой продукции к реальным потребностям читателей или предоставление собственных услуг;
- определение условий предоставления услуг (в том числе бесплатных и платных, а также методики установления цен);
- выбор путей продвижения собственной информационной продукции и услуг;
- оценка результативности избранной стратегии на основе анализа читательского спроса, мнений и предпочтений.

Навыки, полученные при изучении курса, закрепляются затем при прохождении производственной практики. Базами практики выступают Российская национальная библиотека, Библиотека Академии наук, ЦГПБ им. В.В.Маяковского, крупные вузовские библиотеки, библиотеки НИИ и промышленных предприятий.

Развитие исследовательских навыков происходит при выполнении сначала курсовых, а затем дипломных работ, тематика которых ежегодно обновляется в соответствии с НИР кафедры и заявками библиотек Санкт-Петербурга. В качестве примера можно привести темы: «Пути формирования информационной культуры студентов ВУЗов», «Анализ рынка информационных услуг (на примере конкретной отраслевой тематики или в региональном срезе)», «Проблемы формирования имиджа библиотек», «Информационное поведение (различных групп читателей)», «Особенности информационного обслуживания (различных групп читателей)» и др. Здесь следует оговориться, что все курсовые работы 4-го курса и тем более дипломные работы 5-го курса комплек-

сные и требуют от студентов использования знаний, полученных при изучении не только курса «Информационное обслуживание», но и многих других дисциплин.

Отметим также, что курс является базой для дальнейшей профессиональной подготовки студентов. Он выступает звеном, связующим курсы «Теория документальных потоков», в котором изучаются ценностные свойства профессиональной литературы, и «Информационно-библиографические ресурсы» с дисциплинами 5-го курса «Маркетинговые информационные исследования» и «Информационный менеджмент», в рамках которых студенты учатся управлению научно-практической деятельностью людей средствами информации. Кроме того, курс «Информационное обслуживание» является базовым для дисциплины специализации «Информационная поддержка делового сотрудничества», в рамках которой изучаются виды делового взаимодействия, получившие наибольшее распространение в науке и производстве, методика их информационного сопровождения (например, пути выявления потенциальных партнеров и установление их надежности; информационное обеспечение совместной деятельности, формирование БД коллективного пользования и т.д.). Изучение же социально-психологических особенностей общения деловых партнеров и информационных средств предотвращения конфликтных ситуаций, является, по сути, углублением представлений о коммуникативной компетентности библиотекаря как неперменной составляющей его труда.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования. Гос. требования к минимуму содержания и уровню подготовки выпускника по специальности 05.27.00 — Библиотековедение и библиография / Гос. комитет РФ по высшему образованию. Утв. 28.05.96. — М. 1996. — 26 с.
2. Зусьман О.М., Кугель С.А., Минкина В.А. Информационное поведение ученых — представителей научной элиты // Науч. — техн. информация. — Сер. 1. — 1995. — № 7. — С. 12 — 18.
3. Шапиро Э.Л. Развитие информационной среды и экология культуры // Науч. — техн. информация. — Сер. 2. — 1988. — № 1. — С. 8 — 11.
4. Брежнева В.В., Минкина В.А. Современные информационные продукты и услуги: попытка классификации и анализа тенденций развития // Информ. ресурсы России. — 1995. — № 6. — С. 26 — 29.

СТАНОВЛЕНИЕ ЭКОНОМИКИ БИБЛИОТЕЧНОГО ДЕЛА КАК НАУЧНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ

(краткий очерк постановки и решения проблем)

Надежда Владимировна Мозилевер — кандидат педагогических наук, заведующая проблемной группой «Экономика библиотечного дела» НИОБ Российской национальной библиотеки

Одна из привлекательных сторон научной деятельности состоит в том, что мы все карабкаемся на небеса на плечах своих предшественников.

Пол А. Самуэльсон. Нобелевская лекция

Наблюдаемая нами активизация интереса к экономическому образованию специалистов библиотечной сферы вызвана потребностью получить знания, которые в нынешней ситуации более всего способствуют адаптации библиотек. При этом осмысленное поведение в экономическом пространстве, например, формирование собственных стратегий развития, поиск конструктивных связей с новыми экономическими структурами, требует не только освоения определенной суммы знаний и умений для решения текущих задач, но и достаточной широты экономического кругозора, развития экономического стиля мышления, понимания логики экономических явлений.

Этот уровень требований к экономической подготовке библиотекарей заставляет обратить внимание на теоретические основы экономики библиотечного дела. Определенное место в таком исследовании должно быть отведено изучению этапов ее становления как самостоятельной области научного знания, особенностей развития методов исследования практики. Первая попытка такого рода была сделана в НИОБ РНБ в рамках подведения итогов работы группы экономики библиотечного дела за 20 лет. Не претендуя ни на полноту, ни на завершенность мы представили здесь результаты проведенного анализа в виде краткого очерка, позволяющего составить самое общее представление об эволюции постановки и решения проблем экономики библиотечного дела до начала 1996 года.

Во все времена принятая в государстве экономическая система определяет принципы взаимодействия государства, общества, хозяйственных организаций разных видов, граждан и реальные механизмы реализации экономических отношений между ними. Понятно поэтому, что в процессе становления и развития экономики библиотечного дела как отрасли прикладного научного знания объективно существуют два периода: до 1986 г. и после него, когда в стране начался по существу переход от одной экономической системы к другой, не сразу осмысленный и не всегда управляемый.

Сейчас, когда исследования в области экономики библиотечного дела, так или иначе привлекают внимание многих научных и методических коллективов, а также преподавателей учебных заведений библиотечной сферы, трудно представить, что до 1965 г. эта проблематика в советском библиотековедении как научное направление или учебная дисциплина не развивалась вовсе. Библиотечная экономика существовала сама по себе как некая область практической деятельности библиотек. Знания, навыки и приемы для ее осуществления заимствовались извне и использовались как универсальные, не требующие адаптации к библиотечному делу.

Подобный подход к экономике библиотечного дела проявился еще в 20-е годы, когда широко распространенное движение за внедрение научной организации труда (НОТ) захватило и библиотечную сферу. В рамках этого движения в библиотеках были поставлены и в той или иной мере решены важные для организации труда экономические задачи. В их круг входили: постановка планирования и отчетности, нормирование затрат труда; учет рабочего времени и расходования денежных средств.

Видный деятель библиотековедения того времени А.А. Покровский, первый обративший внимание библиотечных работников на экономическую сторону их деятельности, определял значение знания экономики как средства «внесения в библиотечное дело начал элементарного расчета, здоровой экономики времени и труда».

Подобным отношением к проблемам экономики библиотечного дела оставалось до конца 30-х годов. Они решались библиотечными коллективами как сугубо практические задачи по упорядочению учета и планирования используемых средств в рамках программ научной организации труда, без какой-либо специальной теоретической проработки.

Затем в процессе разработки экономических проблем в библиотеках наступила пауза, которая была нарушена только в 1963 году статьей И.М. Фрумина «Беречь народную копейку»¹. Эта работа имела большой резонанс в библиотечной среде. Автором, в соответствии с принятыми в то время общими принципами управления народным хозяйством, в качестве основной ставилась проблема «наиболее разумного, экономного расходования ассигнований, отпускаемых на развитие библиотечного дела, поиска резервов экономики, удешевления процессов библиотечной работы, улучшения содержания обслуживания населения книгой без дополнительного расходования средств»².

По современным понятиям, это явный алогизм. Тем не менее такая постановка проблемы была принята в тот период развития общей экономической «теории». Согласно ее постулатам предполагалось, что улучшить результаты деятельности предприятия можно путем экономии его ресурсов.

Но нам важнее отметить, что в самой статье не только анализировалась библиотечная практика расходования финансовых средств и использования материальных и организационных компонентов деятель-

¹ Фрумин И.М. *Беречь народную копейку* // *Библиотекарь*. — 1963. — № 3. — С. 38-41.

² Там же. С. 38.

ности библиотек с точки зрения борьбы за режим экономии. Заключение автора о необходимости разработки методологических и нормативных основ экономического анализа в библиотеках, несомненно, повлияло на библиотечное общественное мнение и постепенно изменило отношение библиотековедов к экономическим проблемам библиотек. В результате этого процесса вопросы экономики библиотечного дела приказом МК РСФСР (см. приложение № 3 к нему от 30 мая 1964 г. № 466 в разделе «Организация библиотечного дела») были включены в «Основные направления НИР по библиотековедению и библиографоведению на 1965–1970 гг.». Менее чем через год другим приказом МК от 27 апреля 1965 г. под № 255 была создана проблемная комиссия по разработке вопросов экономики библиотечного дела, руководство которой было поручено ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина (далее в тексте именуемой РНБ).

С этого момента и по настоящее время тематика НИР по экономике библиотек уже никогда не исключалась из научных планов РНБ, хотя интенсивность и результативность исследований были различными в определенные периоды времени.

В организационном плане процесс разработки проблем экономики библиотечного дела в РНБ связан с двумя событиями, каждое из которых отражает достигнутый к тому времени уровень понимания задач исследования и готовности специалистов их решать.

Первым организационным шагом в РНБ в направлении изучения экономики библиотек было создание в 1965 г. временного творческого коллектива из восьми сотрудников библиотеки на базе отдела фондов и обслуживания.

Перед ними была поставлена конкретная задача: разработать методике вычисления стоимости библиотечного обслуживания. Это задание было обусловлено необходимостью проведения анализа эффективности вкладываемых в развитие библиотечного дела средств и обоснования величины экономических ресурсов для организации планируемого уровня обслуживания в библиотеках разных типов. Как видим, подход к экономическому анализу использования финансовых средств и материальных ресурсов со времени опубликования статьи И.М. Фрумина изменился. Последовательное увеличение государственных вложений в социально-культурную среду после 1959 г.¹ привело к накоплению такого экономического потенциала, который позволял попытаться использовать ресурсы, находящиеся в распоряжении учреждений культуры, в том числе и библиотек, более осмысленно, то есть, анализируя варианты и обосновывая выбор решений. Но прежде необходимо было уметь разбираться, чем располагают библиотеки.

Такая «более экономическая» постановка проблемы дала возможность исследователям перейти от разработки методов поиска резервов экономики ресурсов к созданию методов выявления путей их рационального использования и сознательного перераспределения.

Теперь уже более определенно уровень затрат (в отличие от поста-

¹ *Перспективы библиотечного строительства в РСФСР* // *Библиотекарь*. — 1967. — № 1. — С. 1-9.

новки проблемы, сформулированной И.М. Фруминым) связывался с уровнем организации технологических процессов и качеством обслуживания. Именно на это была направлена созданная в РНБ в 1966–1967 гг. «Методика вычисления стоимости библиотечного обслуживания и отдельных библиотечных работ в государственных сельских, районных, городских, областных, краевых, республиканских (АССР) библиотеках системы МК РСФСР». Ее разработка и апробирование осуществлялось на базе более 140 городских и районных библиотек пяти областей РСФСР. В опубликованных по окончании исследований материалах излагались основные принципы подхода и наиболее простые и универсальные методы вычисления стоимости библиотечных работ.

Практическая цель методики состояла в обеспечении правильности расчетов и их единообразия как необходимых условий сравнительного анализа при решении различных экономических проблем управления в библиотеках. Кроме того, для практики библиотечной работы методика давала возможность не только установить величину фактических расходов на отдельные виды работ, но и выявить, из чего эти расходы складываются.

Разработчики показали, что рациональное распределение затрат возможно за счет совершенствования технологии и организации библиотечного обслуживания, которые непосредственно влияют на материальные затраты и расходы по заработной плате.

Несмотря на то, что в целом предложенные в этой разработке методы анализа носили сугубо эмпирический характер, констатирующий наличие тенденций и соотношений стоимостных и объемных показателей деятельности библиотек без научного обобщения выявленных фактов, значение этого исследования для того времени также нельзя недооценивать. Оно увеличило степень восприимчивости библиотечной среды к экономическим проблемам библиотечного дела. Включение в библиотековедческий анализ экономических показателей работы расширило его понятийную основу и создало предпосылки для рассмотрения других экономических аспектов деятельности библиотек. Немаловажным явилось и то, что использование в библиотеках данной методики экономического анализа и само участие многочисленных коллективов библиотек в ее разработке в качестве базы исследования, стало средством повышения уровня экономической культуры библиотечных работников и важным этапом в процессе их экономического воспитания и образования.

Однако в научном плане ограничение постановки и решения экономических проблем областью эмпирических исследований давало только наблюдаемые факты, которые вне связующей их теории, как известно, не имеют в науке самостоятельного значения.

Таким образом, необходимость научных обобщений полученных данных для раскрытия сущности экономических явлений и процессов в библиотеках на основе адекватной теории стала ближайшей научно-исследовательской проблемой библиотековедения. Но это уже не входило в компетенцию данного творческого коллектива. Выполнив поставленную перед ним задачу, он в 1967 г. организационно перестал существовать.

Значение деятельности сотрудников этого коллектива помимо результатов, несомненно существующих, еще и в том, что они были первыми. Этот немаловажный в любом деле факт, побуждает нас назвать их имена. В группу входили: С.М. Бабинцев, А.М. Древинг, Н.Я. Змеева, М.Н. Коновалова, Н.В. Ниткина, Е.Н. Соколова и З.Д. Титова.

Такова была ситуация в области экономики библиотечного дела в конце 60-х гг. Далее наступил период накопления данных об экономических результатах деятельности библиотек путем эмпирических наблюдений и сопоставительного анализа показателей. В РНБ эта работа проводилась в рамках темы по изучению библиотечно-библиографических ресурсов библиотек в отделе теории библиотековедения, которым в то время руководила И.К. Кирпичева¹.

Однако все более усложняющиеся практические задачи организации и управления библиотечным делом требовали создания методов экономического анализа, выявляющих более глубинные связи экономических процессов и их влияние на деятельность библиотек. Для того чтобы создать обоснованные методики экономического анализа, позволяющие принимать адекватные практические решения в библиотеках, необходимо было начать с научной постановки исследования проблем экономики библиотечного дела. Понимание этого пришло только в 1971 г. В Приложении к приказу МК СССР от 1 октября 1971 г. № 547 тема НИР определялась как «Экономика библиотечного дела и критерии эффективности деятельности библиотек». Но все попытки организовать исследования по этой теме в каких-либо научных коллективах, несмотря на неоднократно отмечаемую в документах высших административных органов власти в области культуры настоятельную потребность в создании методологии экономического анализа в библиотеках, оказались до 1975 г. безуспешными².

Только с 1975 г., когда в РНБ на постоянной основе при НИОБ была создана проблемная группа по экономике библиотечного дела в библиотековедении начались систематические исследования в этом направлении.

Этой второй организационной попытке РНБ объединить усилия специалистов для решения проблем экономики библиотечного дела предшествовала большая подготовительная работа в течение 1974 г. Был составлен проект программы исследования, определены методические и методологические основы проведения экономического анализа. Был создан информационный и библиографический задел по теме, изучено статистическое поле деятельности библиотек, подготовлены аналитические материалы по библиотечной технологии. Одновременно с планированием и информационным обеспечением исследования выявлялись и осваивались специальные методы анализа экономических показателей. Об этом свидетельствуют вышедшие в 1974 г. выпуски материалов в помощь научной деятельности библиотек, раскрывающие

¹ Шилов Л.А. *О некоторых итогах научно-исследовательской деятельности Публичной библиотеки в 1960–1980-е гг. // ГПБ в развитии науки и культуры. Итоги и перспективы. Сб. науч. тр. — Л., 1988. — С. 108.*

² Там же. — С. 110.

возможности использования методов математической статистики (Л.И. Майзель) и особенности анализа экономической информации в библиотечковедении (М.И. Левин).

Первоначально в проблемную группу «Экономика библиотечного дела и критерии эффективности деятельности библиотек» вошли научные работники НИОБ РНБ Ж.С. Шадрина (руководитель группы и автор программы исследования), А.М. Древинг (участница первого исследовательского коллектива), Т.М. Лысенкова (экономист), Т.А. Ермакова и Н.И. Вешикова (библиотечковеды).

Перед этим коллективом была поставлена уже совсем иная задача, а именно: организация научных исследований в области экономики библиотечного дела для становления ее как отраслевой экономической дисциплины. Поэтому образование новой группы не было ординарным структурным изменением, связанным с внутренними проблемами организации исследований в научном подразделении РНБ.

После года работы в своем первом составе группа пополнилась новыми специалистами, силами которых были проведены основные научные и методические разработки, определившие направление исследований в новой области знаний на многие годы. Это можно объяснить тем, что на протяжении первого десятилетия группа являлась фактически единственным структурно организованным научным коллективом в библиотечной отрасли, ведущим исследование экономической природы библиотечной деятельности и формирующим экономику библиотечного дела как отраслевую экономическую дисциплину. В последующие годы, несмотря на то, что отдельными специалистами в других организациях исследовались некоторые экономические аспекты деятельности библиотек, группа ЭБД в РНБ оставалась признанным центром разработки вопросов экономики библиотечного дела в библиотечковедении¹.

Среди специалистов, внесших основной вклад в исследования этого периода следует отметить Ж.С. Шадрину, Т.А. Ермакову, Е.В. Небогатикову, Л.Д. Данильянц, В.Э. Гривину, Н.М. Шмелеву².

С самого начала к исследованию были привлечены в качестве разработчиков активные научные силы из Ленинграда, Москвы и Эстонии. С группой, созданной в РНБ, начали работать ведущие специалисты ГИВЦа МК РСФСР, МГИКа, ЛГУ, Таллиннского политехнического института, Информационного центра Министерства связи ЭССР, известные своими научными разработками в области экономики куль-

¹ Это обстоятельство позволило нам при анализе состояния и направлений развития экономики библиотечного дела «советского» периода опираться только на публикации сотрудников этого коллектива.

² Называя здесь эти имена, мы не только стремимся отдать им должное. Главная наша цель — привлечь внимание тех, кто идет следом, развивая экономические проблемы в библиотечковедении или изучая его основы, к трудам этих исследователей. Основное достоинство их трудов — в проникновении в сущность библиотечной деятельности, выявление особенностей библиотек как экономических систем. В современных разработках этому мало придают значения, что снижает качество практических рекомендаций для управления в библиотеках.

туры (И.И. Пунанов, С.И. Абалкин) и библиотечного дела (И.М. Фрумин, Е.А. Фенелонов, А.Г. Шубин, Р.Ф. Алдабаева, С.В. Новиков, К. Кикас, Э.К. Ваттер, В.Г. Горев и другие).

Сейчас очевидно, что такая организация исследований способствовала концентрации научных сил и расширению проблематики исследований. Она давала возможность избежать предвзятости видения проблем, расширить диапазон средств и методов научного анализа экономических явлений и процессов, происходящих в библиотечной отрасли.

Отправной точкой постановки и решения проблем экономики библиотечного дела в этот период стали разработки по экономике и организации культуры. Ко времени начала исследований в группе в нашей экономике уже сложилась как научное направление экономика непродовственной сферы. На ее базе и шло активное формирование отраслевых экономик — экономики образования, здравоохранения, культуры. Последняя включала и экономику библиотек. Однако в силу существенных отличий социально-культурного назначения библиотек и особенностей организации библиотечного дела, изучение его экономических аспектов нуждалось в создании теоретической базы, которая позволяла бы затем учесть эти особенности в методических разработках по экономическому анализу деятельности библиотек. Данная в таблице периодизация исследований отражает этапы становления экономики библиотечного дела как научной дисциплины и показывает, как менялось соотношение уровней разработок на протяжении 20 лет. Остановимся на характеристике этих периодов.

В начальный период, вплоть до 1979 г., в тематике и содержании результатов работы группы преобладали программно-установочные и методологические разработки (см. табл.).

Распределение публикаций сотрудников РНБ по экономике библиотечного дела по уровню научных разработок в период с 1975 по 1995 гг.

Уровень научных разработок					
Периоды времени	Всего публикаций за период	Установочно-программный	Теоретический, методологический	Методический	Информационно-аналитический
1975–1979	22	7	13	—	2
1980–1985	31	2	18	10	1
1986–1989	17	6	3	6	2
1990–1995	12	2	7	—	3
Завесь срок	82	17	41	16	8

В этот период впервые в библиотековедении были поставлены и разработаны важнейшие методологические проблемы, а именно:

- определена связь экономики библиотечного дела с общей экономической теорией;
- выявлена специфика экономических отношений в библиотечном деле как в отрасли производственной сферы;
- определен и обоснован понятийный аппарат и методы научного исследования экономических процессов и явлений;
- выявлен предмет исследования и проблемное поле формирующейся науки.

Именно эти исследования выделили экономику библиотечного дела как отраслевую экономику в составе экономики культуры.

В описываемый период все программные и методологические разработки группы отражали уровень общей экономической теории и соответствовали идеологической основе политэкономии социализма, изучавшей закономерности развития господствовавшей в нашей стране экономической системы. Тем не менее, проведенные исследования позволили расширить границы экономического анализа в библиотеках за пределы стоимостного анализа объема библиотечных работ. Одновременно с созданием методологических основ экономики библиотечного дела в этот период сформировался практически весь спектр исследовательских направлений, которые разрабатывались в группе все последующие годы:

- теория и методология экономики библиотек;
- методология экономического анализа библиотек;
- методы и организация операционно-технологического анализа;
- методология анализа использования экономических ресурсов (материальных, трудовых, финансовых);
- методология оценки качества библиотечного труда;
- экономические методы управления;
- критерии и методы оценки эффективности деятельности библиотек;
- использование экономико-математических методов в анализе деятельности библиотек.

Их развитие шло по мере углубления исследований в специфику библиотечной деятельности, детализации элементов библиотечного процесса, охвата большего числа существенных факторов влияния и привлечения более сложных методов анализа. С этой точки зрения характерна трансформация исследований, связанных с формированием методов оценки библиотечного труда. Предлагаемые в 70-е гг. трудозатратные оценки были впоследствии ограничены использованием их только для некоторых видов деятельности, поскольку они не учитывали значительную творческую составляющую важнейших работ (например, библиографического поиска).

Эта особенность библиотек определила разработку в 80-е гг. многокритериального подхода к оценке результатов труда на основе качественного анализа деятельности.

Другим примером творческого подхода к развитию заложенных

первоначально идеей может служить понятие качества библиотечного обслуживания. В 1970–1980 гг. проблема качества работы библиотек ставилась и решалась в РНБ с точки зрения оценки факторов организации библиотечного процесса. Уже к середине 80-х гг. было введено понятие брака и разработаны основы систем качества. Однако в начале 90-х гг. в связи с кардинальными переменами в экономике государства проблему качества в библиотеках было предложено решать не только на основе уровня стандартов самой библиотеки, но и с точки зрения потребителя ее услуг, исходя из его представлений о назначении библиотеки и устраивающем его уровне обслуживания.

Общеметодологические разработки в коллективе позволили уже с 1979 г. приступить к созданию научно обоснованных методик экономического анализа библиотечной деятельности. В период 1980–1985 гг. экономика библиотек начинает постепенно завоевывать права гражданства в библиотековедении. В дальнейшем разработка и совершенствование теории и методологии экономического анализа не прекращались и велись параллельно с созданием методик, дополняя и углубляя предлагаемые процедуры анализа.

В методологическом плане эволюция постановки и решения проблем экономики библиотечного дела по каждому направлению всегда определялась уровнем развития общей экономической теории, экономической политикой государства в отношении культуры и библиотечного дела и главное — общественным строем.

До 1986 г. научная тематика в области экономики библиотечного дела была ограничена проблемами внутрибиблиотечной деятельности, поскольку в целом экономика в то время носила планово-распределительный, жестко регулируемый центром характер. Экономическое управление библиотечным делом на уровне отрасли осуществлялось только через государственное бюджетное финансирование текущих расходов по смете.

Использование экономических ресурсов в библиотеках происходило на основе единой, установленной централизованно нормативной базы, которая фиксировала размер, структуру и распределение средств по объемным показателям уровня обслуживания: числу читателей, количеству книговыдач и посещений — по формальным признакам условий деятельности (библиотеки сельские, городские, универсальные, специальные и т.д.). Главным критерием оценки деятельности была степень выполнения плана по основным показателям работы библиотек.

Внутри каждой библиотеки экономические методы управления также были ограничены ввиду стесненности самих средств и отсутствия свободы экономического маневра (нормативы расходования средств, сметное финансирование). Преобладающим методом управления был административный механизм воздействия на деятельность библиотек через унификацию нормативов и директивных указаний. Поэтому, как видно из публикаций, экономические проблемы библиотечного дела того времени состояли в поисках резервов рационального использования ресурсов.

В качестве научно-методических результатов этого периода можно отметить:

- создание методики экономического анализа деятельности ЦБС, включая анализ использования трудовых, материальных и финансовых ресурсов;
- разработку методики оценки экономической эффективности деятельности библиотек;
- обоснование системы показателей экономического анализа;
- создание комплекса методик организации и проведения организационно-технологического анализа и стоимостной оценки процессов на основе структуризации библиотечной технологии в зависимости от цели анализа по структурным подразделениям библиотеки, видам библиотечной деятельности и видам библиотечных услуг (по сквозным процессам).

В этот же период была разработана методология оценки качества библиотечного труда с точки зрения уровня организации библиотечно-го процесса.

Созданием этих методик завершается «советский» период развития экономики библиотечного дела как отраслевой дисциплины.

Этот период можно обозначить в контексте нашего анализа как стабильный, предсказуемый, с чертами преемственности, последовательного проведения научных исследований в области экономики библиотечного дела.

Начавшиеся в 1985 г. общественные перемены изменили не только характер исследований вследствие нестабильности и динамизма проблемных ситуаций, но и привели к тому, что уже с 1986 г. проблематика исследований по экономике библиотечного дела не носила характера последовательно развивающегося из предыдущих научных разработок исследования, а была кардинально изменена в связи с изменением политической и социально-экономической обстановки в стране. Вместе с изменениями в обществе, государственном устройстве и начавшейся перестройки в экономике, библиотеки оказались неожиданно в новой ситуации, которую ни предсказать, ни предвидеть никто не мог.

В соответствии с общественными коллизиями того времени, влиявшими на состояние проблемных ситуаций, в экономике библиотек можно выделить два периода: до 1991 г. и после. В начале, с 1986 г. по 1989 г., тематика исследований была обусловлена начавшейся в стране перестройкой принципов организации и управления в народном хозяйстве. Основная идея перестройки в начальном периоде, как известно, состояла в содействии ускорению производственных процессов.

В библиотеках в связи с этим стала анализироваться и пересматриваться технология и организация библиотечного процесса, появилась потребность в инструментах более глубокого анализа взаимосвязей явлений и эффективности деятельности.

Творческие усилия исследователей в области библиотечного дела в этот период были направлены по пути расширения диапазона методов и средств экономического анализа. В частности, была предложена методика структурного анализа трудозатрат. Кроме того, было проведено исследование «Обоснование использования эконометрического моделирования для интенсификации деятельности библиотечных систем». Оно имело цель показать возможности эконометрического моде-

лирования в библиотеках для определения количественных взаимосвязей между уровнем организации использования ресурсов и результатами труда.

С конца 1991 г., когда стало ясно, что в стране происходит переход от одного типа экономики к другому, от распределительной экономики к рыночной, ситуация в библиотеках резко изменилась. По практике прежних времен центральные государственные органы руководства культурой решили единовременным актом (внедрением нового хозяйственного механизма) включить и такие учреждения, как библиотеки, в процессы перестройки экономики. Однако это произошло, хотя и без жесткого принуждения, но одновременно и безвариантно для всех библиотек, по единым правилам, без учета особенностей библиотеки, ситуации в регионах, без достаточной профессиональной и психологической подготовки библиотечных коллективов. Сами рекомендованные правила экономического поведения библиотек оказались плохо продуманными и фактически через закрепление нормативов финансирования закрепляли трудное финансовое и материальное положение государственных библиотек на прежнем уровне, не давая реальных перспектив на его улучшение.

В результате возникла острая необходимость серьезного переосмысления происходящих перемен, поскольку поверхностное освоение новой экономической ситуации, упрощенность в толковании общественного развития оказались ненадежной базой для практических решений в экономической сфере. Многие библиотеки оказались перед угрозой закрытия из-за отсутствия притока средств, пересмотра общественных приоритетов и по другим причинам.

Смена экономической системы оказала сильнейшее воздействие на проблемное поле экономики библиотечного дела, изменила содержание понятий, описывающих явления и процессы в библиотеках. Тематика научных исследований в группе в этот период определялась необходимостью создания новой теоретической основы экономической деятельности библиотек.

Библиотечной наукой, в частности экономикой библиотечного дела, были поставлены следующие задачи:

- осмысление новой экономической ситуации вне библиотеки;
- раскрытие сущности реальных экономических отношений в библиотеках в условиях смешанной экономики;
- определение места библиотеки в новых экономических условиях, показ особенностей проявления рыночных экономических законов в ее деятельности, анализ возможностей и границ использования экономических методов управления;
- выявление особенностей информационного обеспечения управления хозяйственной деятельностью библиотек.

К решению этих задач подключилось сразу несколько научных коллективов (РГБ, МГИК, ГПНТБ СО АН, СПбГАК и др.). Силами их специалистов был дан анализ изменения ситуации и условий деятельности библиотек, показана ограниченность возможностей нового хозяйственного механизма, раскрыта экономическая сущность деятельности библиотек в системе новых экономических отношений. В результате

переосмысления содержания происходящих процессов и явлений было дано конструктивное определение библиотеки как социально-экономической системы, то есть раскрыты экономические отношения, в которых участвуют библиотеки, и сущность труда библиотечных работников как производительного, выявлены экономические последствия потребления библиотечных услуг для общества и обосновано включение библиотекой в экономические отношения своей основной деятельности, а не только дополнительной, в виде платных услуг.

На основе новой методологии экономического анализа библиотекам были предложены принципы разработки позитивной стратегии поведения в формирующемся переходном экономическом пространстве. В соответствии с ними с 1993 г. экономические проблемы библиотек разрабатывались на основе новых принципов взаимодействия библиотеки с формирующейся экономической средой в регионах обслуживания:

- юридическая и экономическая самостоятельность библиотек как исходный принцип взаимодействия с региональными властями;
- многоканальный механизм организации системы финансирования государственных общедоступных библиотек;
- отказ от единых нормативов и приоритетность регионального фактора развития библиотек, в том числе и нормативной базы использования экономических ресурсов;
- принятие стратегии социального маркетинга с целью расширения социально-правовой базы экономической деятельности, включение в анализ понятия конкурентной среды библиотеки на основе классификации конкурентов на рынке услуг и ресурсов.

В настоящее время к разработке экономики библиотечного дела подключаются все новые коллективы исследователей, высококвалифицированные специалисты из научных организаций и крупных библиотек.

Научный поиск в создании основ теоретических знаний в области экономики библиотечного дела происходит при широком профессиональном сотрудничестве и разносторонних контактах профильных научных коллективов в области культуры, библиотековедения и экономики, а также тесной связи с практической работой библиотек.

Сформировалась современная тематика исследований, и создается их теоретическая и методологическая основа, выдвигаются и апробируются нетрадиционные подходы и методы решения практических задач экономического анализа работы библиотек. Так, например, прорабатывается идея рыночной концепции бюджетного финансирования как цены общества за библиотечную услугу, когда его размер определяется не столько величиной текущих затрат, сколько общественной оценкой ценности библиотечных услуг и спроса на них, дающая библиотекам возможность равноправия в отстаивании своих интересов перед властью.

На стадии разработки находится проблема обоснования экономических нормативов деятельности библиотек, организационно-экономические аспекты формирования, сохранения и использования библиотечных фондов, проблемы мотивации труда и экономического стимулирования библиотечной деятельности, обеспечения экономической безопасности библиотек, а также много других новых направлений.

Экономика библиотечного дела продолжает развиваться как науч-

ная дисциплина. Судя по интенсивности и результативности исследований, а также по тому интересу, который проявляется в настоящее время к экономическим основам деятельности библиотек у руководителей и практических работников, можно предположить, что, вероятно, только сейчас в библиотечную среду пришло понимание того известного факта, что «именно теория придает экономической науке всю ее объяснительную, предсказательную силу. Без теории мы бы вынуждены были пробираться ощупью, вслепую через сплетение экономических проблем, конфликтующих мнений и противоречащих друг другу практических рекомендаций»¹.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ УРОВНЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ МЕТОДОМ ТЕСТИРОВАНИЯ

Ираида Ивановна Тихомирова — доцент кафедры детской литературы и педагогики чтения Санкт-Петербургской государственной Академии культуры, автор учебника «Руководство чтением детей и юношества в библиотеке» (1995), пособия для детских библиотек «Школа развивающего чтения» (1996) и более чем 100 статей по вопросам детского чтения.

Как известно, тестирование (от англ. test — опыт, проба, испытание) — метод индивидуальной психологической диагностики, использующий стандартизированные вопросы и задачи. Его применяют также и для определения вероятности уровня знаний, умений, творческих способностей человека, гибкости или инертности его ума. Именно это назначение и было использовано нами для определения уровня знаний и профессионального мышления студентов в сфере библиотечного обслуживания детей, для стимулирования профессионального сознания и самооценки. В отличие от вопросов анкет или экзаменационных билетов вопросы теста имеют определенную шкалу значений, выраженную чаще всего в баллах или очках, что позволяет тестируемому самому определить актуальный уровень своих знаний.

Составленный нами тест «Что вы знаете, как понимаете, что предлагаете?» состоит из трех блоков вопросов и заданий разной степени сложности. Первый нацелен на проверку фактических знаний студента и его общей осведомленности о предмете курса. Второй, более сложный, требует объяснения фактов и их осмысления. Третий, самый сложный, ориентирован на проективное мышление студента, на выявление его творческих способностей. В каждом блоке вопросы относительно однородны по характеру и степени трудности. В основу шкалы оценок,

¹ THESIS. Теория и история экономических и социальных институтов и систем. Альманах. — М., 1993.

которая выстраивается иерархически — от знания к творчеству, — положена мера личностной включенности студента в осмысление своей будущей профессиональной деятельности. За правильный ответ на вопрос первого, репродуктивного блока студент получает один балл. Достаточно аргументированный ответ на вопрос из второго блока, названного нами аналитическим, оценивается двумя баллами. За доказательное, оригинальное и обоснованное выполнение задания третьего, творческого блока студент получает три балла. Составленный таким образом тест задуман как определенный индикатор профессиональных знаний, профессионального сознания и профессионального творчества. Полученный результат дает основание не только для определения степени профессиональной зрелости будущего библиотекаря, но и для индивидуализации обучения и зависимости от достижений студента.

Раскроем содержание вопросов и заданий каждого блока теста.

В первый блок вошли вопросы и задания на определение основных понятий курса («Библиотечное обслуживание», «Информационные потребности» и др.), на знание современного состояния библиотечного обслуживания детей в стране и в Петербурге, основных тенденций в этой области, вариантов концепций детских библиотек и т.п. Ряд вопросов направлен на выявление профессиональной эрудиции студента: знание имен ведущих специалистов в области библиотечного обслуживания детей, источниковедческой базы курса. Отдельные вопросы касаются технологии библиотечного обслуживания («Назовите известные вам методы изучения читателя-ребенка»; «Какие вы знаете виды библиотечного общения?») и т.п.).

Во втором блоке вопросы носят преимущественно проблемный характер. Каждый вопрос требует объяснения, аргументации, размышления. Например: «Как вы понимаете принцип субъективно-субъектных отношений в библиотечном обслуживании детей? Как соотносить его с задачей воспитания, формирования, обучения детей, где целеполагание принадлежит библиотекарю, а мотивация — ребенку?» Ряд вопросов предусматривает оценку студентом тех или иных библиотечных идей и программ («Какие из известных вам программ семейного чтения представляются вам наиболее перспективными и почему?»). В этот же блок включены вопросы на понимание сходства и различия специальных терминов и их использование в библиотечной лексике — «общение», «диалог», «коммуникация», «беседа» или — «руководство чтением», «библиотечное обслуживание», «педагогика чтения», «работа с читателями», — а также вопросы на соотнесение школьных и библиотечных принципов в обучении детей. Примером может служить вопрос: «В школьном обучении разрабатывается принцип личностно-ориентированного обучения. В какой мере этот принцип применим к библиотечному обслуживанию детей? Поясните свое суждение». Определенную проблему представляет разрешение противоречий в библиотечном обслуживании детей. Одно из них между количественными критериями оценки деятельности библиотеки и требованиями неформального общения между библиотекарем и читателем, лежащего в основе педагогического процесса. Вопрос на разрешение этого противоречия и ряда других также вошел в состав второго блока.

В третьем блоке, как уже говорилось, задания носят креативный характер. Они проверяют восприимчивость студента к новым идеям, его способность к нетривиальным и неожиданным решениям, к выдвижению гипотез. В них делается акцент на самостоятельную разработку студентом той или иной проблемы библиотечного обслуживания детей, или разрешение конкретной ситуации. Например: «Две детские библиотеки по разному сформулировали цели своей работы. Для одной главное — сформировать субъекта читательской деятельности, для другой — дать ребенку дополнительное образование. Попробуйте наметить варианты задач для первой и второй». Или: «Если бы вы возглавили инновационный отдел детской библиотеки, с решения какой проблемы вы начали свою деятельность? Почему? Обоснуйте ответ». Или: «Если бы вам предложили создать проект учебника «Библиотечное обслуживание детей», какие бы темы и разделы вы бы включили в него?». Некоторые вопросы-задания предполагают обоснованный студентом выбор темы исследования («Предложите тему исследования и его предмет по нашей специализации, обоснуйте свой выбор и докажете, что эта тема актуальна»). Включены в третий блок и задания, предполагающие раскрыть способность студента к программному мышлению. К такого рода заданию можно отнести следующее: «Конкурсная тема петербургских библиотек называется «Ребенок и культура». Предложите ваш аспект решения этой темы и сформулируйте ее основные задачи». Есть в этом блоке и вопрос, рассчитанный на оригинальность концептуального решения: «Идеальный образ детской библиотеки в вашем представлении? Характерные ее черты. Обоснуйте ваш ответ».

В целом тест состоит из 30 вопросов, по 10 в каждом блоке. Все вопросы в блоках нумерованы от единицы до десяти. Студент называет номер, в соответствии с которым получает три вопроса, по одному из каждого блока. Работа рассчитана на 4 часа аудиторных занятий. Навышнее количество баллов, которое может получить студент — 6. По окончании выполнения каждого задания студент сам себя оценивает. Окончательное решение о сумме баллов принадлежит преподавателю курса, который принимает во внимание не только точность ответа (на первый вопрос), но и доказательность в ответах на второй и третий. При условии общего количества баллов не меньше 4-х, студенту предоставляется право выбора любого вопроса по курсу для углубленного ответа на экзамене. Своими проектами и гипотезами студенты делятся на семинаре по итогам тестирования.

Опыт двухлетнего применения этого метода на дневном и заочном отделениях показал его эффективность: он позволяет с определенной долей вероятности выявить не только актуальный, но и перспективный уровень развития студентов, наметить темы курсовых и дипломных работ, темы семинаров и дискуссий. Преподавателю он позволяет выявить пробелы курса, его слабые места и собственно изменить программу курса, модернизировать вопросы в экзаменационных билетах. Сам метод тестирования из-за возможности самооценки вызывает у студентов повышенный интерес по сравнению с другими методами контроля. Полагаю, что разработанный нами тип тестирования может быть использован и для аттестации библиотекарей-практиков.

Революцию, происходящую сегодня в мире библиотек и информации, многие сравнивают с той, которая была вызвана изобретением книгопечатания. Изменение способов и формы представления знаний, средств доступа к ним оказывают непосредственное влияние на традиционные библиотечные процессы и работу библиотекаря. Наблюдая за тем, как незаметно и поступательно исчезает прилагательное «библиотечный» в специальных терминах, уступая место новому — «информационный», мы задаем вопрос, не завершится ли это полным исчезновением слов: «библиотека», «БИБЛИОТЕКАРЬ»... Статья профессора Гертруды Химмельфарб (США) — это взгляд на революцию в библиотеках глазами историка. Мы надеемся, что она даст не только пищу для размышлений о наших ценностях, но и укрепит чувство уверенности в непреходящей роли библиотеки в обществе, равно как и в высокой миссии нашей профессии.

Вторая публикация в рубрике переводов — это статья немецкого ученого-библиотековеда Юргена Вебера «Характеристика профессии «библиотекарь-исследователь». Размышления по поводу этой статьи представлены Борисом Володиным, который анализирует важнейшие положения статьи профессора Вебера, часто связывая их с нашей российской практикой. Идея введения новой специализации «библиотекарь-исследователя», предлагаемая Вебером, и поддерживаемая Борисом Володиным, несомненно заслуживает внимания представителей библиотечного образования России.

*Ирина Клим,
канд. пед. наук, ведущая рубрики*

РЕВОЛЮЦИЯ В БИБЛИОТЕКЕ ¹

Гертруда Химмельфарб — заслуженный профессор в отставке в Высшей Школе Городского Университета Нью-Йорка. Ее последняя книга — «Деморализация общества от викторианских добродетелей к современным ценностям».

Историки не любят использовать слово «революция». В отличие от журналистов, которым она видится в каждом новом политическом событии, интеллектуальном достижении, технологической новинке или модной одежде, историкам нравится думать, что последствия их революций распространяются больше, чем на месяц, год или даже десятилетие. А некоторые историки — старшее поколение, к которому отношусь и я, — так осторожны в употреблении этого слова, что относят его только к переменам, которые резко изменяют ход событий на целые

столетия. Революция Кромвеля в Англии, завершившаяся казнью короля, не считается серьезной революцией, это в лучшем случае гражданская война. Так называемая Славная революция, изменившая порядок престолонаследия, тоже не заслуживает этого названия — она была слишком мирной, слишком «славной», чтобы называться революцией.

Но есть революции, относительно которых не сомневаются даже самые осторожные историки. Безусловно, к таковым относится Французская революция, и, возможно, Американская революция (хотя на эту тему ведутся дискуссии: британцы предпочитают называть ее «колониальным восстанием»). И, наконец, после десятилетий раздумья в пантеон революций была допущена индустриальная революция. Когда я училась в школе, термин *индустриальная революция* всегда преподносился в кавычках, как бы с намеком, что это вовсе и не революция.

Но сейчас даже наиболее скептически настроенные историки согласны с тем, что это была настоящая революция. А уступив в этом, некоторые из нас готовы признать, что сейчас мы становимся свидетелями другой революции, постиндустриальной революции, электронной революции. Как и все революции, нынешняя будет иметь последствия, далеко выходящие за рамки ее сегодняшнего содержания, потому что она может стать не только библиотечной революцией (в составлении каталогов, хранении и обороте книг), но и вообще в образовании.

Библиотека всегда была и остается сердцем колледжа. Я вспоминаю, как однажды в конце 60-х стала свидетельницей одной демонстрации, где студенты требовали, как они говорили, «самоуправления», а профессора возражали: «Но ведь университет — это мы».

На самом деле, библиотекари имеют полное право сделать подобное заявление, так как профессора, по крайней мере гуманитарных наук, и студенты — вскормлены библиотекой. Как лаборатория — это царство естественных наук, так и библиотека — царство гуманитарных. Именно там хранятся знания и мудрость, которые передаются от профессоров к студентам.

Технологическая революция

Если библиотека сейчас на пороге революции — если столы и отсеки превращаются в «рабочие станции», а студенты и ученые чаще обращаются к Интернету, чем к книгам, — это значит, что происходит нечто знаменательное, нечто гораздо более существенное, нежели просто техническое обновление.

Последним достижением такого рода было изобретение печатного станка почти пять веков назад. И оно, как мы знаем, имело чрезвычайно важные последствия. Помимо других вещей, именно благодаря этому изобретению появились библиотеки.

Конечно, библиотеки были и до Гутенберга. Самой знаменитой была Александрийская, основанная Птолемеем I в четвертом веке до н.э. — прославившаяся отчасти тем, что в третьем и четвертом веках н.э. ее разрушили римские императоры. Но другие библиотеки — публичные и частные — выжили и процветали в Иерусалиме, Греции и Риме.

¹ *The Key Reporter / Phi Beta Kappa. 1997. Spring. Vol. 62, # 3, p. 1-5 // The American Scholar. 1997. Spring.*

Примерно в то время, когда Гутенберг совершенствовал свой станок, формировалась Ватиканская библиотека: в ее первом каталоге значилось 2500 томов. Сегодня, благодаря Гутенбергу, многие ученые имеют столько же книг у себя дома или в офисе.

Печатная революция — прекрасный пример превращения количества в качество. То, что теперь каждому человеку или библиотеке доступно гораздо больше книг — практически наименее значительное последствие этой революции.

Гораздо важнее эффект демократизации — освобождение культуры из-под контроля священнослужителей и писцов. Относительная простота и дешевизна книгопечатания передала производство книг в руки купцов и мастеровых, которые не зависели ни от духовных, ни от светских властей, а только от рынка и потребителя. Таким образом, популярные книги-однодневки были не дороже классики, а еретические трактаты — канонических.

Появилась возможность произвести не просто много экземпляров одной книги, а много идентичных экземпляров. Таким образом, все грамотные люди могли прочесть один и тот же текст Библии и толковать его без посредничества церковных властей. Некоторые историки полагают, что не случайно вслед за печатной революцией последовала революция протестантская; если бы не Гутенберг, говорят они, Реформация заглохла бы или была бы подавлена, как множество средневековых ересей. Теперь, во время электронной революции, этот процесс демократизации делает огромный шаг вперед. Компьютеризирован не только библиотечный каталог; компьютер может обратиться к множеству других каталогов, указателей, баз данных и лазерных дисков, а также к Интернету, книгам, журналам, архивам и даже коллекциям рукописей из других библиотек.

По крайней мере в перспективе электронная революция уравнивает в возможностях маленькие библиотеки и библиотеки основных научных и учебных институтов. А возможно и большее. Она может заставить эти книги, журналы и базы данных «говорить друг с другом», как утверждают поклонники киберпространства. Надо будет только ввести запрос на информацию, и компьютер сопоставит источники, синтезирует их и представит результаты на вашем экране.

Но и это еще не все. Вы сможете не только получать всю эту информацию, но и создавать ее, стать активным партнером в этом «интерактивном процессе». Ваши мысли по любому вопросу, ваши суждения, впечатления, мнения, даже ваша последняя курсовая работа смогут найти дорогу в Интернет через вашу «домашнюю страничку».

Недавно я слышала, как восьми- или девятилетний ребенок радовался этому чудесному изобретению на экране телевизора. «Это замечательно, когда можно задать вопрос на своей домашней страничке и тебе отвечают сразу много людей», — говорил он.

Все взрослые в этой передаче разделяли его энтузиазм. Интересно, сколько из них подумали о том, что еще несколько лет назад за ответом на свой вопрос ему понадобилось бы залезть в учебник или энциклопедию — таким образом признавая, что эти источники более надежны и авторитетны, чем «много людей».

Вы, наверное, уже догадались, что у меня к электронной революции отношение двоякое. Как и множество других революций, она — благо, но лишь до определенных границ. И, как и почти все революции, постепенно из этих границ выходит.

Демократизация знаний хороша, если имеется в виду демократизация *доступа* к знаниям. Каждый, кто много времени проводит в библиотеке, будет рад компьютерному каталогу, где можно найти информацию о книгах и журналах во всех библиотеках района или даже страны, а не только той, где он находится. И каждый, кто не имеет доступа к крупной научной библиотеке, или ищет сведения об общественном деятеле или событии из недавнего прошлого, или хочет прочитать или перечитать конкретный книжный обзор или статью, будет благодарен Интернету за возможность быстро и эффективно осуществить все вышеперечисленное.

Но не надо путать демократизацию доступа к знаниям с демократизацией самих знаний. А именно в этом отношении Интернет или любая другая электронная сеть могут оказать пагубное воздействие. В киберпространстве все источники кажутся одинаково авторитетными. Как сказал тот ребенок по телевидению, на его вопрос попытаются ответить «сразу много людей». При поиске имени или фразы в Интернете, цитату из Шекспира или Библии можно получить с такой же вероятностью, что и рекламный лозунг или анекдот, в котором фигурирует нужное слово. В Интернете все возможности равны, нет ни рангов, ни статусов, ни привилегий. В этом демократическом пространстве все источники, идеи и теории выглядят одинаково ценными и уместными.

Чтобы отличить Сникерс от Шекспира, тривиальное от важного, эфемерное от долговечного, а ложное от истинного, нужно обладать разборчивым и тренированным умом и определенным запасом знаний. Именно эту разборчивость традиционно культивировали гуманитарные науки, и для того, чтобы электронная революция принесла больше пользы, чем вреда, нужно приложить еще больше усилий в этом направлении.

Интеллектуальная революция

За последние годы гуманитарным наукам пришлось много бороться. Настоящая революция началась еще до электронной с интеллектуального, а не технологического переворота. Несколько десятилетий назад началась атака на «каноны» — великие книги, традиционно считавшиеся сердцем гуманитарных наук и основой образования свободного человека. Сначала критике подверглись конкретные книги, или, скорее, их авторы — Платон и Аристотель, Августин и Фома Аквинский, Шекспир и Милтон, Маркс и Милл были осмеяны и получили прозвище «Мертвые белые мужчины» («Dead white males», сокращенно «DWMS», «Dweems»). Каноны были обвинены в женоненавистничестве, догматизме, отсталости, пренебрежительном отношении к другим расам и нынешнему поколению.

Но это было только начало войны. Затем началась атака на само понятие канона. Любой канон, говорилось тогда, необъективен, потому что он кем-то закреплен и предписан, а значит, он угнетающий и

авторитарный. Когда последовали возражения, что каноны вообще-то не закреплены, что они меняются от колледжа к колледжу и от года к году, что вместо некоторых старых книг появляются новые (и их авторами иногда являлись женщины, чернокожие и даже, о ужас, ныне живущие), тогда появилась новая стратегия.

Я впервые столкнулась с ней несколько лет назад, когда участвовала в дискуссии по поводу канонов в одном выдающемся гуманитарном колледже. Одна из участниц, глава программы обучения женщин в колледже, объяснила, что проблема не только в том, что «великие мужи» — ее вариант названия «Мертвые белые мужчины» — были мужского пола, но и в том, что предпочтение отдавалось именно большим, великим книгам. Вот это, жаловалась она, на самом деле оскорбительно.

Канон — любой — предполагает, что есть такая вещь, как великие книги, где содержатся великие и долговечные мысли, которые заслуживают того, чтобы их изучали и ценили. Более того, он предполагает, что эти мысли выходят за рамки места и времени, расы и народа, класса и пола, страны и национальности. Эти предположения, сказала она, отражают явно мужской взгляд на мысли и чувства людей, мужскую концепцию мыслей и рассудка.

В заключение она призвала всех женщин, а особенно феминисток, отречься от этого мужского ощущения и принять уникальное женское, где прославляются не великие мысли и истины, а «маленькие вещи в жизни женщины... маленькие созидательные поступки, на которые способны лишь женщины».

Этот аргумент тогда застал меня врасплох. Я только и смогла возразить, что возврат к «маленьким вещам в жизни женщин», на мой взгляд, не есть цель феминизма; это больше смахивает на возвращение на кухню. И я не согласна, что великие книги и мысли — выражено мужские или элитные. Напротив, я считаю, что они общечеловечны и очень демократичны. Они смогли пережить века именно потому, что доступны людям разного происхождения и характера, и все могут стремиться понять их и облагородить ими свое сознание. Именно этот принцип всегда вдохновлял гуманитарные науки и все гуманитарное образование.

С того момента этот вызов канонам и всему гуманитарному образованию стал слышаться очень часто, и не только со стороны феминисток. Теперь, в более утонченной форме, он звучит из уст литературных критиков, философов, историков и других под лозунгом постмодернизма, доктрины, ставшей чрезвычайно влиятельной, иногда господствующей, во многих университетах и учебных дисциплинах.

Главная движущая сила постмодернизма — это радикальный, можно сказать, абсолютный релятивизм, скептицизм и субъективизм, который отвергает не только понятия канона и величия, но и само понятие истины.

Для постмодерниста не существует ни истины, ни знания, ни объективности, ни рассудка, ни, наконец, действительности. Ничто не постоянно, и одно не превосходит другого. Все находится в состоянии полной относительности и непрерывного изменения. Между языком и реальностью нет соответствия; по существу, нет и реальности. То, что

кажется реальным, — иллюзорно, обманчиво, проблематично, неопределенно. То, что кажется истинным, всего лишь признано таковым властью и общественными авторитетами.

Тем из вас, кого счастливо миновала эта новая интеллектуальная мода, она может показаться странной и невероятной. Но могу вас заверить, что она весьма распространена в сфере гуманитарных наук. Не хочу сказать, что все или даже большинство профессоров литературы, истории или философии — постмодернисты. Но некоторые из самых уважаемых, включая президентов нескольких важных профессиональных ассоциаций, таковыми являются. И многих самых блестящих, подающих большие надежды, молодых профессоров и студентов привлекает образ мыслей, который они считают передовым.

Еще более важно то, что даже те, кто не считает себя постмодернистами, часто разделяют крайний релятивизм и субъективизм, которыми сейчас пропитаны гуманитарные науки. В ведущих профессиональных журналах сегодня слова *истина*, *объективность*, *рассудок* и *действительность* обычно появляются в кавычках, указывающих на обманчивость этих понятий.

Таким образом, мы сейчас имеем дело не с одной, а с двумя революциями — технологической и интеллектуальной, которые обладают странным сходством и находятся друг с другом во взаимовыгодных отношениях. Увлекайся я таинственными теориями, непременно предположила бы, что Билл Гейтс, председатель Майкрософт — тайный агент Жака Деррида, первосвященника постмодернизма. Ибо новая технология — превосходное средство для новой идеологии. Путешествие по киберпространству дает поистине постмодернистские ощущения — освобождение от того, что постмодернисты называют «линейным мышлением» — рационального, логического образа мыслей.

Слова и изображения быстро и без какого-либо логического порядка сменяются на экране. Читатели или, скорее, зрители склеивают их вместе, как хотят, делают из них все, что душе угодно, соединяют и разъединяют их для своего удовольствия. Нет ни постоянных текстов, ни авторитетных источников, ни ограничений во времени и пространстве. (Сравните безграничный объем движущегося экрана с физическими, пространственными границами книги — или скорость изменения картинки на экране и скорость перелистывания страниц в книге.)

Еще одно новое слово постмодернизма — интертекстуальность — означает добавление в текст, например, стихотворения любых слов, идей и событий, пусть отдаленных и противоречивых, которые приходят в голову читателю.

Экран очень сильно облегчает эту интертекстуальность, так как показывает другие тексты или картины, которые сами никогда не пришли бы на ум автору и могут иметь самое далекое отношение к стихотворению. Стихи становятся, говоря языком постмодернизма, неопределенными, проблемными, ироничными. А их чтение становится, в сущности, упражнением в виртуальной реальности, так как к настоящему стихотворению имеет столько же отношения, сколько электронная игра, происходящая в виртуальной реальности — к реальному миру.

Заключение

Итак, мы имеем дело с революцией, причем не только в библиотечных услугах, но и в самом понятии библиотеки. И, как большинство революций, она может принести огромное количество как добра, так и зла. Безусловное ее достоинство — компьютеризованный каталог, который гораздо эффективнее старого бумажного; доступ к другим библиотекам и базам данных; возможность быстро получить информацию, которую раньше пришлось бы искать несколько дней или вообще нельзя было бы получить; удобная возможность общаться через сеть с коллегами, работающими над той же темой, обмениваться идеями, информацией, и, признаем это, сплетнями на профессиональные и личные темы.

Но — и это важное *но* — все это хорошо лишь до той поры, пока новые достоинства библиотеки дополняют старые, а не заменяют их. И я уверена, что это возможно, хотя потребуются сознательные усилия, чтобы устоять перед соблазнами нового средства: удержаться от бесконечных путешествий по киберпространству; не дать тому, что попадается на пути, отвлечь себя; не потерять ощущение того, что происходящему важно, уместно и заслуживает доверия.

Прежде всего это означает, что нужно оставаться верными старой библиотеке, книгам, которые читают, а не просматривают. Поклонники электронной почты называют обыкновенную «почтой улиток». Некоторые книги, безусловно, лучше просматривать, чем читать. Но другие надо читать со скоростью улитки; все, что быстрее, не приводит к цели и не дает воспринять текст.

И вот я добралась до сути дела — особых отношений между библиотекой и гуманитарными науками. Теоретически нет причин, по которым «Общественный договор» Руссо или «Потерянный рай» Милтона нельзя читать на экране, если предположить, что они существуют в *online*-версии. (Более вероятно, что в Интернете имеется лишь краткое описание). Но даже если они там есть, все-таки нужно их читать в формате книги — «твердой копии», как говорят сейчас, — а не на экране.

Держа Книгу в руке, мы непременно ощущаем реальность, материальность произведения, самого текста, каким его создали Милтон или Руссо и каким он должен прийти до нас.

Мы, разумеется, будем толковать и понимать его по-своему и, конечно, обратимся за помощью к другим источникам — критическим, историческим и биографическим. Но нужно все-таки всегда возвращаться к самому тексту, книге в руках. Книга — эта реальность; виртуальной реальности в ней нет. Более того, каждая страница книги — а в случае сложного труда — каждая строчка на странице — имеет свою собственную действительность. Взяв книгу в руки и открыв ее на этой странице, мы легко можем сконцентрировать на ней свое сознание, задержаться на ней, обдумать ее, потратив на это столько времени, сколько нужно, чтобы понять ее и оценить.

При чтении с экрана возникают совсем иные ощущения. Там мы вопреки своему желанию становимся постмодернистами. Очень сложно сконцентрироваться на тексте, не обращая внимания на все, что еще может появиться на экране. И еще сложнее задержаться на одной

странице, не переходя к следующей, не говоря уже об абзаце, строчке или слове. Сама среда слишком жидкая, слишком подвижная и изменчивая, чтобы войти в какие-то мысленные рамки. Мы в ней становимся нетерпеливыми, хочется скорее увидеть новую картинку. И чем больше мы привыкаем к новой среде, тем труднее нам вернуться к старым привычкам в учебе и в мыслях.

Мы привыкаем к быстрому движению, к постоянно изменяющейся сцене, к тому, что одни чувства и впечатления почти сразу заменяются другими. Мы уже не способны воспринимать более длинный, медленный, не столь лихорадочный темп книги.

Мы теряем способность серьезно размышлять над идеями, а не накапливать факты. Интернету нет равных в быстром нахождении фактов, но и здесь необходима осторожность. Нужно сконцентрироваться на том, что именно мы хотим узнать, и не давать любопытным, но не имеющим отношения к делу фактам отвлечь себя, и самое главное — не разучиться отличать факты от мнений, авторитетные источники от сомнительных.

Гуманитарные науки — это не просто изучение фактов. Это еще и возможность оценить поэму, понять идею, ощутить значительность исторического события, не потерять логическую нить в споре, порассуждать о человеческой природе, задуматься об этических дилеммах, вынести рациональные и нравственные суждения — и все это требует упражнения ума и человеческих усилий, которые не может заменить никакая технология.

Если нам нужен, например, указатель библейских изречений — нет средства лучше, чем Интернет. Но если мы хотим читать Библию, изучать ее, размышлять над ней, то нам нужно держать книгу в руках, потому что только так она сможет попасть в наш разум и сердце.

Гуманитарные науки придуманы человеком, и человечество трудилось над ними всю свою цивилизованную историю.

Этот труд лежит в библиотеке в виде книг — огромного количества книг, среди которых, конечно, многие не представляют ценности, но есть и великие. Эти книги поддерживают наш разум и вдохновляют воображение. Именно в них мы ищем истину, знание и мудрость. И мы надеемся, что эти идеалы выживут в нынешней революции.

Перевод П.А.Танкова

ХАРАКТЕРИСТИКА ПРОФЕССИИ «БИБЛИОТЕКАРЬ–ИССЛЕДОВАТЕЛЬ»

Юрген Вебер — заведует отделом редкой книги в Библиотеке герцогини Анны Амалии в Веймаре — одной из наиболее интересных и динамично развивающихся библиотек современной Германии. Получил философское образование в Геттингенском университете. Докторская диссертация посвящена осмыслению творческого наследия выдающегося немецкого философа Шеллинга. Автор многочисленных публикаций по проблемам библиотечного дела, активно выступает с докладами на научных конференциях. Предлагаемая читателям статья подготовлена автором для петербургского журнала на основе доклада, прочитанного им в мае 1997 г. на 7-м Немецком библиотечном конгрессе в Дортмунде, проходившем под девизом — «От Гуттенберга к Интернет».

Дебаты по вопросам программного определения исследовательской библиотеки как типа еще ведутся, хотя совершенно очевидно, что этот тип уже имеет свои контуры и в силу его привлекательности многими уже признан (1). Но до сих пор не было и речи об описании особой профессии — библиотекаря, который должен работать в такой библиотеке. Понятие «библиотекарь–исследователь» еще не настолько перегружено, чтобы нельзя было дополнить характеристику этой профессии и в результате продвинуться дальше дискуссии программного характера по проблемам библиотеки этого типа.

Тезис, который я хочу предложить для обсуждения, звучит так: исследовательские библиотеки функционируют успешно в том случае, если они «настроены» на формы и содержание работы так называемых гуманитарных и культурологических научно–исследовательских учреждений.

Квалификационные характеристики и поля деятельности персонала могут быть определены на основе той роли, которую эти библиотеки играют в инфраструктуре исследовательских учреждений.

Цель этих библиотек — обеспечить возможность вести исследовательскую работу и оказывать этой работе всяческое содействие, и в этом смысле, действительно выработать в итоге особую форму обслуживания...

Таким образом, при учреждении исследовательских библиотек как таковых, речь идет не о том, что создаются пристанища для ученых или понимаемые в современном смысле республики ученых, которые смогут помочь последним из зрудированных библиотекарей создать нишу для своего существования. Речь идет о том месте, которое занимает

библиотекарь в обществе исследователей, в работе которых он принимает участие на стадиях проведения исследований.

При определении этой позиции я ориентируюсь на дискуссию о научно–исследовательских университетах и академиях, которая ведется с начала 90-х годов (2). При этом рассматриваются два критерия, с помощью которых могут быть очерчены рамки профессии библиотекаря–исследователя.

Во-первых, для того, чтобы квалифицировать библиотеки как исследовательские учреждения, недостаточно того факта, что их сотрудники имеют высшее специальное или общее университетское образование. Суть вопроса в том, действительно ли можно вести работу такого характера в исследовательском учреждении подобного рода. Во-вторых, все зависит еще и от того, может ли за библиотекой быть закреплено право вести исследовательскую работу, то есть сможет ли библиотека стать научно–исследовательским учреждением.

Прежде всего, я хотел бы описать некоторые типичные поля деятельности относительно тех признаков, которые имеют отношение к исследовательской работе. На основе этого, далее будет уточнено понятие «исследование» и будут определены его структурообразующие принципы. В таком контексте обзор ситуации в области научной политики, проводившейся в 60-е годы, свидетельствует о том, что отделение исследовательской библиотеки от универсальной можно объяснить изменившимися требованиями именно в отношении инфраструктуры исследовательского учреждения.

I.

Описание полей деятельности сделано исходя из собственных наблюдений и, конечно, на основе изучения опыта работы Библиотеки имени герцогини Анны Амалии (Веймар) и Библиотеки имени герцога Августа (Вольфенбюттель). Сами по себе эти поля деятельности еще не дают достаточных оснований для того чтобы считать библиотеку исследовательской, скорее их наличие можно назвать предпосылкой к этому.

Однако при более близком рассмотрении можно сказать, что именно комбинация этих полей, а также имеющие отношение к исследовательской работе элементы этой деятельности позволяют признать возможность удачно адаптировать принципы современной организации исследовательской работы к библиотечной специфике.

Постороннему наблюдателю может броситься в глаза и показаться удивительным разнообразие групп читателей: наряду с научными работниками местным абонементом пользуются студенты и школьники. Хорошо известны и проводимые в библиотеке трех– или пятидневные семинары во время которых учащиеся старших классов гимназий прорабатывают по старым изданиям различные темы по биологии или по истории медицины (например, «История инфекционных болезней» (на примере г. Пешта) (3).

Цели при этом ставятся разные — отчасти это связано с необходимостью повышения квалификации учителей; это может быть ознакомление с инструментарием научной библиотеки или стимулирование

стремления к чтению. В Вольфенбюттеле даже размышляли о том, как при помощи музейной педагогики можно было бы открыть доступ к исторически ценным материалам и заинтересовать ими еще более юных (вплоть до детей) возможных читателей.

Здесь также следовало бы упомянуть о том, что наряду с посещением выставок организуются экскурсии в мастерские (по реставрации книги и фотомастерские), что является неотъемлемой частью общественной работы.

Поскольку исследовательская библиотека предназначена для особых, имеющих ярко выраженные научные интересы читателей, может показаться, что более широкий круг посетителей противоречит такому определению читательского состава. Однако здесь пришли к выводу, что для повышения интенсивности исследовательской работы библиотек им необходимо привлечь читателей из других слоев общества, которое нужно выявить и обслуживать.

С одной стороны, речь идет о привлечении в библиотеку будущих читателей. Кроме того, создание приемлемых условий для приема иных посетителей — помимо круга тех, кто непосредственно относится к целевой группе учреждения — непременное требование финансирующего библиотеку фонда или спонсора.

С другой стороны — это решающий момент — требуется компетентный в области посреднической работы персонал с различным уровнем подготовки.

Эти требования вытекают из традиционного в Германии объединения, комбинирования науки и обучения, и они предотвращают появление тенденции к тому, что такие библиотеки бесконтрольно превращаются в отдалившиеся от широкой публики учреждения. Таким образом, исследовательские библиотеки начинают выполнять функцию моста между научно-исследовательской работой, университетским и школьным образованием, а также более широким кругом местного общества.

Семинары студенческих групп, которые проводят в библиотеке профессора из университетов и на которых могут присутствовать и библиотекари, охарактеризованные Паулем Раабе как «особая форма подготовки будущих ученых» (4), планируются, в основном, как семинары на темы междисциплинарного характера.

При этом определяющим моментом является то, что здесь элементы исследовательской работы и элементы обучения взаимосвязаны с библиотечной деятельностью не просто по воле случая. Обучение идет в библиотеке, и оно не ограничено тем, что библиотекари, выполняя возложенное на них задание, проводят пропедевтические семинары для какой-либо высшей школы.

В библиотеке обучение в области гуманитарных наук можно вести целенаправленно, с ориентацией на объект — рукопись или старое печатное издание — в таких условиях, какие в самих высших школах едва ли можно обеспечить. Вместе с тем таким образом открывается доступ к тому культурному контексту, в котором находится изучаемый объект коллекции библиотеки.

Поиск литературы и описание происхождения и структуры фондов

отдельных коллекций — т.н. «изучение фонда» — переместились в центр внимания. Это те поставленные перед библиотеками вопросы, решение которых благодаря работе по подготовке «Справочника по исторически ценным фондам» (5) пошло по конкретному пути. Поскольку исследователи и стипендиаты ставят перед собой сравнительно похожие задачи, библиотека может, по крайней мере, время от времени увеличивать свой собственный исследовательский потенциал.

В связи с этим я считаю особенно примечательным и многообещающим запланированное оборудование читальных залов для научных работников, в которых старая книга интересующей его эпохи или по изучаемой им теме будет находиться в однородной коллекции, предоставляемой в пользование в этих залах. Я вспоминаю о размышлениях Бернхарда Фабиана по поводу зала для научной работы, который существовал в Геттингенской библиотеке в начале XVIII в. (6).

В Веймаре запланировано свести в одном месте такие первоисточники по четко определенным темам, которые, как например, печатные издания из немецкой коллекции первоисточников литературы об Италии (итальянская литература и литература об Италии) (7), рассеяны по всему фонду, в группы источников, охватывающие определенный период (может быть, за шесть лет), и предложить ряд тем по изучению этого комплекса литературы для обсуждения на семинарах и для разработки лицам, получившим стипендии.

За счет результатов таких исследований могла бы существенно продвинуться вперед ведущаяся в библиотеках работа по раскрытию фондов. Положительный эффект может быть достигнут также, если реализация проекта по подготовке труда, запланированного к изданию, ведется в стенах библиотеки, и в том случае — что может быть еще более перспективно — когда работа над проектом ведется совместно с научно-исследовательскими учреждениями, не входящими в состав университета.

В соответствии с этими требованиями, четко вырисовываются изменения в характере деятельности, например, классических референтов или руководителей отделений. К примеру, предметные рубрики в библиотеке Вольфенбюттеле и Веймаре разрабатываются в подразделениях более высокого уровня. Активность таких подразделений направлена также на реализацию научных проектов и наведение специализированных указателей по фондам и общим библиографий. По мере развития длительной техники деятельность библиотеки по раскрытию фондов становится центральной областью исследовательской деятельности библиотеки.

Ряд этих примеров можно было бы дополнить рассмотрением некоторых аспектов политики комплектования и особенно справочно-библиографической работы, в области профилирования которых еще предстоит многое сделать.

Не всегда отдельные виды работ в этой области могут быть перенесены в другие библиотеки, и не всегда они будут варьироваться в зависимости от того, какая библиотека выполняет эти виды работ. Однако типобразующей будет доля определяющих исследование характерных признаков полей деятельности. В дальнейшем понятия «ис-

следование» и «инфраструктура исследовательской работы» будут уточняться.

II.

Мы располагаем в некотором роде протоколом исследовательской библиотеки. В том, что говорит о своем «Библиосибирске» Пауль Раабе, есть два момента, на которые следует обратить внимание. Во-первых, положение дел Вольфенбюттельской библиотеки — в период становления ее как исследовательского учреждения отличается тем, что там активно взаимодействовали круги ученых и профессионалов, политические силы и частные добровольные объединения из области экономики (Научный совет, Попечительский совет, Правительство земли Нижняя Саксония, Фонд Фольксваген, Общество друзей Библиотеки имени герцога Августа и другие). Такое положение вещей при создании государственных научно-исследовательских институтов, преимущественно тех, результаты научной работы которых могли иметь практическое значение (8), в Германии было типичным с начала XIX века и является признанием со стороны государства некой библиотеки как внеуниверситетского, сориентированного на историю культуры исследовательского учреждения. В организационном плане это проявляется в создании собственного научно-исследовательского отдела, целью которого, в соответствии с «Основным положением» 1990 г. (9) является научная работа в сфере библиотечной деятельности. Во-вторых, в Вольфенбюттеле развивается дальше концепция, согласно которой в библиотечную работу вносятся такие принципы организации структуры исследования, которые можно сравнить с директивами, намеченными Немецким исследовательским обществом в программе стимулирования исследовательской деятельности (10). К ним относятся далеко идущая, можно даже сказать, неограниченная поддержка инициатив ученого (это касается как библиотекарей, так и приглашенных исследователей), а также соединение элементов исследовательской работы и обучения. Ориентиром, к тому же, является качество работы в научном, но не в политическом отношении. И наконец, по причине ограниченных финансовых средств финансирование проектов, программ по выделению стипендий и проведению конференций ведется в зависимости от результатов конкурсного отбора, а также от создания коммуникативных путей по привлечению этих средств.

Конечно, без тех стандартов научно-производственного мышления и менеджмента, которые в результате модернизации библиотечной теории укоренились в библиотеках в 70-е годы, создание даже Вольфенбюттельской библиотеки как исследовательского учреждения проходило бы не столь успешно. Однако в других местах такой момент, способствующий образованию инфраструктуры, как конкуренция в борьбе за финансовые средства и профессиональные ресурсы, просто недооценивают. Дело в том, что административные и научные компетенции должны быть при этом четко согласованы. И в результате этого закладываются структуры, которые делают возможной, и даже необходимой ликвидацию вызвавшего много нареканий разделение админис-

тративной и научной деятельности. Может быть, здесь понятие культурного менеджмента охватит ту область, к которой может относиться большая часть исследовательской деятельности библиотечного работника. Если исходить из этой точки зрения, то не покажется удивительным даже то, что в работе Пауля Раабе больше говорится о том, что он называет «Центром культурной жизни» (11), нежели об учреждении некоего исследовательского центра. Однако, говоря об этом, Раабе считает, что нужно, по крайней мере в Саксонской исследовательской библиотеке, рассматривать вопросы научного и культурного развития не изолированно одно от другого.

Исследовательская работа и развитие в смысле research & development в начале 70-х годов стали также темой современных теоретических исследований в области библиотековедения. Исследование, независимо от того, каково оно по характеру — теоретическое или прикладное — это планомерно ведущийся поиск и получение знаний. Развитие — это пользование научными познаниями с тем, чтобы выработать методы, разработать системы и наладить обслуживание. Без такого, опирающегося на исследование развития, например, создания механизма регуляции кооперации в области комплектования или его моделей, практическая работа библиотеки сегодня, едва ли возможна (12). Сейчас исследовательские библиотеки являются частью исследовательской инфраструктуры. Специфической задачей исследовательской библиотеки является создание и дальнейшее развитие инфраструктуры именно гуманитарного исследования и исследования в области культуры науки. Это не означает, что библиотекарь не может, как любой другой ученый, заниматься исследовательской работой в университете. Однако, если он является библиотекарем-исследователем, его активность направлена на инфраструктуру гуманитарного исследования. При этом решающим фактором в характеристике этой профессии является то, что его компетентность и как библиотекаря, и как специалиста тесно связана с его деятельностью в качестве менеджера культуры, ведь то и другое даже взаимообусловлены.

На начальной стадии дискуссии об исследовательской библиотеке, развернувшейся в 60-е годы, стало ясно, что инфраструктура исследовательской работы имеет некоторые недостатки, которые сегодня и послужили поводом для создания исследовательских библиотек. В 1902 году Виланд Шмидт в своей полемически воспринятой речи на 52-м съезде немецких библиотекарей выдвинул тезис о разделении универсальной библиотеки на две библиотеки — учреждение, обеспечивающее книгу массового читателя, и исследовательскую библиотеку для индивидуального пользователя (13). Таким образом, Шмидт был первым, кто определил дальнейшее развитие событий, в ходе которого в 1969 году — как раз в тот год, когда прошли студенческие мятежи и начались реформы в области университетского обучения — пришли к решению создать исследовательские библиотеки в Вольфенбюттеле и в Готе (14).

Предчувствие Шмидта по поводу того, что система науки может находиться в состоянии нарастающей конфронтации с массовыми фено-

менами, подтвердилось статистическими данными, представленными также в 1962 году американским историком науки Дереклом Прайсом, хотя и не по всем пунктам. От 80 до 90 процентов всех научных работников (это означает: 7 из 8) существовавших на свете, жили когда-то давно. В переводе на продуктивность научной работы получается, стало быть, что только 10 — 20 процентов всех научных работ выполнены в прошлом.

Поразительной была, очевиднее всего, быстрота развития науки, рост которого имел, образно выражаясь, характер экспоненциального развития: при соизмерении резервов рабочей силы одного человека и количества публикаций мы должны в среднем исходить из того, что количество публикаций за каждые 10—15 лет увеличивается вдвое. Если исходить из этих (от 1962 г.) расчетов, получится, что в результате за время, прошедшее с 1660 года, т.е. от начала создания академий, продуктивность науки увеличилась в миллион раз (15).

Неважно, какие данные мы примем к сведению сегодня: с момента появления концепции профессии, разработанной Георгом Леем, прошло 10 лет (1), и она с трудом выдерживала воздействия концентрации науки, присущие современности, на собственную профессию.

Прагматизм, поборником которого был Лей, в отношении требований к библиотекарю научной библиотеки, а также в отношении выдвигаемых перед ним задач, стал причиной нивелирования исследовательско-теоретических позиций.

Эта тенденция усилилась именно благодаря многочисленным критикам концепции Лея, которые в то время, когда наметился поворот к парадигме, строящейся на социальных и технических науках, т.е., в ранние 70-е годы, полностью сделали ставку на библиотеку как обслуживающее учреждение (17).

Как показывает Бернхард Фабиан в своем исследовании по вопросам книгообеспечения в библиотеках Федеративной Республики, при такой столь мало разработанной теории библиотечной работы не существовало эффективно функционирующих служб, по крайней мере, призванных обслуживать исследовательскую работу в области гуманитарных наук (18). Судя по работам Шмидта, экспоненциальный рост науки следует понимать только как угрожающий феномен и расценивать его как массовый феномен. Вследствие этого утвердился представления о позиции программного характера, в которых просматривалось желание зафиксировать ориентацию библиотек на разделение комплексов зданий, кругов читателей и групп специалистов.

Я не уверен, действительно ли в этом найдет выражение такое сопутствующее явление, как прогрессирующая специализация какой-либо (в данном случае гуманитарной) области науки, или это станет скорее оборонительной позицией.

Практика работы библиотеки, как и запланированное с самого начала распространение Вольфенбюттельской исследовательской программы на гуманитарные науки, уже сами по себе говорят о пересмотре таких представлений. Возможности, которые предоставляют исследовательские библиотеки для интеграции групп потребителей, предпочтительно больше, чем те, которых сейчас от них ждут.

III.

1. Характеристику исследовательской библиотеки я не хотел бы с самого начала укладывать в традиционную схему немецкой типологии библиотек. Сегодня выясняется, что поля деятельности, из которых состоит повседневная библиотечная работа, все больше и больше отличаются от тех, в которые входит выполнение обязанностей, возложенных на библиотекарей, работающих в научных библиотеках, например, в библиотеках высших школ. Например, работа со школьниками или проведение семинаров для студентов — это не только удачные формы завоевания симпатии в отношении к библиотеке. Это та часть исследовательской деятельности, на которую именно в области инфраструктуры должны быть возложены разнообразные компетенции по дальнейшей передаче результатов исследований. Это будет служить критерием при профессиональной аттестации и сослужит хорошей службой в конкурентной борьбе за финансовые ресурсы и численность персонала для научной работы.

2. Широкий спектр исследований, проводимых в области наук, изучающих проблемы культуры, с самого начала выходит за пределы взятой за основу в Вольфенбюттельской библиотеке ориентации на изучение истории культуры. Заметьте возрастает значение, например, науки об аудиовидеовизуальных средствах передачи информации во взаимосвязи с теорией эстетики, техническими науками и техникой оснащения выставок в смысле передачи невербальных знаков, а также в связи с постановкой вопросов в области национальной экономики а в области накопления опыта, например, опыта в деле создания учреждений, выполняющих функцию памяти культуры (19). Поскольку в этом отношении пути традиционных гуманитарных наук остались в стороне, уже намечается, что создание библиотек, называемых исследовательскими, не ограничивается рамками библиотеки, обладающей исторически ценными фондами.

3. Для ведущейся в библиотеках исследовательской деятельности характерно проведение исследований по изучению их фондов, и она занимает свое место в такой инфраструктуре исследовательской работы, какую отчасти она сама и порождает. Самая актуальная задача в этой области — точный анализ того, что в отношении ученого-гуманитария Фабиан называет «механизмом пользования литературой» (20). Хорошо продуманная форма предоставления в пользование литературы из книгохранилищ — в читальных залах для исследовательской работы или в виде компьютерного банка данных — должна сопровождаться проведением научно-теоретического или социологического анализа, выполняемого и библиотечными работниками.

В настоящее время дискуссия по программам работы исследовательской библиотеки отличается тем, что она открыта, но не слишком значительна. В такой открытости, которая ей сейчас, как и раньше необходима, заключается острота этой дискуссии.

Примечания

1 — Доклад, прочитанный на 7-м Немецком библиотечном конгрессе, приуроченном к 87-му Немецкому Дню библиотек. Оба мероприятия проводились одновременно в мае 1997 в Дортмунде. Об упомянутой дискуссии см.:

Knoche, Michael. Die Forschungsbibliothek: Umriss eines in Deutschland neuen Bibliothekstyps. В: Bibliothek. Forschung und Praxis. 17(1993), S. 291-300; Mittler Elmar. Auf dem Wege zu einem bibliothekarischen Gesamtkonzept: Neubau und historisches Gebäudeensemble der Niedersächsischen Staats- und Universitätsbibliothek Göttingen. В: Bibliotheksbauten in der Praxis. Erfahrungen und Bewertungen. Hrsg. von Roswitha Poll u. Bertram Haller. Wiesbaden, 1994. S. 223-241; Kolasa, Ingo. Der Bibliotheksbau Unter den Linden. Geschichte und Entwicklung. В: Bibliotheksbauten in der Praxis (см. также), S. 23-91; Schmidt-Glinter, Helwig. Relativierung der Gegenwart. Die Herzog-August-Bibliothek als Forschungsbibliothek zur Rekonstruktion der europäischen Kulturgeschichte. В: Zeitschrift für Bibliothekswesen und Bibliographie. 41. (1994). S. 393-400; Beppler, Jochen u. Fritsch, Reinhard. Der Neubau der Dombibliothek in Hildesheim. В: Bibliothek. Forschung und Praxis. 21 (1997), S. 77-87; Weber, Jürgen. Forschungsbibliotheken im Kontext. В: Zeitschrift für Bibliothekswesen und Bibliographie. 44 (1997), S. 127-146.

2 — Daele, Wolfgang van u. a. Die politische Steuerung der wissenschaftlichen Entwicklung. В: Geplante Forschung. Vergleichende Studien über den Einfluß politischer Programme auf die Wissenschaftsentwicklung. Hrsg. von Wolfgang van den Daele u. a. Frankfurt/M. 1979. S. 11-63, 16f; Frühwald, Wolfgang u. a. Geisteswissenschaften heute. Eine Denkschrift. Frankfurt/M., 1991. S. 98; Weingart, Peter u. a. Die sogenannte Geisteswissenschaften: Außenansichten: Die Entwicklung der Geisteswissenschaften in der BRD 1954-1987. Frankfurt/M., 1991. S. 23; Laitko, Hubert. Betrachtungen zum Problem akademiespezifischer Forschung. В: Akademiegedanke und Forschungsorganisation im 20. Jahrhundert. Veltin, 1995. S. 19-38. (Sitzungsberichte der Leibnitz-Sozietät. Bd. 3, H. 3).

3 — См. тематические выпуски публикаций Вольфенбюттельской библиотеки, посвященные проведению семинаров для школьников (Wolfenbüttel 1986).

4 — Raabe, Paul. Bibliosibirsk oder Mitten in Deutschland. Jahre in Wolfenbüttel. Zürich, 1992. S. 102.

5 — См. предисловие к справочнику:

Handbuch der historischen Buchbestände in Deutschland. Hrsg. von Bernhard Fabian. Bd. 3. Hildesheim u. a. 1992. S. 9-11.

6 — Fabian, Bernhard. "Dem Publico zu Nutzen". Ansprache bei der Eröffnung des Neubaus der Niedersächsischen Staats- und Universitätsbibliothek am 30. April 1993. В: Bibliothek. Forschung und Praxis. 17 (1993). S. 330-333.

В переводе на русский язык эта работа опубликована в журнале "Петербургская библиотечная школа", 1997, № 3, с. 53-61.

7 — Knoche, Michael. Das Projekt einer Deutschen Italien-Sammlung an der Herzogin Anna Amalia Bibliothek zu Weimar. В: Italienbeziehungen des klassischen Weimar. Hrsg. von Klaus Manger. Tübingen (в печати).

8 — Lundgreen, Peter u. a. Staatliche Forschung in Deutschland 1870-1980. Frankfurt/M. u. a. 1986. S. 18.

9 — Grundordnung 1990, Paragraph 2. Wolfenbütteler Bibliotheks-Informationen. 15 (1990). H. 1/2. S. 4-6.

10 — Deutsche Forschungsgemeinschaft. Perspektiven der Forschung an ihrer Förderung. Aufgaben und Finanzierung 1993-1996. Weinheim u. a., 1992. S. 14f.

11 — Raabe (см. прим. 4), S. 178. 12 — Zur Theorie und Praxis des modernen Bibliothekswesens. Hrsg. von Wolfgang Kehr. Bd. 1. München, 1976. S. 30-32. см.: Brockhoff, Klaus. Forschung und Entwicklung: Planung und Kontrolle. 4. Aufl. München u. a. 1994. S. 38.

13 — Schmidt, Wieland. Offene Buchbestände in Universalbibliotheken. В: Aktuelle Probleme der Bibliotheksverwaltung. Hrsg. von Ewald Wagner. Wiesbaden, 1966. S. 125-142, 141.

14 — см.: Weber (Прим. 1). 15 — Price, Derek John DeSolla. Little science — big science. Von der Studierstube zur Großforschung. Frankfurt/M., 1974. S. 13, 17, 19.

16 — Leyh, Georg. Die Bildung des Bibliothekars. Kopenhagen 1952. (Library Research Monographs. Vol. 3).

17 — Jochum, Uwe. Die Aufgabe des höheren Dienstes. В: Der Ort der Bücher. Festschrift für Joachim Stolzenburg zum 75. Geburtstag. Hrsg. von Uwe Jochum. Konstanz, 1996. S. 69-79.

18 — Fabian, Bernhard. Buch, Bibliothek und geisteswissenschaftliche Forschung: Zu Problemen der Literaturversorgung und Literaturproduktion in der Bundesrepublik Deutschland. Göttingen, 1983.

В переводе на русский язык эта книга вышла в свет в издательстве Российской Академии Наук в 1996 г.

19 — См.: Literatur und Kunstwissenschaften: Positionen, Theorien, Modelle. Hrsg. von Hartmut Böhme u. Klaus Scherpe. Reinbek bei Hamburg, 1996.

20 — Fabian, Bernhard. Zwischen Buch und Bildschirm: Die Bibliothek als Stimulus der geisteswissenschaftlichen Forschung. В: Literaturversorgung in den Geisteswissenschaften. 75. Deutscher Bibliothekartag in Trir 1985. Hrsg. von Rudolf Frankenberger u. Alexandra Habermann. Frankfurt/M. 1986. S. 297-311. (Zeitschrift für Bibliothekswesen und Bibliographie. Sonderh. 43).

БИБЛИОТЕКАРЬ—ИССЛЕДОВАТЕЛЬ РОССИЙСКИХ БИБЛИОТЕЧНЫХ ГУМАНИТАРНЫХ «ОСТРОВКОВ»

(размышления по поводу статьи Юргена Вебера)

1. Постановка вопроса об особой специализации профессии библиотекаря связана с проблемами библиотеки особого типа, о которой написано уже довольно много, в том числе и на русском языке. В 1996 г. в издательстве Библиотеки Российской Академии наук вышла в свет в переводе на русский язык монография немецкого профессора Бернхарда Фабиана «Книга, библиотека и гуманитарное исследование», которая получила положительные отклики в профессиональных российских библиотечных изданиях. Появился целый ряд публикаций работ российских специалистов, в которых рассматриваются проблемы становления исследовательских библиотек — одна из них помещена в журнале «Петербургская библиотечная школа» (1997, N 3). В некоторых из этих публикаций, прежде всего, в работах профессора Фабиана, говорится и об особой специализации профессии библиотекаря — библиотекаря-исследователя.

При этом следует подчеркнуть, что в данном случае речь идет не о какой-либо новой особой специализации, одной из тех, которые столь любимы отечественными высшими библиотечными школами, где обособляется и реализуется, введение новых специализаций, которые вскоре исчезают, уступая место новым, более «актуальным», и чаще всего оставляют после себя лишь едва заметный лишь след в виде записи в дипломах библиотекарей, имеющих в отличие и от коллег, проходивших обучение в других странах, и от выпускников отечественных классических университетов еще и обязательные уточнения о виде специализации.

Но в данном случае речь идет о принципиально иной специализации, по которой не обучают в высшей школе, но которая необходима для работы в библиотеках, претендующих на то, чтобы называться исследовательскими. Именно стремление иметь в своем штате таких сотрудников характерно для современных исследовательских библиотек Германии.

Потребность в теоретическом осмыслении феномена профессии библиотекаря-исследователя стала ощущаться в Германии с особой остротой в 1980-1990-е гг., когда в качестве исследовательских стали развиваться и некоторые универсальные научные библиотеки, и несколько специализированных научных библиотек гуманитарного профиля.

Среди них следует особо выделить Библиотеку герцога Августа в Вольфенбюттеле и Библиотеку герцогини Анны Амалии в Веймаре. Последняя, считавшаяся в свое время одной из лучших научных библиотек ГДР, в 1990-е гг. после того, как ее директором становится

известный как в Германии, так и за ее пределами библиотекарь, активно ведущий исследовательскую работу (в том числе и в области библиотечноговедения), доктор Михаэль Кнохе — меняет свой привычный облик. Эти перемены отражают объективно возникшую потребность в адаптации традиционной научной библиотеки — в данном случае классической немецкой библиотеки, сформировавшейся в основном под влиянием идей Г.В.Лейбница и И.В.Гёте. Она прошла интересный и яркий путь развития, но оказалась не готовой к тем революционным изменениям, которые в конце XX века стали происходить во всем мире. М.Кнохе и коллектив руководимой им библиотеки поставили перед собой задачу сохранить все лучшее, что сложилось в этой библиотеке, но вместе с тем адаптировать саму библиотеку к изменившимся условиям и сориентировать эту библиотеку, уникальность которой определена ее выдающимися фондами, на ее не менее уникального пользователя, а именно — исследователя.

Став исследовательской библиотекой, Библиотека герцогини Анны Амалии, изменила саму систему расположения фондов. Библиотека четко определила профиль комплектования, сделала ставку на преемственность в комплектовании уже сложившихся уникальных исторически ценных фондов. А определив, вернее, уточнив этот профиль, изменила и условия хранения книг — из огромного фонда были выделены и собраны в одном месте книги по той или иной теме, с которыми и работают ученые, приезжающие в Веймар из всех стран мира.

Таким образом, книги по определенным темам стали физически доступны исследователю, и ему не надо теперь ни рыться в каталогах, ни ожидать часа получения желаемой книги после подачи требования. Исследовательская библиотека — это библиотека, идущая навстречу своему читателю, который приходит сюда как в свою творческую лабораторию и, следовательно, имеет право на максимальные удобства для своей работы.

Со стороны может показаться, что научная библиотека гуманитарного профиля продолжает развиваться, как самая традиционная научная библиотека, которая гордится тем, что имеет возможность обеспечить физическую доступность книги.

Но при этом необходимо отметить, что концепция исследовательской библиотеки совсем не противопоставляет себя современным процессам информатизации и создания виртуальной библиотеки, а напротив, она активно способствует ходу этих процессов. Так, сама доступность книги в физическом смысле и предоставление читателю возможности работать в небольшом читальном зале, непосредственно в том помещении, где на открытом доступе представлена та или иная коллекция (например, т.н. коллекция Фауста или собрание Немецкого Шекспировского общества в Веймарской библиотеке), обеспечена только для исследователей, только для узкого круга специалистов.

Остальные же читатели и абоненты системы МБА получают отныне качественные копии этих изданий в цифровой форме. И, наконец, само создание новых специализированных коллекций, отражающих разные стороны жизни герцогства Саксен-Веймар и его культурных и научных центров в первые десятилетия XIX в., т.е. в годы активной деятельности

великого И.В.Гёте, стало возможным здесь только благодаря электронному каталогу, ибо иным путем выявить всю необходимую литературу по тому или иному вопросу, которая была разбросана по всему фонду и отражена в самых разных разделах каталогов, было бы просто-напросто невозможно.

Поэтому и то, что именно в Веймарской библиотеке на протяжении нескольких лет целенаправленно уделяется столь серьезное внимание вопросам осмысления феномена библиотекаря-исследователя случайностью не является.

II. Поскольку концепция исследовательской библиотеки на протяжении нескольких лет привлекает внимание российских специалистов, то вопрос о том, каков же сам библиотекарь исследовательской библиотеки, тоже закономерен. Но обращаясь к этому вопросу, мы неизбежно сталкиваемся с самыми сложными и противоречивыми особенностями развития отечественных научных библиотек, проявившимися в течение последних 80 лет.

Прежде всего, неожиданным оказался интерес к концепции исследовательской библиотеки, проявленный российскими коллегами. Ведь исследовательская библиотека, будучи инструментом гуманитарных наук, точно так же, как научная библиотека, является инструментом науки в целом, но при этом она выполняет принципиально иную функцию по отношению к гуманитарным наукам.

Для специалистов, скажем, в области биологии научная библиотека несомненно является жизненно важным инструментом проведения научных исследований, но при этом главным рабочим местом исследователя-биолога является его научная лаборатория. Исследовательская же библиотека является лабораторией ученого, занимающегося исследованиями в области гуманитарных наук.

Но при этом по отношению к России неизбежно возникает вопрос — каких гуманитарных наук?

Поскольку именно в России, как ни в одной из других стран бывшего социалистического лагеря, гуманитарные науки развивались по иным законам, и научные библиотеки менялись в соответствии с теми требованиями, какие предъявлялись к самой науке, что отразилось и на структуре библиотек, на системе их читальных залов, политике комплектования, характере раскрытия фондов через каталоги, проявилось в самих приоритетах в раскрытии фондов, в обслуживании специалистов и во многом другом.

Но при всем этом именно в России, где отсутствовала сама возможность для полноценного развития исследовательской библиотеки, сформировался библиотекарь-исследователь, библиотекарь исследовательской библиотеки.

Именно в России после 1917 г. пришли на работу в библиотеку многие ученые-гуманитарии. Они приходили туда по разным причинам. В первые годы советской власти это нередко было связано со стремлением уйти от неизбежных контактов с новой властью, о чем очень точно говорит петербургский ученый Г.В.Михеева в своей монографии о Российской книжной палате этих лет: «Для многих гуманитариев невоз-

можность активной научной деятельности, неприятие новой идеологии послужили толчком ухода в библиографию, в том числе и в библиографическую регистрацию, которая в тот период еще была островком, свободным от политики и идеологии, и где можно было приносить ощутимую пользу, не будучи связанным прямым сотрудничеством с новой властью» (История русской библиографии 1917-1921 гг.: (Текущая базисная библиография неперIODических изданий). СПб., 1992. С.257).

В последующие годы, например, в период борьбы с космополитами, имевшей место в конце 1940-х — начале 1950-х гг., именно в библиотеках в известной степени спасались и могли реализовывать свой творческий потенциал многие ученые-гуманитарии.

Вся последующая история библиотек советской России — это история «островков», на территории которых создавались уникальные по своей ценности библиографические труды и научные работы, в которых раскрывались богатейшие фонды научных библиотек, а также блистательные книги и другие издания по истории библиографии и истории книги.

Практически в каждой научной библиотеке гуманитарного профиля — как в универсальной, так и в специализированной — сложился в годы советской власти уникальный справочно-библиографический отдел, который мог называться по-разному, но в таком отделе всегда работала элита: высокообразованные и высокопрофессиональные специалисты гуманитарного профиля. Сама специализация «библиограф», как профессия, претендующая на особое отношение со стороны коллег, возникла в таком виде в эти годы только в нашей стране. Не случайно и то, что только в СССР сложилась в качестве самостоятельной науки, название которой почти не поддается переводу на иностранные языки: библиографоведение.

Иными словами, в России сформировался и многие годы работал библиотекарь-исследователь — профессионал, который помогал ученым-гуманитариям в проведении их научных поисков и одновременно с этим сам занимался научной работой. Кроме уже названной выше деятельности, связанной с раскрытием фонда, библиотекарь-исследователь, как бы он ни назывался в советской России, готовил в библиотеках уникальные по своей ценности выставки, организовывал и проводил научные конференции, симпозиумы и семинары.

Особенно активно раскрывались при этом профессионалы в специализированных научных библиотеках гуманитарного профиля и, в первую очередь, в искусствоведческих библиотеках. Не без горечи уже в 1980-е гг. специалисты писали о них, как о забытых официальными властями, которые не уделяли им должного внимания в плане достойного финансирования и оказания материальной поддержки. Но сегодня стало очевидным, что именно это и спасло их от активного давления сверху.

То, что они оказались забытыми идеологами советского официального библиотечного дела, разработчиками советских официальных библиотечных типологических классификаций и схем, оказалось благом. Об этом, в частности, очень ярко и интересно говорили в своих выступле-

ниях работники искусствоведческих библиотек на втором российско-немецком семинаре по проблемам исследовательских библиотек, который проходил 27-28 октября этого года в Москве в Российской государственной библиотеке по искусству.

Семинар был организован по инициативе секции библиотек по искусству Российской библиотечной ассоциации и председателя этой секции А.А.Колгановой при участии уже упомянутого Михаэля Кнохе и заведующего отделом редкой книги Библиотеки герцога Августа в Вольфенбюттеле Томаса Бюргера, а также представителей двух петербургских библиотек. Темой семинара было определение читателя исследовательской библиотеки, но неизбежно возникали и разговоры о библиотекаре — о том, каким он сложился, каким он стал сегодня, каким он должен и может быть.

Поэтому, когда наши специалисты знакомятся сегодня с переводами работ профессора Фабяна и его немецких коллег и читают о том, какое большое место занимает в работе исследовательской библиотеки сама исследовательская работа, они не могут не обратить внимания, что многое из того, на что обращают внимание наши зарубежные коллеги, традиционно выполняется нашими библиотеками и выполняется на очень высоком уровне.

Но изменилось время. Перестали существовать гуманитарные библиотечные «островки» и «острова». Меняется и состав библиотечкарей, и те, кто приходит на смену энтузиастам — профессионалам высокого класса, нередко просто не сопоставимы с ними.

К тому же, многие профессионалы высшего класса уходят из библиотеки по причинам экономического характера. И наконец, наступила эпоха информатизации, которая заставляет пересматривать и сам труд библиографа. Сегодня проблемы исследовательской библиотеки в проекции на российскую библиотеку неизбежно требуют и рассмотрения проблем, характерных для профессии библиотечкаря-исследователя. Поэтому попытки теоретического, философского осмысления феномена профессии библиотечкаря-исследователя нашими немецкими коллегами не могут не заинтересовать российских библиотечкарей.

Борис Володин

**МИХАИЛУ
АРКАДЬЕВИЧУ
БРИСКМАНУ
ПОСВЯЩАЕТСЯ**

БЛАГОДАРНАЯ ПАМЯТЬ

Александр Васильевич Мамонтов — кандидат педагогических наук, профессор кафедры книговедения и библиографии Санкт-Петербургской государственной Академии культуры. Известный специалист в области теории общей и краеведческой библиографии.

В плеяде видных деятелей библиотечно-библиографической школы нашего города достойное место принадлежит Михаилу Аркадьевичу Брискману. Его жизненный и творческий путь обрисован в посвященной ему статье, опубликованной в журнале «Советская библиография» еще в 1985 году (№ 4, с. 53-61). Мои заметки — дань благодарной памяти о личности этого замечательного человека, с которым мне посчастливилось регулярно общаться на протяжении почти двух десятилетий.

Впервые с Михаилом Аркадьевичем мне довелось встретиться в начале 1952 года, когда он читал нам, студентам второго курса факультета библиотековедения ЛГБИ, лекции по методике библиографии. Сразу привлекло внимание его умение свободно и спокойно беседовать со своими слушателями, практически почти не обращаясь к каким-либо записям и конспектам. Однако подлинное наше знакомство состоялось только через пять лет, осенью 1957 года, при моем поступлении в аспирантуру на кафедру библиографии, где он уже в то время был одним из ведущих преподавателей и специалистов.

Михаил Аркадьевич с первых шагов окружил начинающего аспиранта своим вниманием и поддержкой. Почему так произошло? Думаю, отчасти потому, что я занялся исследовательской деятельностью после трех лет практической работы в Ломоносовской районной библиотеке с вполне сложившимся вкусом к краеведению, а Брискман и сам тогда живо интересовался вопросами библиотечного краеведения и краевед-

ческой библиографии. Впрочем, в дальнейшем неоднократно убеждался в том, что и другие молодые преподаватели и аспиранты находили в нем внимательного и отзывчивого наставника. Так или иначе, он оказал мне серьезную помощь уже на первой консультации перед вступительным экзаменом по специальности, называл имена крупных исследователей, их труды, выделял ключевые дискуссионные проблемы, пытался выявить мои познания в этой области.

Затем на протяжении ряда лет он был моим фактическим руководителем. Официальным, как и для других аспирантов, был наш единственный профессор, известный литературовед Соломон Абрамович Рейсер (расхожей была в то время шутка: «профессорско-рейсеровский состав»). Самым внимательным образом читал Михаил Аркадьевич части моей диссертации и всю работу в целом, делал многочисленные замечания и поправки, давал ценнейшие советы и рекомендации. Неизменно ощущалась при этом его неподдельная заинтересованность в ходе и результатах моей (чужой для него!) работы. Не было ни одного случая, чтобы он отказал в помощи, сославшись на занятость, или прочитал что-нибудь поверхностно, походя. Не сомневаюсь, что именно Брискман привил мне тем самым стремление так же относиться впоследствии к моим ученикам и аспирантам.

Безусловно, Михаил Аркадьевич обладал очень тонким педагогическим талантом, умением не только увлечь многочисленных учеников и воспитанников своими идеями (а в этом отношении он был настоящим мастером), но и незаметно, исподволь втянуть их в работу кафедры, в научную и учебную деятельность. Приведу в этом отношении лишь два примера. Для начала, с первого аспирантского года, возложил он на меня обязанность секретаря методической комиссии по общей библиографии, которую сам же и возглавлял. Работа, на первый взгляд, не столь и сложная — по возможности желательно вести протоколы заседаний, которые проходили обычно ежемесячно. Однако в первое время у меня часто возникали трудности: еще недостаточно был знаком с проблемами педагогической, методической и научной деятельности, а потому далеко не всегда улавливал существо выступлений, возражений, реплик, которыми обменивались члены комиссии — И.В. Гудовщикова, А.К. Ильина, Л.М. Равич, Н.Г. Чагина и другие. Пришлось учиться «плавать» на практике, больше вникать в учебный процесс, читать профессиональную литературу, постепенно вошел в курс дела, по-настоящему заинтересовался работой комиссии. Это была отличная школа!

Другой пример. Уже к концу аспирантуры Михаил Аркадьевич предложил мне разработать и начать читать для небольшой группы студентов курс по выбору «Краеведческая деятельность библиотек». Разумеется, это было интересно; казалось, что все делаю совершенно самостоятельно, а на самом деле своим участием в создании программы, в подготовке к лекциям и семинарам, их посещением с последующим внимательным разбором Брискман внес очень большую лепту в становление этого курса, на базе которого выросла позднее новая учебная дисциплина «Краеведческая библиография».

В мои аспирантские годы Михаил Аркадьевич всячески старался приобщить меня к библиографической жизни страны того времени,

добивался для меня командировок на все сколько-нибудь значительные симпозиумы. Так побывал я с ним на одном из совещаний директоров книжных палат; на библиографической конференции в феврале 1959 года; на всесоюзном совещании по краеведческой работе библиотек в январе 1960 года. Жадно «впитывал» в себя содержание «живых» докладов и сообщений, острых дискуссий и полемики; с какими интересными людьми удалось встретиться, а с некоторыми из них и познакомиться лично, достаточно назвать имена И.В. Боднарского, И.В. Владиславлева, Е.И. Шамурина, Ю.И. Масанова, Л.А. Левина и ряда других!

Позднее, уже в период моей педагогической деятельности ездили вместе на рабочие совещания по краеведческой библиографии в бывшую Библиотеку имени В.И.Ленина в 1973 и 1974 гг. И всюду Михаил Аркадьевич был не сторонним наблюдателем, но активно участвовал в прениях, полемизировал, занимался разработкой принимаемых резолюций и решений, горячо отстаивал в борьбе с оппонентами свои идеи и позиции. Вообще, объективно корректный и выдержанный, он заметно возбуждался, а порой бывал и резок, когда речь заходила о вопросах принципиального характера. (Как тут не вспомнить, например, почти «рукопашные схватки» с Абрамом Ильичем Барсуком на заседаниях кафедры или методической комиссии в институте). В то же время Брискман умел «держать удар», реагировать на наносимые ему уколы ироничной шуткой. Когда в одной из статей дискуссионного характера, помещенной в журнале «Советская библиография», его имя было упомянуто (и, в частности, с негативными оценками и эпитетами) несколько десятков раз, Михаил Аркадьевич с улыбкой заметил: «Ну, что же, настоящий «салют нации!»

Если бы потребовалось кратко определить основную черту характера, личности Брискмана как человека, ученого, педагога, то на первое место, думается, следовало бы поставить его поистине всепоглощающую увлеченность своим делом, быть может даже несколько наивную в наше прагматичное время преданность этому делу без каких-либо условий и оговорок. Современники Михаила Аркадьевича, его товарищи по работе, знакомые и друзья, вероятно, приведут множество тому доказательств. Позволю себе ограничиться лишь одной иллюстрацией из опыта нашего личного общения.

Брискман вообще любил готовить многие свои работы коллективно, привлекая для этого одного-двух, а порой и больше соавторов что, по его мнению, придавало большую весомость, значимость публикуемым материалам. Мне также посчастливилось быть соавтором ряда научных статей и рецензий, написанных в творческом сотрудничестве с моим старшим коллегой и учителем.

Когда возникал замысел очередной работы (а инициатором всегда выступал Михаил Аркадьевич), мы сначала трудились поодиночке: намечали и составляли подробный план, делали рабочие «заготовки», порой писали отдельные части или фрагменты. Наконец, наступало время окончательного оформления. Тогда я приезжал утром, часам к одиннадцати, на Дворцовую набережную (дом 30, квартира 6), в его светлую комнату с балконом, отличным видом на Неву и Петропавлов-

скую крепость, в большой коммунальной квартире. (От Брискмана я узнал, что в былые времена квартира эта целиком принадлежала коменданту Зимнего дворца Аничкову).

По обыкновению, встретив меня, Михаил Аркадьевич почти сразу же усаживался за пишущую машинку, и начиналось коллективное творчество, иногда с быстро печатаемыми целыми абзацами и пассажами, а нередко — с длительными паузами, обдумыванием, исправлениями, прогулками по комнате, неизменными перекурами (курильщик он был заядлый) и пр. Короткий перерыв на обед, и снова за машинку. Замечу попутно, что он всегда отдавал предпочтение машинописи, ибо почерк у него был стремительный, летучий, мелкий и неразборчивый. Когда приходилось писать от руки, сам автор зачастую становился в тупик, расшифровывая свои «нероглифы», а если никак не мог разгадать их, то обычно говорил с мягкой, самоироничной улыбкой: «Нет, никак не пойму; впрочем, значит, это не так существенно!». И такая вот интенсивная работа продолжалась чаще всего до позднего вечера. Наконец, поняв, что уже пора расставаться, Михаил Аркадьевич замечал: «Как жаль, что так быстро пролетел день, очень мало успели сделать сегодня!»

По словам остроязычной Михалины Петровны Бронштейн, так же увлеченно он трудился над их совместной монографией «Составление библиографических пособий», ибо к концу очередной встречи у ее соавтора «успела отрасли борода»!

В связи с этим вспоминается еще один эпизод характера уже вовсе анекдотического. Как-то раз работали мы вдвоем (вместе с известным специалистом в области библиотечной классификации Б.Ю. Эйдельманом) над собственным вариантом таблицы для краеведческого каталога. Просидели так долго, настолько увлеклись работой, обсуждениями и спорами, что когда вышли на лестницу, Эйдельман, увидев «свет в конце тоннеля» (а лестничный пролет в доме на Дворцовой завершался стеклянным витражом), вместо того, чтобы спуститься вниз, стал подниматься наверх. Пришлось его поправить!

Нередко приходилось слышать от коллег, что Брискман слишком упрям, категоричен, не поддается ни на какие компромиссы в научных спорах. Более чем достаточно о том же говорилось и в печати. Убежден, что это было отнюдь не простое упрямство, но глубочайшая уверенность в правоте и обоснованности своих взглядов, родившихся в результате, длительных и нелегких раздумий, сомнений, скажем, о судьбах критической библиографии, ярким сторонником которой он был; о расширительном толковании содержания понятия «краеведческая библиография» (с включением в ее состав библиографии всех местных изданий) и др.

Пolemизировал Михаил Аркадьевич всегда аргументированно, доказательно, хотя умел при этом внимательно выслушивать доводы и соображения своих оппонентов, критично обдумывать их.

Нельзя хотя бы коротко не сказать о выдержке, мужестве (полагаю, даже это громкое слово уместно будет употребить здесь) моего наставника и коллеги. На протяжении целого ряда лет он страдал тяжелым недугом (нейродермит), который то волнами накатывался на него, то на

какое-то время отступал. В период обострения он приходил в институт с забинтованными руками, испытывал, конечно же, сильнейший зуд, но оставался при этом подтянутым, вежливым и любезным со всеми окружающими.

Довелось мне навещать его несколько раз в периоды особо острых приступов заболевания, когда он уже лишен был возможности выйти из дома. Чисто внешне физическое состояние Михаила Аркадьевича производило тогда не просто гнетущее, но воистину страшное впечатление. Однако и в это время он каким-то чудом (несомненно, благодаря огромной внутренней выдержке) продолжал оставаться милым и сдержанным человеком, словно бы извиняющимся за свой неурочный недуг. Значительно позднее, всего за несколько дней до неожиданной кончины (обширный инфаркт стремительно свел его в могилу) Михаил Аркадьевич продолжал активно трудиться, читал обзорные лекции к государственному экзамену студентам заочного отделения на многих людных потоках. Конечно же, ему было крайне тяжело, но он сдерживался, молчал, крепился, а мы не догадывались тогда его остановить, подменить, попытаться спасти, если это было еще возможно...

Приходилось мне встречаться и с близкими Михаила Аркадьевича. Особенно часто — с его милой и умной спутницей, прекрасным искусствоведом Марией Яковлевной Варшавской, с его сестрами, на квартире которых праздновалось семидесятилетие Михаила Аркадьевича (увы, менее чем за год до его смерти). Однажды застал в его квартире на Дворцовой его престарелую матушку. Какие это были тонкие, delicate и в самом высоком значении слова интеллигентные люди. Таким был и он сам.

Многое можно было бы еще вспомнить. Но недостаточно ли уже личных впечатлений? Приведу поэтому в заключение мнение другого лица — преподавателя библиотечного факультета Казахского женского педагогического института Нины Николаевны Смирновой, которая в начале 1970-х гг. в течение нескольких месяцев проходила стажировку на нашей кафедре. Помнится, она тогда очень исправно посещала лекции, семинары и практические занятия по библиографическим дисциплинам у всех преподавателей и перед отъездом, по моей просьбе, сделала краткие записи-характеристики, которые и сегодня, по прошествии четверти века, представляются мне весьма точными, меткими и выразительными.

Вот что, в частности, написала Н.Н. Смирнова после посещения занятий М.А. Брискмана: «Поразило тонкое знание психологии студентов, чисто отеческое отношение к ним этого мудрого, обогащенного большим жизненным опытом человека. После занятий Михаил Аркадьевич очень волновался, переживал, удалось ли ему донести свои мысли, идеи до слушателей, все ли им было понятно и интересно. Такое волнение не может не задеть сокровенные струны души человеческой...»

Прекрасные слова, прекрасная оценка личности педагога и человека, которую вряд ли стоит чем-либо дополнять.

БИБЛИОТЕКА ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ФОРУМЫ ПО ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНЫМ ПРОБЛЕМАМ

Екатерина Гениева, Генеральный директор Библиотеки иностранной литературы в Москве, — в центре новой российской инициативы, Deliberation Project (Проект «Библиотека как центр общественной жизни»), в основе которого лежит методика взвешенного диалога. Екатерина надеется этим проектом возродить старинную русскую традицию городских собраний.

Являясь одной из ведущих научных и публичных библиотек в Москве, Библиотека иностранной литературы находится в сердце сети публичных и университетских библиотек страны, и ее деятельность сегодня выходит далеко за границы государства и, по сути, стала международной.

Библиотека иностранной литературы вместе с National Issues Forums (Форумы по общенациональным вопросам) и недавно образованным консорциумом бывших международных стипендиатов Фонда Кеттеринга Тимофея Федоренко, Дениса Макарова и Анастасии Корниенко и их уважаемыми организациями будут работать над проектом по обучению 6 библиотекарей из разных регионов России процессу deliberative decision making (принятие решений на основе общественного обсуждения).

Согласно проекту российские библиотекари, приедут в Соединенные Штаты для прохождения обучения в Институте Общественной Политики (Public Policy Institute), посетят американские библиотеки, входящие в сеть Форумов по общенациональным вопросам, и примут участие в семинаре по анализу проблем (naming framing)¹ в Фонде Кеттеринга. Первая фаза проекта завершится в Москве семинаром по итогам стажировки. Для участия в проекте приглашаются библиотекари — настоящие энтузиасты и лидеры, ясно понимающие возможности принятия решения на основе взвешенного диалога и имеющие хорошее знание английского языка. По возвращении из США домой шесть библиотекарей организуют форумы в своих библиотеках. В итоге, получив подготовку, они будут в свою очередь обучать своих коллег-библиотекарей делать выбор на основании взвешенного диалога.

Г-жа Гениева считает, что библиотека может быть центром общественной жизни. Она видит роль библиотеки в преодолении информационного голода. «Люди в провинциальных городах и деревнях не всегда имеют достоверную информацию о том, что происходит в политической жизни страны», — говорит она.

Поскольку во времена коммунистического режима существовал жесткий контроль информации, для россиян существует необходимость научиться самостоятельно делать выбор. По словам Екатерины Гениевой, они устали от пропаганды — любой пропаганды — и ищут путь к самопониманию. «Россия претерпела множество перемен» — говорит она — «за пять последних лет мы прожили целое столетие».

¹ Анализ проблемы включает ряд шагов по детальному ее рассмотрению и определению того, «как сделать так, чтобы проблема была понятна любому гражданину».

Россиянам еще многое предстоит сделать, и возможности безграничны. Библиотека иностранной литературы планирует быть лидером в этом рывке вперед.

Дебора Уитте,
Администратор Информационной Службы
Фонда Кеттеринга

РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ТЕМУ РОССИЙСКОГО ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Мы уже писали в июльском выпуске *Connections* (1996 г.)¹ о продолжающемся американо-российском диалоге о дипломатии. В продолжение разговора, происходившего в Вашингтоне в марте 1996 года, небольшая американская делегация во главе с Президентом Фонда Кеттеринга Дэвидом Мэтьюсом посетила Москву в октябре 1996 года. Несколько представителей этой делегации в течение 3 дней встречались со множеством частных лиц и организаций, чтобы понять статус российского гражданского общества.

Мы проводили встречи с исследовательскими и образовательными организациями, которые работают над введением новых программ гражданского образования в российских школах и университетах. Мы встречались с представителями Государственной Думы, которые борются с тем типом взаимоотношений, которые установились между избранными должностными лицами и избирателями. Мы посетили Префектуру на окраине Москвы, представители которой пытаются начать процесс вовлечения отдельных граждан и организаций в совместную работу со школами.

Во время поездки делегация Фонда Кеттеринга встречалась также с двумя американскими бизнесменами, которые твердо верят в то, что различие подходов американцев и россиян к бизнесу заключается в менталитете каждой из групп бизнесменов. Для русских в основе сделки лежит взаимодействие в контексте долгосрочных отношений. В отличие от американских коллег, которые привыкли к правовому подходу при установлении отношений в бизнесе, российские бизнесмены считают контракты просто бумагой, которую можно так же легко разорвать, как и подписать. Отсюда и конфликты, которые отрицательно сказываются на российско-американских коммерческих предприятиях.

Основываясь на этих беседах, я пришла к следующему заключению: гражданское общество в России стало еще более неоднородным сегодня, чем было два года назад. К уже хорошо зарекомендовавшим себя организациям в российском гражданском обществе прибавились более мелкие новые группы, которые обосновались в регионах. Хотя в Москве и Санкт-Петербурге располагается большая часть гражданских организаций, некоторые новые проекты осуществляются в российских регионах и провинции.

Несмотря на расширение этого сектора, гражданские организации

¹ Randa M. Slim. *A U.S.-Russian Conversation on the State Nongovernmental Diplomacy // KF Connections.* — 1996. — July. — P.6-7.

остаются разобщенными, проще говоря, не ведут переговоры друг с другом. Они борются за одни те же ресурсы, и не видят преимущества в сотрудничестве при реализации похожих проектов. Значительное дублирование работы во многих случаях происходит из-за отсутствия связи между внешними спонсорами. Этот недостаток связи более ошущим между центром, то есть Москвой, и регионами.

Множество образовательных организаций в России придают особое значение гражданскому образованию и его роли в укреплении российской демократии. Тем не менее, их внимание более всего сосредоточено на реформе учебной программы и создании материалов по гражданскому образованию для преподавателей. Московский государственный педагогический университет привносит много нового в эту сферу. Программа университета рассматривает гражданское образование с точки зрения перспектив местной общины и основывается на теории и практике решения общественных проблем.

Как и ожидалось, многие российские организации до сих пор делают акцент на том, как обучать граждан участию в политической жизни, и пытаются изменить их привычный образ мыслей о том, что граждане могут и не могут делать в условиях демократии. Недостаточно работы было проведено и с должностными лицами, которые в основном придерживаются старых убеждений об управлении.

Кроме того, большинство официальных лиц в сегодняшней России — в прошлом коммунисты, которые просто научились приспосабливаться в новой ситуации. Они все еще являются основным препятствием для гражданских и социальных реформ, особенно в регионах, расположенных вдали от двух основных городов. Перед российскими образовательными организациями стоят две основных проблемы, требующие скорого разрешения. Одна состоит в притягательности, которую представляют для них западные модели гражданского участия. Хотя традиции решения общественных проблем все еще существуют на уровне деревни, они были утрачены в советскую эру в крупных городах, таких как Москва и Санкт-Петербург.

Следовательно, проблема в том, как создать новые программы, которые могли бы возродить эти старые традиции гражданского участия. Вторая задача гражданского общества в России — создание организаций, деятельность которых выходила бы за рамки отдельно взятого региона, а также создание целых сетей гражданских организаций. Экономическая реальность в ближайшем будущем может способствовать созданию коалиции организаций-единомышленников. Тем не менее, существует недоверие к организациям, играющим роль посредников между гражданами и государством, поскольку раньше они были продуктом госаппарата. Время покажет, сможет ли российское гражданское общество создать организации, выходящие за рамки своих узкоспециальных интересов, и сети, которые позволят собрать вместе граждан с различными интересами для приложения совместных усилий в решении проблем.

*Ранда Слим
Руководитель Программ
Фонд Чарльза Ф. Кеттеринга*

ФОНД КЕТТЕРИНГА

Фонд Чарльза Ф. Кеттеринга — исследовательский фонд, расположенный в г. Дейтон (Огайо, США). Фонд работает и сотрудничает с неправительственными организациями в Западном полушарии, Восточной и Центральной Европе, России и Среднем Востоке, стремящимися к укреплению демократии в своих странах. Фонд Кеттеринга изучает природу политики и проводит программы, целью которых является становление и укрепление демократического гражданского общества. С конца 80-х годов организации, возникшие в странах, где когда-то правил авторитарный режим, нашли эти программы важными и полезными для образования граждан и укрепления гражданского общества. Они пользуются той же методикой «народного выбора» (public choice), что и Форумы по Общенациональным Проблемам (ФОП) — сеть, в которую входят более 5000 гражданских организаций и общин, проводящих подобные форумы повсюду в США. Среди организаций, использующих возможности ФОП для политических дискуссий, — колледжи, университеты и средние школы, библиотеки и лиги, церкви, синагоги и теологические центры, группы, занимающиеся вопросами грамотности и лидерства, студенческие ассоциации, центры для граждан старшего возраста. Участники движения ФОП, проводящие форумы в тюрьмах, работающие в гражданских лигах, — это не просто «политикоманы». Каждая организация действует самостоятельно, используя возможности форумов в соответствии со своими собственными задачами. В этом смысле существует множество форумов, управляемых и финансируемых на местах.

Форумы отличает единый подход к политике в области общественного образования, который освещен в ряде специальных изданий, подготовленных совместно Фондом Кеттеринга и Фондом общественной повестки дня (Public Agenda Foundation). Они предоставляют в распоряжение людей перечень возможностей политического выбора, отводя каждой место, соответствующее ее значимости.

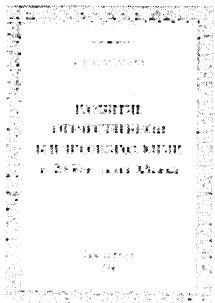
Форумы — далеко не единственный вид деятельности, который исследует и литературу для проведения которого готовит Фонд Кеттеринга. Среди программ Фонда: неправительственная дипломатия, гражданское общество, гражданин — правительство, община, политика образования, политика публики, публичное лидерство.

В результате сотрудничества Фонда Кеттеринга с коллегами из других стран образовалась трехуровневая программа взаимоотношений:

- Международным обмен в гражданском обществе;
- Международным семинар, посвященный гражданскому обществу;
- Международная стипендия «Гражданское общество».

Более подробную информацию о деятельности Фонда Кеттеринга, его программах и возможностях участия в них Вы можете получить в ВГБИЛ им. М.И. Рудомино у координатора программ Корниенко Анастасии по адресу: 109189, Москва, ул. Николаямская, 1.
Тел./факс (095) 915 7200.

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ К.И. ВОРОБЬЕВОЙ «РАЗВИТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ БИБЛИОПСИХОЛОГИИ В 20–30-е ГОДЫ XX ВЕКА»¹

Елена Викторовна Смолина — канд. пед. наук, старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела библиотековедения Российской национальной библиотеки

Жанр рецензии на библиотековедческую работу является в настоящее время достаточно трудным в связи с тем, что, с одной стороны, вряд ли стоит критически анализировать содержание книги в то время, когда научных монографий по библиопсихологии очень мало и любое издание на эту тему уже достаточно значимо. С другой стороны, неуместно и просто пересказывать содержание того, что, собственно, предстоит прочитать читателю самому. Поэтому, с нашей точки зрения, разумнее всего подготовить читателя к восприятию содержания книги через рассказ о тех главных научных проблемах, которым посвящена книга и которые актуальны и в настоящее время.

Одна из проблем — это поиск научной методологии в библиопсихологии, которая была бы эвристически надежной и наиболее адекватной всему тому сложному комплексу явлений и процессов, который возникает при взаимодействии читателя с книгой, с текстом. Поиски этой новой методологии в 20–30-е гг., так же как и в 90-е гг. связаны с ситуацией методологического кризиса в науке и привели к возникновению большого количества научных направлений, в рамках которых происходила активная работа. Различные дисциплины в психологии в то время оперировали различными понятиями, различными фактами, различными способами мышления. Происходило формирование психологических дискурсов: создавались научные общества, выходили научные журналы.

К.И.Воробьева в своей книге дает широкое представление об использовавшихся в библиопсихологии в то время теориях — от рефлексологии и марксизма до культурно-исторической концепции. Близкая картина поисков новой методологии или, другими словами, преодоление научного кризиса в психологии происходит и сегодня. Поэтому так важен анализ средств познания, ведь развитие науки невозможно без критического осмысления исторического опыта. Те направления, которые начали формироваться в 20–30-е годы и были прерваны идеологическими и политическими процессами, возвращаются к нам уже в определенной степени развитые западными учеными. Так, заново от-

крывают труды Л.С. Выготского, Н.А. Рубакина и других. Именно культурно-историческая концепция развития психики человека стала одной из самых перспективных методологий в мировой психологии сегодня.

Автор книги приводит достаточно обширные цитаты из трудов библиопсихологов, которые возвращаются в отечественную науку и книги которых стали библиографической редкостью. Знание истории развития библиопсихологии, ее наиболее ярких страниц в 20–30-е годы позволит заполнить те «белые пятна», которые существуют в науке, так как на современном витке развития, но уже на новом уровне ставятся те же проблемы: специфика познания и восприятия человека, человек и текст, человек и смысл.

Еще одна актуальная проблема 20–30-х г. корреспондируется с современностью наиболее ярко. Это проблема этическая, возможность «переделки» сознания человека с помощью такого серьезного орудия, каким является книга.

В монографии К.И.Воробьевой убедительно раскрыт антигуманизм и мифология прямого политического руководства библиотечным делом, когда был поставлен вопрос о сознательном формировании определенного типа читателя на основе марксистско-ленинской модели общественно-политического мышления. Перед библиопсихологами была поставлена задача выявить возможности психологического воздействия на огромную читательскую аудиторию страны с целью формирования «нового человека», обладающего коммунистическим мировоззрением.

В настоящее время, когда профессиональное сознание библиотекарей формирует новые ориентиры и приоритеты обслуживания читателей в диапазоне от «теории руководства чтением» до «маркетинговых стратегий изучения спроса», этические проблемы, философия библиотечной практики с той же необходимостью требуют знания и критического осмысления исторического опыта.

В заключение хотелось бы высказать надежду на то, что книга К.И.Воробьевой не только станет для многих библиотечарей открытием нового мира библиопсихологии, но и явится началом развития одного из направлений научной профессиональной идеологии.

¹ Воробьева К.И. Развитие отечественной библиопсихологии в 20–30-е годы XX века. — СПб., 1996. — 219 с.